

Лит. И. и А. Давиденко въ Кіевѣ

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Вѣстникъ Юго-западной и Западной Россіи на 1863/64 годъ выходитъ съ іюля 1863 года по іюль 1864 года, **ежемѣсячно,** книжками отъ 13 до 15 листовъ обыкновенной печати. (По настоящее время редакція давала публикѣ отъ 16 до 20 листовъ, и болѣе, сжатой печати).

Подписка принимается:

Въ Кіевѣ, въ редакціи журнала, на Подолѣ, и въ конторѣ его, при книжномъ магазинѣ г. **Литова,** на Крещатикѣ; въ **С.-Петербургѣ**, въ конторѣ журнала, при книжномъ магазинѣ **А. Ф. Базунова,** на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Ольхиной, противъ Милютиныхъ лавокъ, и въ книжномъ магазинѣ **С. И. Литова**, на углу Невскаго проспекта и Малой Садовой; въ **Москвѣ,** въ конторѣ журнала, при книжномъ магазинѣ **И. В. Базунова,** и коммиссіонера «Вѣстника» купца **Г. В. Барскаго,** на Садовой, у гостинницы Полтава, въ домѣ Быхова, въ **Варшавѣ**, у книгопродавца **П. В. Дутова**.

ЦѢНА ВѢСТНИКА ЗА ГОДЪ:

Для жителей Кіева, безъ доставки 6 руб. 50 коп., съ доставкою на домъ 7 руб. 50 коп., а съ пересылкою во всѣ города имперіи 8 руб.

Гг. иногородные благоволятъ относиться съ своими требованіями исключительно въ редакцію журнала Вѣстникъ Юго-западной и Западной Россіи, въ Кіевѣ.

Посылки и письма слѣдуетъ адресовать редактору «Вѣстника» Ксенофонту Антоновичу *Говорскому*, въ Кіевѣ.

Для желающихъ выписать «Вѣстникъ» за истекшій 1862/63 годъ дѣлается уступка: для жителей Кіева 6 р. а для иногородныхъ по 7 р. 50 к. съ пересылкою.

ВѢСТНИКЪ

ЮГО-ЗАПАДНОЙ И ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

издаваемый

К. Говорскимъ.

МАРТЪ

ГОДЪ ВТОРОЙ.

ТОМЪ III.

КІЕВЪ.

Въ типографіи И. и А. Давиденко.

1864.

Дозволено цензурой. Кіевъ, 27 мая 1864 года.

Цензоръ Малышевскій.

ОБЪЯВЛЕНІЕ
О ПРОДОЛЖЕНІИ ЖУРНАЛА
„ВѢСТНИКЪ
ЮГО-ЗАПАДНОЙ И ЗАПАДНОЙ РОССІИ"
ВЪ СЛѢДУЮЩЕМЪ 18$^{64}/_{65}$ ГОДУ.

Есть органы, которые плавно и безмятежно катятся по извѣстнымъ четыремъ, или пяти своимъ рельсамъ—рубрикамъ; есть литературные дѣятели, которые невозмутимо глядятъ на мелькающую предъ ними жизнь, не прерываютъ своего кейфа при всевозможныхъ диссонансахъ явленій этой жизни, нормѣ бытія. Не такова участь «Вѣстника юго-западной и западной Россіи» и его дѣятелей! На долю ихъ выпала битва со всѣмъ и всѣми, что и кто рознитъ нормѣ русской вѣры и народности, святости и неприкосновенности первой, цѣлости и счастію послѣдней.

Эта, вызванная обстоятельствами, исключительность направленія «Вѣстника» невольно отразилась и на тѣхъ его отдѣлахъ, которые предназначены были не для полемики, но которые дали ей пищу, или основаніе. Къ такому преобладанію въ «Вѣстникѣ» элемента полемическаго послужило накопленіе враговъ его, или точнѣе—антагонистовъ нормальнаго бытія дорогой для насъ Россіи и православія. Почти вмѣстѣ съ врагами внѣшними, взявшимися за ножи и револьверы, начали смущать разными нелѣпыми теоріями и затѣями спокойствіе южно-русскаго края и враги домашніе; нужно было подорвать ихъ лжеученіе, разрушить ихъ замыслы. «Вѣст-

никъ,» скажемъ безъ самохвальства, добросовѣстно исполнилъ и эту миссію и не оставилъ безъ преслѣдованія этихъ новыхъ Герценовъ даже и тогда, когда они думали было укрыться въ Галиціи и оттуда пускать стрѣлы въ сердце своей собственной матери.—Южные славяне теперь вполнѣ прозрѣли и съ презрѣніемъ отвернулись отъ теоріи и практики нашихъ хохломановъ, которыми увлеклись-было на время, чисто по невѣдѣнію.

Такимъ образомъ и другой годъ изданія «Вѣстника,» волей-не волей, вышелъ полемическимъ. Зато есть надежда, что третій годъ, къ которому онъ приступаетъ, будетъ спокойнѣй и разнообразнѣе. Политическая атмосфера замѣтно очищается отъ революціонныхъ міазмовъ различнаго качества и количества; разные *маны* постепенно вразумляются и быстро выписываются изъ патологическихъ заведеній, взглядъ на лица, вещи и отношенія дѣлается съ каждымъ днемъ свѣтлѣй и нормальнѣе; есть надежда, что скоро не только политика, но и пресса перекуютъ мечи на серпы. Во всякомъ случаѣ, *Россія* не видитъ теперь ни въ себѣ, ни вокругъ себя такихъ враговъ, которые бы заслуживали ея вниманія, возбуждали близкія и серьозныя опасенія.

Если надежды наши на *времена мирна и безмятежна* вполнѣ осуществятся, «Вѣстникъ» будетъ свободнѣй отъ тѣхъ случайныхъ столкновеній, на которыя вызвали его дѣятелей честь и совѣсть, долгъ русскаго гражданина и характеръ изданія; онъ обратитъ болѣе серьозное вниманіе на I и II отдѣлы своей программы, больше озаботится исторіей, этнографіей, топографіей и статистикой западнаго края Россіи, въ области которыхъ такъ много еще пустырей, или заросшихъ терніемъ заблужденія участковъ.

Не можемъ здѣсь умолчать о несвоевременномъ выходѣ книжекъ «Вѣстника,» въ которомъ его *благопріятели* хотѣли видѣть или близость его паденія, или несостоятельность редакціи—матеріальную, либо моральную. Утѣшьтесь благопріятели! Вы видите, что предсказанія—не по вашей части, что «Вѣстникъ» пробился не безъ славы и трофеевъ сквозь плотную фалангу вашу, что ваше злорадство давало только болѣе здоровую пищу для его жизни и дѣятельности. Правда, умноженіе этихъ благопріятелей вокругъ и около «Вѣстника» имѣло

нѣкоторое вліяніе на сокращеніе друзей, на уменьшеніе его матеріальныхъ средствъ, но не все-же, не всѣмъ же дѣйствовать изъ за меркантильныхъ побужденій: можно иногда и пострадать нѣсколько *правды ради,* можно пожертвовать и своими личными интерессами для интерессовъ Россіи и православія. Впрочемъ и эта скудость не такъ еще ощутительна для «Вѣстника», чтобъ имѣла (какъ видите) серьозное вліяніе на прекращеніе изданія: за Богомъ молитва, за царемъ служба не пропадутъ; добрые люди, которыхъ не мало въ доброй Россіи, всегда выручатъ изъ крайности тѣхъ, которые честно и самоотверженно ратуютъ съ врагами нашей вѣры и народности. И запаздыванье книжекъ «Вѣстника,» какъ это было уже не разъ сказано и доказано, есть явленіе не безпримѣрное и вполнѣ *независящее отъ редакціи «Вѣстника».* Впрочемъ и запаздыванье тутъ собственно воображаемое; потому что подписчики «Вѣстника» *непремѣнно* получатъ въ теченіи года *всѣ* его книжки, такъ что развѣ только 12-я, какъ показалъ прошлогодній опытъ, выйдетъ въ половинѣ августа.

«ВѢСТНИКЪ» будетъ издаваться въ $18^{64}/_{65}$ г. по прежней программѣ, въ прежнемъ видѣ и объемѣ, и на прежнихъ условіяхъ. Онъ остается вѣренъ тѣмъ же 4-мъ своимъ рубрикамъ:

Отдѣлъ I.

Историческіе акты.

Здѣсь будутъ помѣщаться сохранившіеся въ разныхъ архивахъ и библіотекахъ акты, относящіеся къ церковной, гражданской и народобытовой исторіи западной и юго-западной Россіи, въ *буквальныхъ* спискахъ съ подлинниковъ, съ переводами на русскій языкъ тѣхъ изъ нихъ, которые составлены на польскомъ, латинскомъ и другихъ языкахъ, съ изъясненіемъ непонятныхъ словъ и выраженій тѣхъ, которые составлены на русскомъ языкѣ, и приложеніемъ необходимыхъ примѣчаній.

Отдѣлъ II.

Очерки и разсказы изъ событій прошедшаго быта и нравовъ, на основаніи актовъ, помѣщенныхъ въ предъидущемъ отдѣлѣ, и вообще источниковъ, служащихъ для исторіи запад-

ной и юго-западной Россіи,—научныя изслѣдованія вопросовъ, относящихся къ той же исторической сферѣ, біографіи замѣчательныхъ лицъ, дѣйствовавшихъ въ упомянутыхъ краяхъ, свѣдѣнія о церквахъ, монастыряхъ, учрежденіяхъ и мѣстахъ, имѣющихъ историческое значеніе, и описанія мѣстностей съ историческими воспоминаніями. Здѣсь также будутъ имѣть мѣсто всякія изслѣдованія и статьи по части отечественной археологіи.

Отдѣлъ III.

Критика сочиненій и статей, относящихся къ юго-западной и западной Россіи и заслуживающихъ вниманіе нападокъ на Вѣстникъ,—опроверженіе вымысловъ и клеветъ на Россію и православіе, распространяемыхъ печатно врагами нашего отечества—и у насъ и за границею,—обличеніе ихъ во всякомъ искаженіи фактовъ,—вообще полемика со всѣмъ, что направлено къ нарушенію цѣлости нашей вѣры и народности.

Отдѣлъ IV.

Очерки, описанія и изслѣдованія разныхъ сторонъ настоящаго быта западной и юго-западной Россіи, въ связи съ ея прошедшею исторіею,—статистическія свѣдѣнія о сихъ странахъ, археологическія разъисканія,—свѣдѣнія о заграничныхъ—славянскихъ племенахъ вообще и въ особенности о племенахъ, принадлежавшихъ прежде къ Россіи,—о русской грамотности и распространеніи ея въ областяхъ юго-западной и западной Россіи,—новыя государственныя постановленія, исключительно касающіяся сихъ странъ,—хроника важнѣйшихъ происшествій въ сихъ странахъ,—извлеченія изъ русскихъ и заграничныхъ журналовъ и газетъ разныхъ извѣстій, касающихся западной и юго-западной Россіи,—библіографическія извѣстія о вновь вышедшихъ книгахъ и брошюрахъ, имѣющихъ предметомъ эти страны,—некрологи и разныя мелкія статьи (въ стихахъ и прозѣ), не подходящія подъ рубрику первыхъ трехъ отдѣловъ. Корреспонденція. Объявленія и проч.

ВѢСТНИКЪ

выходитъ съ 1-го іюля, ежемѣсячно, книжками отъ 13—15 листовъ обыкновенной печати.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Кіевѣ; въ Редакціи журнала, на Подолѣ и въ конторѣ его при книжномъ магазинѣ г. *Литова*; въ С.-Петербургѣ: въ конторѣ журнала при книжномъ магазинѣ *А. Ф. Базунова*, на Невскомъ проспектѣ въ домѣ Ольхиной, противъ Милютиныхъ лавокъ, и въ книжномъ магазинѣ *г. Литова*, на углу Невскаго проспекта и Малой Садовой улицы; въ Москвѣ; въ конторѣ журнала при книжномъ магазинѣ *И. В. Базунова*, и у другихъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

ЦѢНА ВѢСТНИКА ЗА ГОДЪ:

для жителей *Кіева*, **6 р. 50 к.**, съ доставкою на квартиру **7 р. 50 к.**, а съ пересылкою во всѣ города Имперіи **8 р.**

Гг. иногородные подписчики благоволятъ относиться съ своими требованіями исключительно въ **Редакцію журнала Вѣстникъ юго-западной и западной Россіи, въ Кіевѣ.**

Посылки и письма слѣдуетъ адресовать редактору—издателю Вѣстника **Ксенофонту Антоновичу Говорскому**, въ Кіевѣ.

Въ редакціи «Вѣстника» имѣется еще около 200 экз. $18^{62}/_{63}$ и около 300 $18^{63}/_{64}$ года. Желающіе выписать «Вѣстникъ» за *первый* годъ прилагаютъ къ своимъ требованіямъ **7 р.** за экз., а за *второй*—**8 р.**, съ пересылкою во всѣ города Россіи, а для подписчиковъ въ самомъ Кіевѣ, безъ пересылки и доставки на домъ, за первый годъ—**6 р.**, а за второй—на означенныхъ во всякой книжкѣ «Вѣстника» условіяхъ.

Редакторъ-издатель **К. Говорскій.**

Редакторъ-сотрудникъ **И. Эремичъ**.

[illegible]

ИЗВЛЕЧЕНІЯ

изъ сочиненія Михалона Литвина: «О нравахъ татаръ, литовцевъ и москвитянъ.»

(Окончаніе).

СОКРАЩЕНІЕ ОТРЫВКА СЕДЬМАГО [1]).

А наши, противъ обычая древнихъ и святыхъ людей, слѣдуя животнымъ чувствамъ (да не оскорбятся этимъ благочестивые!), подходятъ иногда многіе къ одной женщинѣ, не расчитывая на рожденіе или родство и дружбу, не боясь Бога,— ищутъ приданаго, смотрятъ на красоту, которою женщины привязываютъ къ себѣ мужчинъ, дѣлаются надменными и заботятся не о томъ, чтобъ быть непорочными, но чтобы быть денежными и красивыми, потому и выдаютъ себя иногда за богатыхъ, не будучи такими и украшаютъ себѣ лице. Это особенно распространилось въ нашемъ народѣ съ тѣхъ поръ, какъ обнародованъ извѣстный законъ Лит. Стат. Разд. 4, стр. 7 (?), по которому женамъ, въ вознагражденіе за приданое, назначается извѣстная часть наслѣдства. Отсюда сдѣлались онѣ надменны, стали пренебрегать добродѣтель, не слушаться опекуновъ, родителей, мужьевъ и приготовлять преждевременную смерть живущимъ. Многоженство есть причина того, что сосѣди наши, татары пе-

Жены литовскія.

---

[1]) Здѣсь допущенъ небольшой пропускъ о многоженствѣ татаръ. Ред.

рекопскіе, столько разъ побитые нами и вырѣзанные, опять плодятся. Не такъ давно еще въ войскѣ Осламъ-Солтана было
40 братьевъ. 40 сыновей какого-то Омельдеша, сильные, рожденные отъ женъ и наложницъ въ одномъ и томъ же году, даже можетъ быть въ одинъ и тотъ же мѣсяцъ. Замѣтна была эта когорта 40 братьевъ. У рѣки Ваки есть большая деревня татарская, называемая изстари деревней 40 татаръ, т. е. братьевъ. Обычай покупать невѣстъ, существующій у татаръ, былъ и у израильтянъ, какъ видно изъ книги Бытія, гл. 30 и 1-й книги Царствъ, гл. 18 (ст. 27). И въ нашемъ народѣ прежде за невѣстъ платилась родителямъ цѣна, называемая самогитами *крено*. А теперь мы за приданое продаемъ себя женамъ и дѣлаемся ихъ рабами, ища себѣ хорошаго родства.

Ни татары, ни москвитяне не даютъ своимъ женамъ никакой свободы, говоря: кто дастъ свободу женѣ, тотъ у себя ее отнимаетъ. Онѣ у нихъ не имѣютъ власти, а у насъ нѣкоторыя владѣютъ многими мужчинами, имѣя села, города, земли, однѣ на правахъ временнаго пользованія, другія по праву наслѣдованія, и по этой страсти къ владычеству живутъ онѣ подъ видомъ дѣвства или вдовства необузданно, въ тягость подданнымъ, преслѣдуя однихъ ненавистію, губя другихъ слѣпою любовію, ибо «реку горчайшу паче смерти жену», говорится въ Екклезіастѣ г. 7 ст. 25.

Женщины начальствующія. Хотя власть женщины постыдна даже внутри дома; однако у насъ владѣютъ онѣ крѣпостями на границахъ московскихъ, татарскихъ, турецкихъ и валахскихъ, крѣпостями, которыя можно было бы поручить только мужамъ съ сильнымъ духомъ. Не даромъ предки вашего величества не дозволяли женщинамъ этой свободы наслѣдованія, напротивъ выдавали ихъ за мужъ не по ихъ, а по своей волѣ, выбирая имъ жениховъ, знаменитыхъ не родомъ и богатствомъ, а воинскими доблестями, прославившихъ себя пролитою кровью своею и непріятельскою. Отдавались даже эти героини за самыхъ простыхъ людей, отличившихся на войнѣ (саконы и сунгайлоны).

СОКРАЩЕНІЕ ОТРЫВКА ВОСЬМАГО.

Многіе, прельщенные этими наградами, даже изъ простаго народа, дѣлались хорошими солдатами, съ которыми предки

вашего величества далеко распространили свои владѣнія, такъ что и теперь въ Тавридѣ и Московіи видны слѣды предковъ вашего величества: доселѣ существуютъ тамъ Гедиминовы и Витовтовы валы, холмы, колодези, мосты, дороги, рвы, лагери и стѣны, разгромленныя орудіями туземцевъ, а иныя разрушенныя даже палками литовцевъ. Но въ то время молодежъ наша не коснѣла въ праздности, а упражнялась постоянно въ военныхъ занятіяхъ, по обычаю своихъ храбрыхъ предковъ; не дожидались тогда объявленія войны, или тяжкой обиды отъ врага; или благопріятнаго лѣтняго времени, но вооружалась и за частную обиду или за незначительное оскорбленіе, нанесенное подданнымъ. Приходили иногда къ Москвѣ около праздника Пасхи и тамъ заключали договоръ съ покоренными врагами. Теперь же ихъ князь намъ страшенъ, потому что онъ постоянно занимаетъ своихъ воинскими упражненіями, не позволяя никому сидѣть все дома, но по очереди посылая на пограничную стражу. Враги наши татары смѣются надъ нашей безпечностью, нападая на насъ, погруженныхъ послѣ пировъ въ сонъ. «Иванъ! ты спишь, говорятъ они, а я тружусь, вяжу тебя.» Теперь наши воины погибаютъ среди праздности въ корчмахъ, гдѣ они убиваютъ другъ друга, больше, нежели самихъ непріятелей, которые опустошаютъ нашу страну, тогда какъ они могли бы найдти лучшій случай показать свое мужество въ бояхъ съ врагомъ трезвымъ и дѣятельнымъ на границахъ Подоліи и Кіева, могли бы тамъ изъ рекрутовъ сдѣлаться храбрыми воинами и предводителями, и намъ не нужно было бы искать такихъ людей внѣ отечества. Предки вашего величества не презирали своихъ природныхъ слугъ, которымъ необходимо сражаться храбрѣе и умирать за отечество и его законы. И двоюродный братъ вашего величества, венгерскій король Людовикъ, не былъ бы оставленъ въ походѣ и сраженіи и растоптанъ въ бѣгствѣ, если бы отдалъ преимущество своимъ солдатамъ предъ чужеземными. Испыталъ вѣрность своихъ также дѣдъ его и вашего величества блаженной памяти Казимиръ, сражаясь при Хойницѣ въ Пруссіи съ крестоносцами, гдѣ, исполняя долгъ солдата и вождя, закрытъ былъ тѣлами воиновъ нашего племени, когда самъ усталъ отъ трудовъ и тяжести оружія и конь его былъ раненъ. Его пересадили на другаго коня и избавили отъ опасности, пробившись сквозь ряды непріятельскіе. Подражая этому,

Храбрость древнихъ литовцевъ.

Людовикъ убитъ въ 1526

москвитяне не упражняютъ въ оружіи и не обогащаютъ чужеземныхъ воиновъ, которые когда нибудь выйдутъ изъ ихъ земли; но награждаютъ своихъ ревностно служащихъ, заботясь не о жалованьѣ, а о количествѣ ихъ наслѣдства. Но теперь наши рядовые солдаты, хотя имѣютъ гораздо большія выгоды отъ наслѣдствъ и трудовъ, хотя пользуются многими преимуществами, однако презираютъ ихъ, предоставляя упражняться въ военномъ дѣлѣ и защищать отечество бѣглымъ москвитянамъ и татарамъ, и мы ежегодно платимъ дань перекопскому хану. А между тѣмъ наша литовская и самогитская молодежь была бы полезнѣе для военной службы какъ врожденною храбростью, такъ физической силой и постоянствомъ защиты. Но наши начальники не обращаютъ вниманія на то, что государство старѣетъ въ праздности и что юноши здоровѣе бываютъ въ станѣ военномъ, нежели дома.

ОТРЫВОКЪ ДЕВЯТЫЙ.

Въ Литвѣ одинъ чиновникъ занимаетъ десять должностей, а прочіе удалены отъ правительственныхъ дѣлъ. Москвитяне же соблюдаютъ равенство между своими и не даютъ одному *многихъ* должностей: управленіе одною крѣпостію на годъ, или много на два поручаютъ они двумъ начальникамъ вмѣстѣ и двумъ нотаріямъ (дьякамъ). Отъ этого придворные, въ надеждѣ получить начальство, ревностнѣе служатъ своему князю и начальники лучше обращаются съ подчиненными, зная, что они должны отдать отчетъ и подвергнуться суду, ибо осужденный за взятки бываетъ принужденъ драться на дуэли съ обиженнымъ, даже если сей послѣдній принадлежитъ къ низшему сословію. И хотя обвиненный можетъ на поединокъ подставить вмѣсто себя другаго, однако если онъ будетъ побѣжденъ, то самъ осужденный платитъ штрафъ. Отъ этого не такъ часто слышатся во дворцѣ жалобы на притѣсненія.

Поединки у москвитянъ.

Князь ихъ отлично распоряжается домашнимъ хозяйствомъ, не презирая ничѣмъ, такъ что продаетъ даже солому. На пирахъ его подаются большіе кубки золотые и серебрянные, называемые соломенными, т. е. сдѣланными на деньги, вырученныя за продажную солому. Онъ имѣетъ еще ту выгоду отъ хорошаго распредѣленія должностей, что тѣ, которыхъ онъ по-

сылаетъ защищать предѣлы своей земли, исправлять различныя общественныя дѣла и даже въ посольства самыя дальнія, исполняютъ все это на свой счетъ, не получая ничего отъ князя. И если они сдѣлаютъ все по его желанію, то награждаются не деньгами, а мѣстами начальниковъ, какъ это было и у римлянъ, по свидѣтельству Луки, въ Апост. Дѣяніяхъ гл. 24 (ст. 27): «Двѣма же лѣтома скончавшемася, говоритъ онъ, пріятъ измѣненіе Филиксъ Поркіа Фиста.» У насъ же напротивъ, если кто посылается куда либо, даже и не заслуживъ того, получаетъ онъ обыкновенно съ излишествомъ деньги изъ казначейства, хотя многіе возвращаются, ничего не сдѣлавъ. На пути люди эти бываютъ въ тягость тѣмъ, чрезъ владѣнія которыхъ ѣдутъ, истощая ихъ подводами. Въ Московіи напротивъ никому не позволяется брать подводы, кромѣ гонцовъ, посылаемыхъ по дѣламъ государственнымъ, которые, благодаря быстрой своей ѣздѣ и часто мѣняя усталыхъ лошадей (ибо вездѣ стоятъ для этого въ готовности свѣжія и здоровыя лошади), чрезвычайно скоро переносятъ извѣстія. Въ Литвѣ же канцелярія вашего величества расточаетъ дипломы на подобныя путешествія. И потому подводы употребляются на перевозку вещей придворныхъ, а отъ этого недостатка въ подводахъ происходитъ то, что мы, неприготовленные терпимъ нападенія враговъ, предупреждающихъ вѣсть объ ихъ приходѣ. Не такъ давно изъяты отъ означенной обязанности тѣ, которые, въ давнее время, получивъ для этого помѣстья, должны были исправлять ее по всѣмъ дорогамъ, ведущимъ отъ странъ московскихъ, татарскихъ и турецкихъ къ столицѣ нашей Вильнѣ. Но эту привиллегію слѣдовало бы уничтожить, какъ вредную интересамъ государственнымъ.

У насъ большое число московскихъ перебѣжчиковъ, которые, разузнавъ наши дѣла, средства и обычаи, свободно возвращаются къ своимъ; пока они у насъ, тайно передаютъ своимъ наши планы. У татаръ напротивъ они содержатся въ рабствѣ, а у ливонцевъ ихъ убиваютъ, хотя москвитяне и не заняли у нихъ никакихъ областей, будучи соединены съ ними союзомъ мира и сосѣдства. Сверхъ того убившій, кромѣ добычи съ убитаго, получаетъ еще отъ правительства извѣстную сумму денегъ, потому что они слушаютъ словъ Іисуса сына Сирахова: «не ими вѣры врагу твоему во вѣки» (гл. 12, ст. Перебѣжчики.

10) и «не постави его при себѣ, да не когда изринувъ тя станетъ на мѣстѣ твоемъ» (гл. 12, ст. 12). Еслибъ и мы слушались этого совѣта, то не потеряли бы сѣверскихъ крѣпостей и областей, вмѣстѣ съ которыми отпали отъ насъ Можайскъ и Оссомачичь,—города принятые нами бѣдными, а насъ оставившіе богатые, усиленные областями, подчиненными имъ по управленію. Народъ этотъ хитрый и вѣроломный, не искренній и непостоянный; возвратившись въ свое отечество и сдѣлавшись тамъ вождями, они съ большею дерзостію опустошали наши области. Между московскими перебѣжчиками, которые въ темныя ночи убивали людей въ Вильнѣ и освобождали плѣнныхъ своихъ земляковъ изъ темницъ, былъ одинъ священникъ, который посылалъ къ своему князю копіи съ договоровъ, указовъ и другихъ бумагъ, тайно добытыхъ въ королевской канцеляріи. Когда же Вильна сгорѣла вся въ 1529 г., этотъ злодѣйскій родъ тотчасъ объявилъ о томъ своему князю. Во время этого пожара въ соборной церкви Станислава, крытой свинцомъ съ позолоченными верхами, украшенной многими золотыми и серебрянными сосудами и драгоцѣнными каменьями, сгорѣло около трехъ сотъ древнихъ знаменъ, добытыхъ побѣдами надъ москвитянами, нѣмцами и другими народами и 12 новыхъ, которыя были повѣшены тамъ же послѣ побѣды надъ москвитянами при Оршѣ въ 1514 г. 8 сентября, въ день Рождества Богородицы, гдѣ было 80,000 убитыхъ и раненыхъ. Хитрый этотъ человѣкъ [1]) назначилъ награду возвращающимся перебѣжчикамъ, даже пустымъ и безполезнымъ, рабу—свободу, простолюдину—дворянство, должнику—прощеніе долга, злодѣю—отпущеніе вины. Есть у насъ знаменитая крѣпость и городъ Кіевъ, который впрочемъ пренебрегается, какъ и другія, хотя и гласитъ одна пословица русская что съ его высоты видны многія мѣста. Первая изъ всѣхъ другихъ городовъ и областей, крѣпость эта съ своею областью, лежащая при рѣкѣ, окруженная со всѣхъ сторонъ полями и лѣсами, до того плодородна, что пашни, вспаханныя одинъ разъ двумя быками, даютъ богатую жатву, а необработанныя поля производятъ травы, питающія человѣка кореньями и стволами; деревья также съ различными прекрасными плодами, виноград-

Перебѣжчики москвитяне народъ дурной.

О Кіевѣ.

[1]) Т. е. великій князь.

ныя лозы съ большими кистями; мѣстами же, на берегахъ, есть и дикій виноградъ, самъ собою растущій. Старые дубы и ясени, въ коихъ образовались дупла отъ ветхости, изобилуютъ роями пчелъ и сотами, пріятными цвѣтомъ и вкусомъ.

Множество звѣрей.

Звѣрей такое множество въ лѣсахъ и степяхъ, что дикіе волы (bisontes), дикіе ослы (onagri) и олени убиваются только для кожи, а мясо бросается, кромѣ филейныхъ частей; козъ и кабановъ оставляютъ безъ вниманія. Газелей такое множество перебѣгаетъ зимою изъ степей въ лѣса, а лѣтомъ въ степи, что каждый крестьянинъ убиваетъ тысячи. На берегахъ живетъ множество бобровъ Птицъ удивительно много, такъ что мальчики весною наполняютъ лодки яицами утокъ, дикихъ гусей, журавлей, лебедей, и потомъ ихъ выводками наполняются птичьи дворы. Орлятъ запираютъ въ клѣтки для перьевъ къ стрѣламъ.

Огромное количество рыбы.

Собакъ кормятъ мясомъ и рыбой, потому что рѣки до невѣроятности обильны всякаго рода большой рыбой [1]), восходящей вверхъ изъ моря въ прѣсную воду. Нѣкоторыя изъ нихъ называются золотыми. Особенно Припеть въ одномъ мѣстѣ у Мозыря, близъ устья рѣчки Туры, при накопленіи свѣжей воды изъ источниковъ наполняется ежегодно около 1-го марта такимъ количествомъ рыбы, что копье, брошенное въ средину, останавливается твердо, какъ въ землѣ: такъ густа рыба. Я не повѣрилъ бы этому, еслибъ самъ не былъ свидѣтелемъ, какъ черпали тамъ рыбу безпрерывно и наполняли въ одинъ день около тысячи телѣгъ, принадлежащихъ пріѣзжимъ купцамъ, которые нарочно съѣзжаются къ этому времени [2]).

Днѣпръ.

Самая большая изъ всѣхъ этихъ рѣкъ Днѣпръ, доставляющій Кіеву не только рыбу въ большомъ количествѣ, но и другіе предметы Выше Кіева съ востока сливаются съ нимъ Десна, Сеймъ и другія рѣки, текущія изъ области Сѣверской и Московіи; на сѣверѣ же, западѣ и югѣ впадаютъ въ него: Сожь, Березина, Припеть, Соль (Slorzesnia), Уса, Тетеревъ,

---

[1]) Въ подл. „turionum aliorumque grandium piscium".

[2]) Это бываетъ и теперь (какъ и тогда) только время придухи, когда т. е. рыба отъ недостатка воздуха подъ толстымъ льдомъ, покрытымъ огромными глыбами снѣгу, толпами идетъ къ незамерзающимъ рѣчкамъ, чтобы не задохнуться.

Рпеvъ, съ своими притоками: Вехрой, Проточью, Ипутомъ, Друцемъ, Бобромъ, Титвой, Псіоломъ (Pczit), Случемъ, Оршицей, Стыремъ, Горынью, Пиной. Много и другихъ рѣкъ течетъ вверхъ и внизъ изъ Литвы, Россіи, Волыни и Московіи, по которымъ привозятъ въ Кіевъ рыбу, мясо, кожи, медъ и соль изъ таврическихъ соляныхъ мѣстъ, называемыхъ Качибіевыми, гдѣ цѣлый корабль наполняется солью за десять стрѣлъ.

Днѣпръ полезенъ также для защиты всѣхъ областей вашего величества отъ набѣговъ татаръ, потому что плаваніе по немъ затрудняется одинадцатью порогами ниже Черкасска, имѣющими особыя имена. Эти пороги образуются выдающимися камнями и перейти ихъ можно только на судахъ ненагруженныхъ. Переправа же черезъ Днѣпръ, по причинѣ высокихъ и крутыхъ береговъ, возможна только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ниже Черкасска; эти мѣста суть: Карменчикъ (Кременчугъ), Упскъ, Гербедеевъ врагъ, Масуринъ, Кочковъ, Тована, Бурунъ, Тыхиня, Очаковъ. Всѣ изчисленныя мѣста, бывъ заняты небольшимъ отрядомъ, могутъ отразить величайшія скопища татаръ, потому что татары переплываютъ обыкновенно безъ судовъ, держась за лошадей, безоружные и обнаженные, и легко отражаются тѣми, которые, на лодкахъ, вооруженные выходятъ къ нимъ на встрѣчу изъ островковъ и кустарниковъ.

Плаваніе татаръ.

Но какъ невыгоденъ для перекопцевъ нашъ Днѣпръ въ лѣтнюю пору, такъ выгоденъ зимою; потому что тогда, по уничтоженіи навигаціи, они безопасно пасутъ свои стада за рвомъ въ его островахъ и кустарникахъ, Они говорятъ, что рѣка эта течетъ медомъ и молокомъ, ибо, протекая верховьемъ своимъ по мѣстамъ лѣснымъ, богатымъ пчелами, а внизу полями и лугами, живущимъ около нея доставляетъ въ изобиліи медъ и молоко. И потому-то они убѣждены, что имъ слѣдуетъ хранить миръ и союзъ съ господиномъ Днѣпра, великимъ княземъ литовскимъ, такъ какъ на всемъ пространствѣ отъ верховья до устья онъ течетъ по древнимъ областямъ литовскимъ, мимо крѣпостей, выше мною названныхъ: Вязьмы, Дорогобужа, Смоленска, Дубровны, Орши, Могилева, Рогачева, Быхова, Рѣчицы, Любеча, Чернобыля, Кіева, Канева, Черкаска и Дашова, или Очакова, гдѣ онъ вливается въ море двѣнадцатью устьями, коихъ верхъ называется лиманъ, невдалекѣ же отъ устья Днѣпра слывутъ подъ именемъ «Видово,» отъ поэта Овидія, который,

Крѣпости на Днѣпрѣ.

говорятъ, жилъ въ изгнаніи въ этой сторонѣ Понта. Также нѣкоторые полагаютъ, будто Иліонъ, иначе Троя, была на кіевской землѣ, среди полей плодороднѣйшихъ и пріятнѣйшихъ рощей. Тутъ находятся памятники въ многочисленныхъ развалинахъ, сводахъ, тайникахъ, мраморныхъ полахъ и остаткахъ большихъ стѣнъ. Это мѣсто, прежде оставленное, но удобное для жительства, называется теперь Торговица. Мѣсто ссылки Овидія.

Кіевъ изобилуетъ иностранными товарами, ибо для всего, что привозится изъ Азіи, Персіи, Индіи, Аравіи, Сиріи на сѣверъ, въ Московію, Псковъ, Новгородъ, Швецію, Данію (драгоцѣнные каменья, шелковыя и золотомъ шитыя ткани, ладанъ, ѳиміамъ, шафранъ, перецъ и другіе ароматы) нѣтъ другой болѣе вѣрной, прямой и извѣстной дороги, какъ отъ порта моря Эвксинскаго, т. е. отъ города Кафы, черезъ ворота Тавриды и Тованскій перевозъ на Днѣпрѣ, а потомъ черезъ Кіевъ. Этою дорогою часто отправляются чужестранные купцы караванами, въ коихъ бываетъ ихъ до тысячи, со многими повозками и осѣдланными верблюдами. У Тованскаго перевоза на Днѣпрѣ купцы эти платили въ древности предкамъ вашего величества большую пошлину. И теперь еще тамъ существуетъ каменная палата со сводами, которую называютъ и наши, и таврійцы и греки Витовтовой баней. Въ ней, говорятъ, живали откупщики великаго княжества литовскаго, собиравшіе пошлину. Тотъ кто не платилъ ее, или захваченъ былъ въ прелюбодѣяніи, наказывался въ Кіевѣ конфискованіемъ всего имущества. Законъ этотъ, называвшійся *осмничствомъ* (ossmicztwo) постановленный для обузданія сарацинской похотливости, и наблюдавшійся въ продолженіи многихъ вѣковъ, недавно сталъ выходить изъ употребленія. Но когда купцы, чтобы избѣжать двойной переправы черезъ Днѣпръ и платы пошлины вашему величеству, оставивъ старую дорогу, идущую черезъ владѣнія вашего величества, спускаются отъ воротъ Тавриды внизъ, и направляются прямо въ Московію на Путивль, или возвращаются оттуда непроходимыми степями, то случается часто, что ихъ грабятъ, кому они попадутся въ руки, и, между прочимъ, шатающіеся въ тѣхъ мѣстахъ разбойники. Кіевскіе же воеводы, откупщики, купцы, мѣнялы, лодочники, вощики, корчмари имѣютъ большую выгоду отъ этихъ каравановъ, и до сихъ поръ никто на это не жаловался, ни московцы, ни турки, ни татары. Выгоды бы-

Путь восточныхъ купцевъ.

Наказаніе прелюбодѣевъ.

ваютъ отъ каравановъ и тогда, когда проходятъ они въ зимнее время по полямъ и засыпаются всѣ грудами снѣга. Такимъ образомъ случается, что кіевскія хижины, обильныя впрочемъ плодами, молокомъ и медомъ, мясомъ и рыбою, но грязныя, наполняются драгоцѣнными шелковыми тканями, дорогими каменьями, соболями и другими мѣхами, ароматами, и проч., такъ что я находилъ тамъ шелкъ дешевле, чѣмъ ленъ въ Вильнѣ, перецъ дешевле соли. Кіевская область знаменита еще стеченіемъ людей; потому что у Днѣпра и другихъ въ него вливающихся рѣкъ много городовъ людныхъ, много селеній, жители которыхъ съ малыхъ лѣтъ привыкаютъ плавать, ловить рыбу. охотиться. Изъ нихъ одни, убѣгая отъ власти отцовской или отъ рабства, работы, наказаній или долговъ, другіе, отыскивая себѣ выгоды и лучшаго мѣста, приходятъ сюда, особенно весною. А познакомившись съ удовольствіями этой стороны, они никогда уже не возвращаются къ своимъ. Въ короткое время они дѣлаются опытными охотниками, ходя на медвѣдей и дикихъ быковъ, а привыкши къ этимъ опасностямъ, становятся смѣлѣе,—и потому здѣсь легко добыть множество хорошихъ солдатъ.

Владиміръ князь московскій принимаетъ крещеніе вмѣстѣ съ народомъ въ 988 году.

Кіевъ былъ прежде столицею русскихъ, т. е. московскихъ князей. Здѣсь они приняли христіянство. И теперь еще въ Кіевѣ есть церкви, построенныя съ большими издержками изъ мрамора и другихъ иностранныхъ матеріаловъ, съ кровлями свинцовыми, мѣдными, а мѣстами и золочеными. Есть и монастыри очень богатые, особенно монастыри Пресв. Дѣвы Маріи [1]). Въ тайникахъ и подземныхъ ходахъ его находятся многія гробницы, въ коихъ лежатъ сухія и неповрежденныя тѣла, пользующіяся, какъ тѣла святыхъ, большимъ уваженіемъ у русскихъ. Кто здѣсь погребается, душа того почитается спасенной, и потому лучшее дворянство, даже изъ отдаленныхъ мѣстъ, ищетъ себѣ здѣсь могилъ за большія деньги. Московскій князь ежегодно собираетъ большую сумму денегъ съ помѣстьевъ этого монастыря, взятыхъ имъ въ свое владѣніе. Но онъ медлитъ возвратить ихъ (монастырю), потому что самъ желаетъ этого мѣста, которое ему нравится, говоря, что онъ происходитъ отъ князя кіевскаго Владиміра; не менѣе скорбѣтъ

---

[1]) **Кіево-печерская лавра.** **Ред.**

и подданные его о томъ, что не владѣютъ этой древней столицей своихъ царей и святыни.

При такихъ выгодахъ города есть и невыгоды. Жители его не безопасны отъ татаръ, набѣгающихъ на его границы, но не дѣлающихъ попытокъ завоевать его. Пріѣзжіе подвергаются опасности отъ лихорадокъ, происходящихъ отъ дневнаго сна и неосторожнаго употребленія рыбы и плодовъ; а лошади ихъ бываютъ больны отъ травы, зараженной разливомъ рыбнаго Днѣпра. Жатва часто гибнетъ отъ саранчи, прилетающей отъ приморскихъ странъ. У рѣкъ и въ лѣсахъ родятся тамъ рои пчелъ и насѣкомыхъ, враговъ человѣческой крови, какъ-то: комаровъ, мухъ, и др., особенно съ 1-го іюля. Саранча.

СОКРАЩЕНІЕ ОТРЫВКА ДЕСЯТАГО [1]).

Нашихъ священниковъ осуждаютъ не только язычники, но и сосѣди наши, русскіе, за то, что они пьютъ вино, составляющее предметъ прихоти, ѣдятъ мясо и не женятся, чувствуя желаніе рождать дѣтей, такъ какъ никто не можетъ быть воздержнымъ, кому Богъ того не далъ. Греческіе монахи воздерживаются отъ женъ. А что священники въ древнія времена женились, это видно изъ многихъ мѣстъ Священнаго писанія: Левит. 21, 3, Эздр. 9. Дан. 14. Езек. 44, Ев. Лук. 1 гл. 10 ст. 18. посл. къ Титу 1.

Если бы и наши поступали теперь такъ же, воздерживаясь три дня предъ совершеніемъ эвхаристіи, то были бы непорочнѣе, нежели въ этомъ поддѣльномъ монашествѣ, въ которомъ они живутъ, какъ изнѣженные сибариты, горятъ всегда страстію, и содержатъ наложницъ, (concubinae) по словамъ Софоніи «сквернятъ святая» (гл 3 ст. 4). А мы на этихъ наемниковъ возлагаемъ обязанность прославленія Бога, для насъ слишкомъ тягостную, между тѣмъ какъ они своими развратными нравами болѣе раздражаютъ Бога, нежели склоняютъ на милость. Обязанности, возложенныя нами на нихъ, слагаютъ они на своихъ викаріевъ, а сами предаются праздности и удовольствіямъ. Какъ трутни съѣдаютъ медъ пчелъ, такъ они поѣдаютъ труды народа, пи-

[1]) Здѣсь и въ другомъ мѣстѣ (далѣе) допущенъ пропускъ о нравахъ и сравненіи татаръ. Ред.

руютъ, одѣваются великолѣпно, необдуманно ищутъ духовныхъ должностей, многихъ вмѣстѣ, еще не достигнувъ совершеннаго возраста, и не узнавъ своихъ свойствъ, а потомъ погружаются въ мірскія дѣла.

И хотя прежде священникамъ нельзя было имѣть часть во владѣніяхъ вмѣстѣ съ народомъ Божіимъ, кромѣ десятинъ; но наши, не довольствуясь десятинами, приношеніями и другими разными доходами, которые они получаютъ отъ богатыхъ и бѣдныхъ, съ родинъ, браковъ, съ больныхъ, умирающихъ и умершихъ, кромѣ богатыхъ имѣній, домогаются еще, ко Доходы щенниковъ. вреду общественному, управленія многими церквами вмѣстѣ, противъ права и вопреки смыслу, тогда какъ они живутъ болѣе въ другихъ мѣстахъ, нежели въ этихъ церквахъ, въ которыя вошли, по словамъ Господа нашего, не черезъ дверь, но какъ тати и разбойники, не призванные къ тому, а самыя церкви отдаютъ въ наемъ и продаютъ мірянамъ, торговцамъ, сводчикамъ, такъ что многія церкви никогда не видали своихъ пасторовъ.

Если кто отъ границъ королевства по всей Литвѣ, Самогитіи и Россіи будетъ отыскивать пасторовъ въ церквахъ, приносящихъ такіе доходы, что одна церковь можетъ прокормить многихъ пасторовъ, то не ненайдется почти ни одной, гдѣ бы пасторъ жилъ постоянно или часто посѣщалъ бы ее. И потому вѣра овецъ колеблется, любовь къ Богу холодна, прославленіе Его имени останавливается. А противъ такихъ пастырей во многихъ мѣстахъ гремитъ слово Божіе. Но я не хочу сдѣлать себѣ врагами священниковъ, которымъ мы должны покоряться и предъ которыми должны себя обнаруживать,—и безъ того ужъ задѣлъ я многихъ людей. Довольно и того, на что я указалъ, чтобы, исправивъ это, жить намъ счастливѣе, на славу вашего королевскаго величества, но особенно во славу Божію.

II.

СТАРЧЕСКІЯ ВОСПОМИНАНІЯ,

виденнаго, слышаннаго и читаннаго о происшествіяхъ, совершившихся въ западныхъ областяхъ Россіи и въ Царствѣ Польскомъ съ 1793 года по настоящее время.

(Окончаніе).

Такъ, не смотря на мятежный духъ поляковъ, особенно польской молодежи, благоразумные поляки, взвѣшивая свое положеніе и принимая въ соображеніе свои дѣйствительныя нужды и отношенія къ окрестнымъ народамъ, убѣждались, что благоденствіе Польши возможно только въ искреннемъ союзѣ и тѣсномъ соединеніи ея съ Россіею. Въ такомъ убѣжденіи знаменитый польскій писатель Сташицъ въ одномъ изъ сочиненій своихъ, коимъ онъ занимался еще съ 1815 года, неопровержимо доказываетъ, что германизмъ настойчиво усиливается подавить славянъ; что настало самое благопріятное время для нихъ соединиться подъ однимъ скипетромъ русскаго государя императора; что самая природа ведетъ къ тому событія, что въ такомъ только соединеніи Польша сохранитъ свою народность, обычаи, религію, свободу. «И это непремѣнно послѣдуетъ, восклицаетъ Сташицъ, иначе погибнетъ тотъ, кто этому станетъ противиться.» Послѣ вѣнскаго конгресса Сташицъ издалъ брошюру, подъ названіемъ: »Послѣднія мои предостереженія для Польши (Ostatnie moje przestrogi dla Polski)«. Въ этомъ сочиненіи, подтверждая свою систему, Сташицъ, убѣждая поляковъ

къ искреннему соединенію съ Россіей, внушаетъ имъ: »соединяйтесь съ русскими и просвѣщайтесь (łączcie się z Rossianami i oswiecajcie się)! [1])«

Но Нѣмцевичъ, Брунонъ, Кицинскій и Скоморовскій не унимались, постоянно волнуя своими сочиненіями поляковъ. Въ слѣдствіе сего, великій князь Константинъ Павловичъ и Новосильцовъ рѣшились положить преграду необузданности польской прессы, а намѣстникъ царства Заіончекъ убѣдилъ министра просвѣщенія изготовить проектъ закона относительно ограниченія свободы печатнаго слова для представленія его на заключеніе сейма, и внесъ этотъ проэктъ въ государственный совѣтъ, который его одобрилъ. Но министръ просвѣщенія Игнатій Потоцкій, подъ предлогомъ болѣзни, не прибылъ въ засѣданіе совѣта для контрасигнованія проэкта. Поэтому Сташицъ, какъ занимавшій въ совѣтѣ мѣсто министра, счелъ своимъ долгомъ скрѣпить тотъ проэктъ своею подписью. Съ открытіемъ сейма, большая часть депутатовъ, особенно калишскаго воеводства, подражая современной французской оппозиціи, признала виновными за тотъ проэктъ министра просвѣщенія и Сташица, даже заготовила было прошеніе къ государю императору о преданіи суду министра и Сташица. Въ другое засѣданіе того-же сейма, когда разсуждали о проектахъ государственнаго совѣта и взвѣшивали мнѣнія о нихъ коммиссій, противъ одного весьма полезнаго для Польши проекта закона, члены коммиссіи, особенно Викентій Гржимайло, чрезвычайно дерзко выражались на счетъ того проекта, Сташицъ воскликнулъ: »Ради Бога, господа, »обдумайтесь! Зачѣмъ вы возобновляете споры съ правитель»ствомъ на подобіе старинныхъ польскихъ сеймовъ, погубив»шихъ Польшу. Вспомните, ради Бога, чѣмъ вы были недавно. »Вѣдь мы были завоеваны и какъ бы не существовали, велико»душный государь даровалъ намъ свободу, какой только мы »могли желать. Но едва возродились мы для жизни, какъ, вмѣ»сто заявленія благодарности и благоразумной подчиненности, »волнуемся, возстаемъ: противу кого? Противу силы, которая, »какъ могла создать насъ, такъ можетъ сдунуть насъ съ лица »земли однимъ дуновеніемъ«. Сташицъ хотѣлъ еще продолжать свою рѣчь, но крики членовъ сейма, особенно Гржимайлы,

[1]) **Pamiętniki K. Koźmiana. Oddz. II. stron. 223—229.**

прервали его такими словами: »Подъ судъ, подъ судъ члена »правительства, который въ сужденія и споры съ министрами »и правительствомъ вмѣшиваетъ не конституціонное имя цар»ствующаго, желая напугать насъ«! Затѣмъ раздраженные депутаты хотѣли выйдти, такъ, что предсѣдатель сейма и докладчикъ едва успокоили умы и убѣдили заняться снова сужденіями о дѣлахъ сеймовыхъ. Огорченный, сконфуженный Сташицъ умолкъ и, нахмуривъ чело, сидѣлъ на сеймѣ будто нѣмой, а по окончаніи сеймоваго засѣданія сказалъ одному изъ благомыслящихъ членовъ: »Видишь, какъ возстали на меня! Нехо»тятъ слушать правды; еще духъ анархіи бѣснуетъ ихъ. Уви»ишь, что они еще однажды погубятъ Польшу«.

Дѣйствительно духъ анархіи и крамолы постоянно возрасталъ въ Польшѣ, принимая исполинскіе размѣры. Сочиненія, возбуждлвшія въ полякахъ ненависть противъ всего русскаго, какъ въ Польшѣ, такъ и въ западныхъ русскихъ областяхъ, въ формѣ брошюръ, комедій, сатирическихъ панфлетовъ и пѣсней (напр. Spiewy historyczne Niemcewicza), открыто развозились польскими и еврейскими книгопродавцами и явно продавались въ Кіевѣ въ Контрактовомъ Домѣ. Смотря на все это, легко можно было предвидѣть мятежныя затѣи поляковъ. Но мѣстное правительство не обращало на это никакого вниманія.

Въ 1826 году, открытъ былъ самый обширный заговоръ, имѣвшій цѣлію мятежное возстаніе поляковъ. Наряженная для изслѣдованія этого заговора коммиссія открыла многихъ заговорщиковъ, немногіе изъ которыхъ преданы были суду. Но такъ какъ въ тоже почти время открытъ бунтъ въ Петербургѣ, такъ прозванныхъ, декабристовъ, вполнѣ раскрыта ихъ крамола, пагубныя для Россіи затѣи и учреждено надъ виновными чрезвычайное судилище; такъ какъ на это событіе обращены были взоры всѣхъ истинныхъ сыновъ Россіи: то на упомянутый заговоръ поляковъ едва обращено было въ то время вниманіе русскихъ, такъ что онъ прошелъ почти безслѣдно.

Въ 1828 году, когда незабвенный императоръ Николай I, исполня обѣтъ Александра I, рѣшился короноваться въ Польшѣ, въ качествѣ польскаго короля, снова составилась группа заговощиковъ, рѣшившихся умертвить императора Николая. Къ счастію, узнали о семъ умудренные опытами жизни поляки и убѣдили, хотя съ чрезвычайнымъ усиліемъ, заговорщиковъ

оставить преступный замыселъ, дабы, какъ говорили они, исторія Польши не была загрязнена повѣствованіемъ о столь гнусномъ цареубійствѣ. Но всего удивительнѣе, что Константинъ Павловичъ и государь императоръ благовременно узнали объ этомъ беззаконномъ замыслѣ и при всемъ томъ Николай совершилъ свое шествіе въ костелъ, въ которомъ возложилъ на себя корону Пястовъ, но шествовалъ блѣдный, какъ обреченный на смерть. Вся предосторожность, предпринятая противъ сатанинскаго замысла заговорщиковъ, состояла въ томъ лишь, что на улицахъ, которыми шествовалъ императоръ, поставлены были по одну и другую сторону улицъ шпалерами войска [1]).

Наконецъ, такъ какъ поляки постоянно увлекаются примѣромъ Франціи, а возникшія въ 1830 году революціи отдѣлили Бельгію отъ Голландіи, а французы изгнали династію Бурбоновъ; то и польскіе агитаторы, предполагая, что революція обнимаетъ цѣлую Европу, вздумали розыграть свою ревоюцію. Замѣчательно, что и этой революціи въ западныхъ русскихъ областяхъ предшествовало усиленное угнетеніе православныхъ священниковъ. Грабежи ихъ имѣнія и презрительныя насмѣшки надъ ними, похожи были на партизанскую войну, которая предвѣщала близость возстанія поляковъ. Приготовленіе къ возстанію поляки западныхъ губерній дѣлали открыто съ 1828 года, а бывшій тогда римскій юбилей послужилъ удобнымъ поводомъ для ксендзовъ частію съ каѳедры, частію на тайныхъ исповѣдяхъ, возжигать умы противъ Россіи и ея правительства, равно какъ и возбуждать къ возстанію для освобожденія ойчизны. Правительсто знало это до малѣйшихъ подробностей, но, къ удивленію, смотрѣло на все это равнодушно, какъ говорятъ сквозь пальцы, и не предпринимало никакихъ мѣръ къ прекращенію мятежническихъ затѣй поляковъ. Тогда же поляки-помѣщики русскихъ областей открыли новый путь къ пріобрѣтенію денегъ заимообразно, изъ русскаго государственнаго банка, въ твердой надеждѣ, что мятежныя ихъ затѣи осуществлятся, а взятыя заимообразно деньги останутся неотъемлемымъ ихъ достояніемъ. Съ этою цѣлію нѣкоторые изъ тѣхъ помѣщиковъ по нѣсколько разъ отдавали банку въ залогъ свои имѣнія. Такою

[1]) Объ этомъ событіи напечатана была въ Парижѣ брошюра, сочиненная самыми поляками.

сдѣлкою преимущественно отличились тѣ помѣщики, которые, на случай неудачи возстанія въ Польшѣ, рѣшились переселиться въ западныя европейскія государства. Такія то имѣнія въ послѣдствіи были конфискованы правительствомъ.

Сигналомъ бунта поляковъ въ 1830 году былъ лживый крикъ кадета Высоцкаго, будто русскіе рѣжутъ поляковъ. По этому воплю въ одно мгновеніе взбунтовалось все польское войско, доведеноое Константиномъ Павловичемъ до возможной степени совершенства. Бунтовщики, прежде всего, хотѣли принесть его въ жертву непонятному, слѣпому, своему мщенію. Но Константинъ Павловичъ, благодаря приближеннымъ, преданнымъ ему полякамъ, благополучно избѣжалъ угрожавшей ему опасности. Между тѣмъ, пока подоспѣли для усмиренія бунта русскія войска, поляки собрались въ большомъ количествѣ на сеймъ, на которомъ ихъ ораторы почти единственнымъ предлогомъ своего возстанія выставили то, что императоръ Николай, досадуя на умножившіеся въ Польшѣ разводы браковъ, далъ кому слѣдовало именной указъ, чтобы судьи, при рѣшеніи о расторженіи брачныхъ союзовъ, руководствовались древними польскими законами и канонами латинской церкви и по нимъ рѣшали разводныя дѣла. По мнѣнію-же польскихъ на сеймѣ ораторовъ, государь императоръ, по силѣ конституціи, предварительно долженъ былъ дать по этому предмету повелѣніе министру внутреннихъ дѣлъ, а по разсмотрѣніи котораго государственнымъ совѣтомъ, должно быть внесено объ этомъ предложеніе на разсужденіе и рѣшеніе сейма; но государь именнымъ своимъ указомъ, относительно расторженія брачныхъ союзовъ, нарушилъ конституцію. А если онъ не считалъ себя обязаннымъ условіями конституціи: то тѣмъ самымъ освободилъ поляковъ отъ присяги на вѣрность ему [1]).

Къ несчастію, усмиренію бунта, съ одной стороны, препятствовала тогдаже наступившая распутица и слякоть, чрезвычайно затруднявшія движеніе армій и ихъ соединеніе, съ другой стороны, какъ носился во время польской компаніи слухъ, мятежъ длился отъ того, что главнокомандующій русскими войсками, Дибичъ, не смотря на отличные свои военные таланты и искусные планы сраженій, не умѣлъ пользоваться пораже-

---

[1]) Kurier, warszawski и другія современныя польскія газеты.

ніями польскихъ войскъ, именно не давалъ приказаній преслѣдовать ихъ остатки. Почему польскія войска, отступивъ съ поля своего пораженія на какіе нибудь десятки верстъ, снова соединялись, формировались и начинали тревожить русскую армію, которая сверхъ того страдала отъ недостатка продовольствія и мятежнаго духа шляхты и крестьянъ, въ Польшѣ и Литвѣ, возбуждаемаго и словомъ и личнымъ примѣромъ латинскихъ ксендзовъ и монаховъ. При всемъ томъ русскіе крестьяне подольской, волынской, могилевской и витебской губерній, гдѣ только появлялись мятежныя скопища поляковъ—помѣщиковъ и шляхты, тотчасъ доводили о томъ до свѣдѣнія командующихъ русскими войсками, также открывали и указывали на склады оружія, заготовленнаго въ разныхъ мѣстахъ мятежниками. Но такъ какъ тогда крестьяне страдали подъ гнетомъ ужаснѣйшаго рабства, то, къ сожалѣнію, по усмиреніи бунта поляковъ, крестьяне патріоты частію сданы помѣщиками въ солдаты, а частію сосланы на поселеніе въ Сибирь подъ разными предлогами, а семейства и хозяйство ихъ совершенно разорены. Поздно узналъ объ этомъ незабвенный генералъ губернаторъ Бибиковъ, такъ-что уже не могъ оказать такимъ крестьянамъ существеннаго покровительства и защиты.

Наконецъ, по взятіи штурмомъ укрѣпленной, такъ называемой, Воли и покореніи Варшавы, бунтъ поляковъ былъ усмиренъ; остатки польскихъ войскъ, отрѣзанныя отъ Варшавы, подъ предводительствомъ Дверницкаго и Ромарини, вынуждены были спасаться отъ конечнаго истребленія въ Австрію, которой правительство, выдвинувъ на границы Польскаго Царства, также волынской и подольской губерній обсерваціонный корпусъ, не мѣшаясь въ дѣло, оставалось спокойнымъ зрителемъ произшествій. Другіе остатки польскихъ войскъ, бывшихъ въ Варшавѣ и крѣпостяхъ, прошли другими путями во Францію; но на предѣлахъ каждаго государства, въ которыя первоначально вступали, вынуждены были отдавать свое оружіе военнымъ мѣстнымъ властямъ и сверхъ того платить за пропускные виды для дальнѣйшаго слѣдованія.

По усмиреніи польскаго бунта, виленскій университетъ и кременецкій лицей главныя гнѣздилища заговоровъ въ западной Россіи закрыты. Вмѣсто ихъ основанъ кіевскій университетъ во имя св. Владиміра. Въ слѣдъ за симъ уніатскіе іерархи,

послѣ долговременныхъ съ своими учеными прелатами совѣщаній [1]), и провѣрки съ твореніями сс. отцовъ тѣхъ мѣстъ, на которыхъ опираются софизмы латинскихъ богослововъ, убѣдившись въ неосновательности нововведеній латинской церкви, которыя до того времени считали основательными и уніаты,—рѣшились съ своими паствами возвратиться въ нѣдра отечественной русской церкви, отъ которой предки ихъ были отторгнуты невѣроятнымъ насиліемъ и льстивыми обѣщаніями. За тѣмъ обратились къ подчиненнымъ имъ священникамъ, требуя отъ каждаго изъ нихъ порознь письменнаго объявленія: согласны ли они, или нѣтъ на возсоединеніе съ русскою, отечественною, церковію? Всѣ съ радостію изъявили на это согласіе, кромѣ весьма не многихъ (всѣхъ около 30 [2]) фанатиковъ, базиліанскихъ монаховъ и священниковъ, коихъ дочери воспитывались въ дворахъ помѣщиковъ, обѣщавшихъ выгодно пристроить ихъ, если отцы ихъ останутся въ уніи.

---

[1]) Совѣщанія эти начались еще до мятежа и въ 1829 году въ м. Жировицахъ составился съ этою цѣлью помѣстный соборъ, подъ предсѣдательствомъ б. оффиціала и администратора брестской епархіи Тупальскаго. Первымъ результатомъ этихъ совѣщаній было: 1), возстановленіе иконостасовъ въ тѣхъ униатскихъ церквахъ, изъ коихъ, въ подраженіе латинскимъ костеламъ, они были выброшены; 2), уничтоженіе органовъ, музыки, шептанныхъ обѣдней, колокольчиковъ во время богослуженія, служенія на одномъ престолѣ, въ одинъ и тотъ же день нѣсколько обѣдней и 3), повсемѣстное введеніе служебниковъ и другихъ богослужебныхъ книгъ московской печати, въ замѣнъ поврежденныхъ разными нововведеніями, сокращеніями и латинскими прибавками изданій въ типографіяхъ уніатскихъ. Ред.

[2]) Замѣчательно, что оказавшіе сопротивленіе къ возсоединенію священники всѣ, за исключеніемъ одного, были люди необразованные, полуграмотные, невидѣвшіе даже семинаріи, но и они не долго находились въ Великороссіи: скоро убѣждались въ превосходствѣ православія предъ латинствомъ, присоединялись къ первому и возвращались на приходы особенными ревнителями православія. Всего только четыре изъ нихъ, и то изъ базиліанскихъ монаховъ, умерли на чужбинѣ. Ред.

Такіе фанатики были отправлены въ Курскъ, гдѣ содержались въ нанятомъ отъ казны домѣ, и получали приличную пенсію, а впослѣдствіи присоединившіеся къ православію монахи разосланы были въ разные монастыри западныхъ областей. Назначенный имъ пенсіонъ превосходилъ доходы, какіе получали они прежде на прежнихъ мѣстахъ. По принятіи такихъ мѣръ, приступлено было къ обращенію въ нѣдра православія мѣщанъ и крестьянъ, бывшихъ въ уніи. Это обращеніе совершалось въ теченіи одного года мирно, тихо, кромѣ нѣкоторыхъ, весьма не многихъ селъ, въ которыхъ крестьяне были подстрекаемы помѣщиками и ксендзами противиться обращенію въ православіе, обѣщая имъ за противленіе разныя льготы, и угрожая имъ въ противномъ случаѣ страшною местію за возсоединеніе съ православною церковію. Достойно еще замѣчанія, что въ нѣкоторыхъ селахъ юго-западныхъ губерній крестьяне, бывшіе въ уніи, помня по преданію отъ отцовъ, что ихъ предки были православными, берегли на чердакахъ въ домахъ своихъ, какъ святыню, старыя иконы, а подъ кровлею ихъ храмовъ царскія, церковныя врата, которыя уніатскими священниками сочтены были лишними, по уничтоженіи иконостасовъ.

Удалившіеся, по усмиреніи въ Польшѣ бунта, польскіе аристократы и войска, поселились, весьма не многіе, въ Англіи, а большинство во Франціи. Еще на пути, въ Бельгіи, они провозгласили польскимъ королемъ князя Адама Чарторижскаго. Въ это время носился даже слухъ, что поляки короновали его, и что онъ сдѣлалъ распоряженіе вычеканить изъ богатаго своего столоваго серебра милліонъ польскихъ злотыхъ, которые раздалъ польскимъ выходцамъ. За тѣмъ учреждены имъ разныя министерства воображаемой Польши, даже морское, и такимъ образомъ составилось скитальческое, польское правительство. Тогда же поляки, удалившіеся во Францію и занимавшіеся литературою, принялись неутомимо сочинять на Государя Императора Николая пасквили, которые помѣщали въ французскихъ газетахъ и журналахъ, стращая вмѣстѣ съ тѣмъ французовъ, что вскорѣ русскія войска, съ ордами татаръ и киргизовъ, наводнятъ и поработятъ Францію, а въ Царство Польское стали пересылать мятежныя пѣсни и другія сочиненія, стараясь распалять въ Польшѣ неукротимый духъ мятежа. За тѣмъ, по случаю возсоединенія уніатовъ съ отечественною цер-

ковію, распространяли многія баснословныя легенды на счетъ насильственнаго будто бы обращенія уніатовъ въ нѣдра православной церкви, особенно относительно нѣкоторыхъ, стоявшихъ большею частію въ развалинахъ, пустыхъ костеловъ и тѣхъ латинскихъ монастырей, въ которыхъ было не болѣе двухъ, трехъ монаховъ. Эти монастыри, по требованію правительства, на основаніи каноновъ римской же церкви (по которымъ монастырь, въ коемъ нѣтъ двѣнадцати монаховъ, упраздняется), упразднены римско-католическою коллегіею. Означенные костелы, какъ извѣстно, въ свое время построены были потомъ и кровію русскаго народа и, не смотря на то, что для поддержанія ихъ надѣлены были богатыми имѣніями, съ часу на часъ ветшали и превращались въ развалины; такъ какъ не были поддерживаемы и обновляемы починками. Сверхъ множества брошюръ и памфлетовъ на счетъ русскаго правительства, поэтъ Мицкевичъ издалъ польскую Христологію, въ которой, съ богохульною дерзостію, сравнилъ раздѣлъ Польши между тремя державами съ крестными страданіями Господа и Бога нашего Іисуса Христа. За тѣмъ Мицкевичъ сталъ читать въ Парижѣ лекціи будто бы литературы всѣхъ славянъ,—очевидно съ цѣлію превознесть польскихъ писателей, и чернить русскихъ, называя ихъ татарами и киргизами; наконецъ принялся излагать будто бы исторію Польши, въ которой развивалъ, какъ теперь Духинскій, гипотезу Лелевеля, будто бы аборигены кіевской, волынской и подольской области были поляки, на томъ основаніи, что Несторъ нѣкоторыхъ изъ нихъ именуетъ полянами; само собою разумѣется, что Мицкевичъ переплеталъ подобныя лекціи безчисленными на счетъ русскихъ лживыми анекдотами. Между тѣмъ нѣкоторые изъ польскихъ выходцевъ вступали въ различныя тайныя общества и религіозныя секты свендерборгистовъ и другія [1]). А пробравшійся изъ Литвы въ Парижъ полякъ Товіаньскій образовалъ оригинальную свою секту, имѣвшую въ виду преобразовать литинское и другія христіанскія вѣроисповѣданія на западѣ—съ тѣмъ, чтобы одушевить ихъ фа-

[1]) Одинъ изъ такихъ сектантовъ, возвратившись на родину, былъ привезенъ въ губернскій Могилевъ и порученъ родными для вразумленія его монахамъ бернардинцамъ.

натизмомъ въ пользу Польши; онъ выдавалъ себя за пророка и даже успѣлъ пріобрѣсти себѣ прозелитовъ.

Но эта секта скоро разсѣялась и исчезла.

Въ параллель съ сказанными сочиненіями, издававшимися во Франціи, въ Царствѣ Польскомъ и въ Литвѣ, польскіе писатели ревностно принялись издавать историческія повѣсти и романы, будто бы въ подражееніе Вальтеръ-Скотту, и живыми красками изображать польскія конфедераціи, превозносить агитаторовъ и зачинщиковъ ихъ, пробуждать въ польской шляхтѣ надменность, заносчивость съ такимъ искуствомъ, что самая строгая цензура не могла, повидимому, замѣтить въ этихъ сочиненіяхъ ничего противнаго общему спокойствію, тогда какъ эти повѣсти и романы сильно электризировали поляковъ и располагали ихъ къ возстанію противъ Россіи. Вмѣстѣ съ симъ даже въ такихъ твореніяхъ, каковы: *отроча Іисусъ* (dzieciątko Jezus), бывшаго митрополита латинскихъ церквей въ Россіи Головинскаго, поляки отъискивали изреченія и мысли, которыя примѣняли къ своему положенію [1]). Къ сочиненіямъ, возбуждавшимъ мятежный въ Польшѣ духъ, относились преимущественно описаніе похожденій разныхъ поляковъ, сосланныхъ въ отдаленнѣйшія восточныя русскія губерніи, за наглыя выходки противъ правительства и распространеніе въ народѣ революціонныхъ пѣсней и мнѣній. Замѣчательно, что о мятежномъ духѣ и дѣйствіяхъ такихъ агитаторовъ сами же поляки доносили правительству, которое, послѣ строго изслѣдованнаго юридически дѣла, отправляло ихъ въ ссылку. Не смотря на то, убѣжавъ изъ своего заточенія и пробравшись въ Парижъ, эти авантюристы, въ описаніи своихъ похожденій, утверждали, будто москали совершенно невинно преслѣдовали ихъ и тирански съ ними поступали. Къ сему присовокупляли они лживыя порицанія русскихъ властей, насмѣшки надъ православнымъ богослуженіемъ и вообще надъ русскими, называя ихъ грубыми варварами.

Вообще же затѣи и приготовленіе поляковъ къ послѣднему бунту начались тотчасъ по взятіи Варшавы и усмиреніи мятежа въ 1831 году. Съ тѣхъ поръ поляки помѣщики западныхъ областей особенно усилили притѣсненіе русскихъ кресть-

---

[1]) Dzieciątko Jezus. Dolina terebintu, str. 135, заключающая въ себѣ перифразъ евангелія Луки, Т. I, ст. 68—74.

янъ, насильственно стали отъ нихъ выжимать деньги и пріобрѣтать продажею хлѣбныхъ продуктовъ капиталы, которые лично доставляли въ Парижъ и другія мѣста польскимъ выходцамъ, для составленія какъ бы сосредоточеннаго капитала, съ цѣлію произвесть и поддерживать затѣянный ими еще тогда послѣдній бунтъ; для этой же дѣли нѣкоторые поляки отвозили въ Парижъ столовое свое серебро. Въ награду за такія пожертвованія, они получали отъ главныхъ своихъ агитаторовъ по кольцу, или перстню, на коемъ съ верхней стороны былъ съ польскимъ гербомъ ящичекъ, изъ коего, посредствомъ пожатія едва примѣтной пружинки, выскакивалъ крошечный автоматъ въ чамаркѣ и конфедераткѣ, и кланялся. Такимъ образомъ, какъ утверждали подъ секретомъ нѣкоторые поляки, собранъ былъ капиталъ будто бы въ 60 милліоновъ талеровъ, а на счетъ процентовъ изъ него были задобряемы французскіе журналисты, чтобы въ издаваемыхъ ими журналахъ прославляли доблести поляковъ, выставляли страдательное ихъ положеніе, возставали на русское правительство, изображая его самыми черными красками, и разглашали придуманныя поляками разныя басни. Въ 1848 году, когда адскій духъ революціи обуялъ Францію, Белгію, Германію, поляки, въ красныхъ шарфахъ, также принимали участіе въ французской революціи, за тѣмъ походное ихъ правительство, направилось въ Краковъ чрезъ Германію, гдѣ нѣмцы, въ чаду революціонныхъ газовъ, даромъ возили въ своихъ вагонахъ мнимыхъ польскихъ министровъ, предполагая, что они пригодятся въ случаѣ революціи въ Германіи. Но поляки проговорились, что они отнимутъ отъ Пруссіи познанское княжество и Данцигъ. Нѣмцы завопили: Позенъ?!! Позенъ нѣмецкая провинція! За тѣмъ поляки потеряли благоволеніе нѣмцевъ. А походное польское правительство, прибывъ въ Краковъ, тотчасъ произвело революцію, провозгласивъ, что оно раздѣляетъ Польшу съ западными русскими областями какъ бы на генералъ-губернаторства (wielkorządstwa): велико-польское, литовское, русское и проч. Но австрійскому правительству попался списокъ галиційскихъ революціонныхъ поляковъ, и оно, не долго думая, указало на нихъ крестьянамъ, какъ на главныхъ враговъ ихъ спокойствія и благоденствія, а крестьяне, черезъ половину поляки же, перерѣзали своихъ помѣщиковъ поляковъ. Такъ кончилась краковская революція. Послѣ сего

поляки приняли самое горячее участіе въ революціяхъ венгерской и италіянской, по окончаніи коихъ, занялись организаціею послѣдней революціи въ Царствѣ Польскомъ. Предположивъ употребить всѣ стихіи бывшей Польши для произведенія этого бунта, агитаторы встрѣтились съ мыслію, не будетъ ли препятствіемъ на пути къ осуществленію ихъ затѣи русскій народъ, населяющій западныя русскія области? Рѣшили, что не будетъ. Но вспомнивъ, какъ этотъ народъ возставалъ нѣкогда противъ притѣснявшихъ его польскихъ помѣщиковъ и латинской пропаганды, защищая и отстаивая свою національность и православное вѣроисповѣданіе,—поляки обольстились полною надеждою, что этотъ народъ легко будетъ побудить къ возстанію прельщеніемъ и употребить орудіемъ къ достиженію своихъ цѣлей. Въ этой увѣренности польскіе писатели стали перелагать на польскій языкъ старинныя козацкія думы и пѣсни, помѣщать ихъ въ нѣкоторыхъ своихъ журналахъ, даже издавать отдѣльными брошюрами (таковы: Piesni Zielińskiego. Poznań. Pieśni, Dumki i Szumki, wyd. Kocipinskiego. Кіевъ). Съ другой стороны поляки стали какъ будто бы сближаться съ русскими въ надеждѣ привлечь ихъ къ своимъ затѣямъ. Такъ, въ 40 годахъ начали кое-гдѣ появляться зародыши *хлопоманіи*; помѣщики, особенно ихъ сыновья и дворня, одѣвались въ крестьянскіе костюмы, разъѣзжали въ такихъ нарядахъ по ярмаркамъ, употребляя возы и упряжъ на подобіе мужицкихъ. Крестьяне смотрѣли на нихъ какъ на шутовъ, сопровождая свои замѣчанія обычнымъ этому народу юморомъ и сарказмами. Вмѣстѣ съ симъ, полагая, что всего возможнѣе будетъ побудить къ мятежу крестьянъ, бывшихъ въ уніи, поляки принялись пробуждать въ нихъ воспоминаніе о ней разными средствами, особенно распространеніемъ между ними литографированныхъ портретовъ жестоко мучившаго православныхъ для обращенія ихъ въ унію, умерщвленнаго витебскими мѣщанами Іосафата Кунцевича и произведеннаго папою въ священно-мученики, съ цѣлію утвердить ихъ въ уніи, а потомъ обратить въ ультрамонтанскій католицизмъ. Но тѣ крестьяне помнили, по преданію, какими насильственными средствами предки ихъ были обращаемы въ унію, и извѣдавъ опытомъ, что положеніе ихъ, въ эпоху уніи, отнюдь не легче было положенія православныхъ крестьянъ, въ имѣніяхъ поляковъ, не поддались ихъ обольщенію. Думая, что

недовѣрчивость крестьянъ внушаютъ имъ и поддерживаютъ приходскіе священники, поляки помѣщики и ихъ экономы сколько силъ старались отчуждить крестьянъ отъ священниковъ ихъ, придумывая на нихъ различныя клеветы, порицанія и насмѣшки, называя священниковъ корыстолюбцами и грабителями. А какъ въ это время Высочайше дарованнымъ положеніемъ объ обезпеченіи православныхъ священниковъ въ западныхъ областяхъ безбѣднымъ содержаніемъ требовалось, чтобы, по обоюдному согласію съ ними, крестьяне или обработывали поля священниковъ, или давали на этотъ предметъ опредѣленное количество денегъ священникамъ, или отпускали изъ общественныхъ магазиновъ извѣстное количество зерноваго хлѣба; то экономы помѣщиковъ прозвали это обязательство поповскою панщиною, и для возбужденія въ крестьянахъ ненависти къ священникамъ, вызывая крестьянъ на обработку священническаго участка, кричали: «ступайте скорѣе на поповскую панщину! теперь попы «стали вашими панами.» Независимо отъ такихъ продѣлокъ польскіе агитаторы для произведенія всеобщаго возстанія, какъ въ Царствѣ Польскомъ, такъ и въ западныхъ русскихъ областяхъ, заключили тѣсный союзъ съ латинскими ксендзами, завербованными въ ультрамонтизмъ, іезуитами, которыхъ въ Польшѣ и тѣхъ областяхъ, какъ извѣщали газеты, считается слишкомъ три тысячи, и которые повели бы какъ можно хитрѣе пропаганду къ совращенію православныхъ крестьянъ въ іезуитскій католицизмъ. И хотя, казалось бы, что отъ одинакихъ причинъ обыкновенно бываютъ одинакія послѣдствія, а разложенія бывшей Польши была причиною преимущественно іезуитская пропаганда, усиливавшаяся совратить православныхъ въ латинство; при всемъ томъ, князь Чарторыжскій еще во время крымской компаніи началъ такую пропаганду, вербуя въ Турціи разную сволочь для образованія противъ Россіи полка польскихъ козаковъ; ибо когда узнавалъ, что кто либо изъ завербованныхъ имъ былъ православнаго вѣроисповѣданія, всѣми мѣрами старался совратить того въ іезуитскій католицизмъ. Изъ этого очевидно, что польскіе агитаторы вступили въ тѣсный союзъ съ іезуитами; потому что какъ іезуиты, такъ и руководимые ими поляки, дышатъ внушенною имъ изстари іезуитами непримиримою ненавистію къ православію и Россіи.

Въ 1856 году царствующій Государь Императоръ, посѣ-

тивъ Польское Царство, внушалъ полякамъ: «d'abandonner leurs «reveries d'inpendans, desormais irréalisables: que s'il etait ob- «ligé de les brider, il n'y manquerait pas, en ayant à la fois la «volonté, et la force». По возвращеніи въ Россію Государь— объявилъ въ Москвѣ русскимъ дворянамъ, что современныя обстоятельства непремѣнно требуютъ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостнаго положенія и предложилъ дворянамъ самимъ— обдумать, какимъ образомъ и на какихъ условіяхъ совершить это великое дѣло. Съ этою цѣлію повсемѣстно составились въ губерніяхъ комитеты для изложенія по этому предмету своихъ предположеній. А поляки помѣщики западныхъ русскихъ областей отправили изъ среды своей въ великороссійскія губерніи депутатовъ, съ цѣлію убѣдить русскихъ помѣщиковъ ни за что не соглашаться на освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостнаго положенія, или, по крайней мѣрѣ, даровать крестьянамъ только личную свободу и оставить ихъ въ состояніи пролетаріатства, не надѣляя ихъ ни усадебною, ни пахатною землею. Когдаже помѣщики великорусскіе сказали этимъ депутатамъ, что крестьянамъ уже извѣстна воля Государя Императора освободить крестьянъ отъ крѣпостнаго положенія съ надѣленіемъ ихъ усадебною и пахатною землею, то польскіе депутаты возразили: «mais nous avons pour nous les baïonnets». Но русскіе помѣщики рѣшительно отвергли ихъ предложеніе. Вотъ чего хотѣли мечтающіе о возстановленіи Польши въ древнемъ видѣ, провозглашающіе на словахъ всеобщую свободу!

При всемъ томъ, обольщая себя надеждою, что, и русскіе помѣщики не прочь отъ возстанія и желаютъ прежнихъ отношеній къ крестьянамъ, поляки тотчасъ произвели возстаніе. Оно началось разными религіозными манифестаціями, которыя однако не были выраженіемъ всеобщаго желанія поляковъ. Манифестаціи произведены агитаторами образовавшагося въ Варшавѣ тайнаго революціоннаго комитета и нѣкоторыми женщинами, доведенными отъ ксендзовъ до фанатической экзальтаціи и увлекшими своимъ примѣромъ и другихъ полекъ; нѣкоторыя вынуждены были надѣть трауръ: между прочимъ и потому, что шалуны, мальчишки, настроенные тайными революціонерами, опрыскивали купоросною кислотою наряды и платье польскихъ дѣвицъ и женщинъ, которыя являлись въ бѣломъ, или въ цвѣтномъ: платьѣ. Какъ только обнародовано было по-

ложеніе о крестьянахъ 19 февраля 1861 года главнымъ образомъ, ксендзы озаботились повсемѣстно съ каѳедры внушать крестьянамъ латинскаго вѣроисповѣданія, будто они облегченіемъ своей участи одолжены благодарностію единственно своимъ помѣщикамъ. Въ этомъ смыслѣ и виленскій бискупъ разослалъ циркулярное свое воззваніе по костеламъ. Ксендзы тотчасъ сообразили, что обыкновенный торный ихъ путь къ совращенію православныхъ въ латинство посредствомъ миссіи поляковъ—помѣщиковъ, помѣщицъ и ихъ экономовъ пресѣкся; что помѣщики, лишившись возможности наживать капиталы посредствомъ изнуренія крестьянъ до поту и крови, вынуждены будутъ ограничить свои расходы и не приглашать по прежнему ксендзовъ на частные роскошные обѣды, также на вечернія бесѣды, и не будутъ впередъ въ состояніи дарить ксендамъ на ихъ услуги крестьянъ, будто рабочую скотину. Съ своей стороны поляки помѣщики всячески старались увѣрить крестьянъ, что они сами по себѣ увольняютъ ихъ отъ крѣпостной зависимости и надѣляютъ ихъ усадебною и пахатною землею. Напрасныя усилія! Крестьяне скоро поняли и открыто говорили, что они одолжены за облегченіе своей участи полною благодарностію одному Государю Императору. Усиливаясь подавить въ крестьянахъ такія мысли, помѣщики жаловались губернскимъ властямъ, будто крестьяне противу ихъ, своихъ помѣщиковъ, бунтуютъ; а губернскія власти, по прежнему обыкновенію, отряжали, для усмиренія небывалаго бунта крестьянъ, военныя команды, которыя, изумлялись, что, пришедши въ указанныя имъ села, не находили ни малѣйшаго признака бунта, и что крестьяне мирно занимаются своими дѣлами. Наконецъ и правительство удостовѣрилось, что жалобы помѣщиковъ на мнимые бунты крестьянъ не заслуживаютъ вниманія.

Но поляки помѣщики, не разставаясь съ своими мечтами, осмѣливались съ наглою дерзостію утруждать Государя Императора прошеніемъ присоединить подольскую, волынскую минскую и другія западныя русскія области къ Польскому Царству. Въ этомъ прошеніи очевидно скрывались двѣ дурно прикрытыя затаенныя мысли: одна, чтобы присоединеніемъ тѣхъ областей, къ Царству Польскому усилить скоро имѣвшій разразиться въ немъ бунтъ и осуществить мечту возстановленія Польши въ старыхъ предѣлахъ;—другая, отдать на ихъ произволъ русскій

народъ, населяющій тѣ области и повергнуть этотъ народъ въ прежнее состояніе рабства, по которому крестьянинъ не пользовался бы даже наслѣдственною своею хижиною, и вполнѣ зависѣлъ отъ одного каприза своихъ помѣщиковъ, какъ относительно нищенскаго пріобрѣтенія насущнаго хлѣба, такъ и своего съ семействомъ пріюта въ морозъ, вьюгу и ненастье. Какъ будто бы этотъ народъ не заслуживалъ уже никакого уваженія, какъ будто бы изъ однихъ помѣщиковъ и шляхты состоитъ національность тѣхъ областей, и помѣщики имѣли какое-нибудь право пріурочить русскій народъ куда угодно, загнать его, какъ скотъ, въ тюремную свою ограду. Такое безразсудное прошеніе отвергнуто было съ негодованіемъ.

Однако же поляки помѣщики не унялись, а придумали обольстить русскій народъ ничтожными грамотами, напечатанными сусальнымъ золотомъ, которыми сулили крестьянамъ *золотыя* горы, въ надеждѣ довесть ихъ до мятежа, а потомъ снова поработить, и подчинить ихъ игу неволи. Но крестьяне поняли, куда хотятъ завлечь ихъ крамольники, не поддались обману: хотя поляки умерщвляли и вѣшали старшинъ крестьянскихъ обществъ [1]). Тогда помѣщики съ своею шляхтою составили разбойническія банды, на подобіе буйствовавшихъ въ Польскомъ Царствѣ. Образовавшіяся банды на Волыни въ кіевской и другихъ западныхъ областяхъ поражены и разсѣяны русскими войсками большею частію при дружномъ содѣйствіи крестьянъ, а крестьяне кіевской и могилевской губерній сами по себѣ разсѣяли появившіяся банды, за тѣмъ хватали бунтовщиковъ и доставляли ихъ русскому правительству. Не доставило успѣха польскимъ затѣямъ и нападеніе польскихъ бандъ на Радзивиловъ и на другія порубежныя съ Галиціею мѣста: всѣ такія банды поражены и прогнаны съ лица русской земли. При всемъ томъ поляки-помѣщики не вразумились, не пришли въ сознаніе ничтожности своихъ усилій, а измыслили съ своими экономами другаго рода лестію и обманомъ привлечь на свою сторону русскихъ крестьянъ. Именно: стали брататься съ ними, вызывались къ нимъ въ кумовство, воспринимать отъ купѣли св. крещенія крестьянскихъ дѣтей, начали приглашать крестьянъ въ воспріемники при крещеніи своихъ дѣтей, раздавали без-

---

[1]) Золотыя грамоты распространялись между народомъ рукою вооруженнаго возстанія въ краѣ. Ред.

платно крестьянамъ водку, чтобы распоить ихъ [1]). При всемъ томъ, помѣщики никакими ухищреніями не успѣли привлечь къ себѣ любовь крестьянъ, освобожденныхъ отъ порабощенія и совратить ихъ съ пути долга и закона,—хотя теперь поляки готовы буквально исполнять въ отношеніи къ крестьянамъ свою поговорку: padam do nóg (припадаю къ ногамъ), лишь бы взбунтовать ихъ противъ русскаго правительства, водить на убой противъ русскихъ войскъ, чтобы въ послѣдствіи снова овладѣть крестьянами и поработить ихъ своему деспотическому произволу.

Въ этомъ состоитъ главная цѣль, которой достигнуть усиливаются поляки-помѣщики во что бы то ни стало: потому что для поляка-помѣщика, для его супруги и ихъ экономовъ, мучительна самая мысль, что они лишились теперь права пороть схизматиковъ, русскихъ поселянъ нагайками сколько угодно въ свое удовольствіе; что ихъ экономы не могутъ уже наслаждаться разнообразнымъ мученіемъ кресьтянъ, что польки потеряли власть кусать и терзать своихъ горничныхъ и служанокъ.

Но удивительнѣе всего, что поляки-помѣщики многовѣковымъ угнетеніемъ своихъ крестьянъ до того извѣрились, что хотя еще въ началѣ бунта (22 ч. января 1863 года) въ цѣломъ Польскомъ Царствѣ самымъ торжественнымъ образомъ объявили крестьянамъ, что земля, которую они обработывали въ свою пользу за барщину, чиншъ (оброкъ) и на другихъ обязательныхъ условіяхъ, со всѣми постройками, и соединенными съ ней правами и привилегіями обращается въ наслѣдственную ихъ поселянъ собственность, безъ всякаго вознагражденія помѣщиковъ барщиною и какою либо податью, и однако масса польскихъ крестьянъ все остается спокойною, покорною, даже преданною законному правительству. Не совратили ихъ ни вѣшаніе войтовъ и сельскихъ старшинъ жандармами вѣшателями, ни всѣ адскія мѣры террора, употребляемыя подпольнымъ, революціоннымъ правительствомъ. Если и были весьма немногіе польскіе крестьяне въ бандахъ, то они частію насильно были увлечены революціонерами, а большею частію настойчивыми

---

[1]) И это ухаживаніе за крестьянами было раньше вооруженнаго возстанія. Ред.

внушеніями и проклятіями съ церковной каѳедры ксендзовъ, или отчаяннымъ, безпомощнымъ своимъ положеніемъ.

Безъ сомнѣнія, поселяне сообразили, что на обѣщанія помѣщиковъ и подпольное правительство нельзя полагаться; что помѣщики усиливаются взволновать и побудить крестьянъ къ возстанію противъ законнаго правительства съ затаенною мыслію, чтобы, возстановивъ Польшу по своимъ мечтамъ, снова затѣмъ надѣлать хлоповъ и подчинить ихъ своему абсолютному произволу и рабству. Такимъ образомъ здравый смыслъ поселянъ удержалъ ихъ отъ мятежа, не помрачилъ ихъ умовъ обманчивыми обольщеніями.

Но прежде открытаго возстанія, зачинщики бунта измыслили предварительно наэликтризовать народъ ненавистію противъ рсскаго правительства и русскихъ войскъ, а за тѣмъ произвесть всеобщее возстаніе народа. Для достиженія этой цѣли ксендзы стали провозглашать съ церковной каѳедры будто р. католическая религія преслѣдуется русскими, и убѣждали, что для защиты религіи и отечества каждый католикъ долженъ принесть въ жертву все достояніе, всѣ силы и самую жизнь свою. Вмѣстѣ съ тѣмъ начали производить религіозныя демонстраціи, и воспѣвать молитвенные гимны. Сказанныя демонстраціи были въ родѣ драмматическихъ, театральныхъ представленій, на которыхъ носили въ Варшавѣ деревянную, позолоченную, будто бы польскую корону, повитую терніемъ, а впереди такихъ процессій, несли распятіе Спасителя, покрытое чернымъ флеромъ и черную хоругвь, съ вышитымъ на ней бѣлымъ одноглавымъ орломъ, гербомъ Польши. Воспѣваемыя гимны составлены были искусно изъ самыхъ воспламенительныхъ выраженій. Изъ всего этаго очевидно, что если затаенная мысль агитаторовъ имѣла цѣлію, возстановивъ Польшу, снова поработить крестьянъ дикому произволу помѣщиковъ: то относительно тѣхъ гимновъ давно изрекла отвѣтъ Божественная истина: *просите и непріемлете, зане злѣ просите, да въ сластехъ вашихъ иждивете* (Іак. 4. 3). Съ другой стороны люди, знающіе положеніе бывшей Польши, какъ въ Царствѣ Польскомъ, такъ и въ западныхъ русскихъ областяхъ, считали эти гимны не болѣе какъ фантастическими; а какъ въ нихъ часто произносилось слово *ойчизна* (отечество), то бѣлорусскіе крестьяне составили изъ этаго слова такой ка-

ламбуръ: «Вотъ паны молятся Богу, чтобъ Онъ снова возвратилъ имъ панщизну,» т. е. барщину. Демонстраціи въ многолюдныхъ городахъ, наполненныхъ празднымъ народомъ, какъ на улицахъ, такъ и въ костелахъ, были многочисленны. Воспѣваемые гимны, по содержанію своему, были лживы, богохульны и богопротивны, какъ возбуждавшіе народъ къ бунту противъ законнаго, христіанскаго правительства, тогда, какъ истинное, христіанское ученіе отъ своихъ послѣдователей обязательно требуетъ повиноваться *всякой* власти. Почему первенствующіе христіане никогда не возставали и не бунтовали противъ идолопоклонническихъ государей, даже противъ такихъ тирановъ, каковыми были Неронъ, Декій, Діоклитіанъ и другіе,—но безпрекословно имъ повиновались, хотя были терзаемы всѣми родами мукъ и умерщвляемы за исповѣданіе имени Іисуса Христа, въ продолженіи болѣе трехъ столѣтій. А латинское вѣроисповѣданіе, какъ въ Польскомъ Царствѣ, такъ и въ западныхъ русскихъ областяхъ, повсемѣстно, съ полною свободою, открыто совершаетъ свои крестные ходы, похороны и проч.; только противъ пропаганды ксендзовъ и совращенія ими въ латинство православныхъ, мѣстное правительство кое-гдѣ предпринимало нѣкоторыя мѣры, впрочемъ палліативныя, которыя, подъ наружнымъ покровомъ полицейской охраны общей тишины и спокойствія, не препятствовали ксендзамъ и полякамъ-помѣщикамъ совращать православныхъ разными прельщеніями. Изложенныя въ упомянутыхъ гимнахъ жалобы на то, что нѣкоторые костелы приходскіе и монастырскіе отняты у р. католиковъ,—лживы въ томъ смыслѣ, что обращены въ православныя церкви только такіе костелы, которые или были построены на мѣстѣ православныхъ церквей, или изъ таковыхъ церквей обращены были въ костелы, или стояли пустыми и въ развалинахъ со временъ самостоятельности польскаго королевства, также по удаленіи изъ Россіи іезуитовъ и упраздненіи состоящею въ Петербургѣ римско-католическою коллегіею монастырей другихъ латинскихъ орденовъ. Такое впрочемъ распоряженіе относительно тѣхъ монастырей съ одной стороны сдѣлано на основаніи постановленій римской церкви, по которымъ, если въ монастырѣ нѣтъ двѣнадцати монаховъ, то онъ упраздняется, съ другой стороны потому, что въ тѣхъ монастыряхъ было не болѣе трехъ двухъ монаховъ, которые большею частію занимались охотою, а въ

продолженіи бунта поляковъ 1830 и 1831 года волновали крестьянъ и водили ихъ въ битвы противъ русскихъ войскъ. Въ совершенномъ запустѣніи, со времени самостоятельности бывшей Польши, стояли, на примѣръ въ Каменцѣ Подольскомъ: обращенный въ архіерейскій домъ монастырь францисканскій, костелы св. Екатерины и поіезуитскій въ Старомъ Константиновѣ, волынской губерніи, доминиканскій, обращенный въ тюремный замокъ, могилевской губерніи, въ Оршѣ—поіезуитскій и тринитарскій, въ Мстиславлѣ бернардинскій и поіезуитскій и т. п. Всѣ эти зданія, какъ извѣстно, строились потомъ и кровію русскихъ крестьянъ, и при всемъ томъ усвоеніе ихъ православной церкви не составляетъ и сотой доли возмездія за уничтоженіе и присвоеніе папистами, со времени учрежденія въ русскихъ областяхъ уніи безчисленныхъ православныхъ церквей и монастырей, съ ихъ богатыми имѣніями. Кромѣ того, передача нѣкоторыхъ латинскихъ церквей и монастырей въ вѣдомство православной церкви, а принадлежавшихъ къ нимъ имѣній въ казенное вѣдомство,—и въ сравненіи не можетъ идти съ тѣмъ, какъ поступили правительства католическаго вѣроисповѣданія напр., въ Испаніи, Италіи, въ самомъ даже Римѣ, съ *своими* многими костелами, монастырями и съ ихъ имѣніями. Почему же русское правительство не имѣло права поступить подобнымъ образомъ, по требованію обстоятельствъ? Вмѣстѣ съ симъ заслуживаетъ вниманія то, что доходы съ имѣній латинскихъ костеловъ и монастырей обращены правительствомъ на жалованье и содержаніе латинскихъ же монастырей и монаховъ, приходскихъ ксендзовъ и ихъ викаріевъ—въ такомъ количествѣ, что многіе ксендзы и не мечтали получать когда нибудь столь щедрое содержаніе, тогда какъ православные священники получаютъ столь скудное жалованье, что едва въ состояніи пропитать себя съ своими семействами. Впрочемъ неудивительно, что многіе поляки, особенно польки, не имѣя обо всемъ вышеизложенномъ никакихъ понятій, доведенные мятежными ксендзами до экзальтаціи, отъ всего сердца пѣли лживые, мятежные гимны, отправляли своихъ сыновей—мальчишекъ на убой въ банды и считали своимъ долгомъ носить трауръ.

Но еще до религіозныхъ демонстрацій, учредилось въ Варшавѣ, съ дозволенія правительства, такъ названное *земледѣльческое общество*, на которое во множествѣ съѣзжались

поляки. Это былъ, настоящій, непрерывный сеймъ, коимъ дирижировалъ богатый аристократъ Замойскій и на которомъ, по всей вѣроятности, былъ предначертанъ и окончательно утвержденъ планъ всеобщей революціи въ Польшѣ, Литвѣ и въ западныхъ русскихъ областяхъ; хотя общество, для прикрытія своихъ дѣйствій и закупало въ Англіи разныя земледѣльческія машины.

Предвѣстниками вспыхнувшаго вслѣдъ за религіозными демонстраціями, открытаго бунта и его адскихъ подвиговъ, было покушеніе на убійство намѣстника Царства Лидерса, Его Императорскаго Высочества Великаго князя Константина Николаевича, потомъ Велепольскаго и Берга. Между тѣмъ тайные коноводы мятежа успѣли собрать значительный капиталъ, подговорили чиновниковъ польскаго банка похитить его капиталы и денежные знаки отъ разныхъ иностранныхъ банковъ; обратили эти капиталы большею частію на жалованье поступавшимъ въ мятежныя банды, на плату исполнителямъ своихъ распоряженій, въ ряды которыхъ поступила разная сволочь, когда по проэкту Велепольскаго административныя должности, исправляемыя русскими, возложены были подпольнымъ правительствомъ на поляковъ, большею частію безнравственныхъ, которые по этому оказались самими ревностными исполнителями распоряженій революціонныхъ агитаторовъ. За тѣмъ агитаторы успѣли найдти измѣнниковъ въ главныхъ канцеляріяхъ законнаго правительства, которые извѣщали ихъ о всѣхъ мѣрахъ и распоряженіяхъ этаго правительства къ подавленію мятежа; благовременно привлекали на свою сторону чиновниковъ варшавскаго почтамта, также администраторовъ и кондукторовъ желѣзной дороги, изъ коихъ первые давали знать агитаторамъ, какія почты отправлялись съ разными капиталами; назначили своихъ единомыслинниковъ воеводами и разными администраторами въ губерніяхъ и учредили свое, тайное, почтовое вѣдомство для сношенія съ разными своими вѣдомствами и лицами. Такимъ образомъ, наконецъ, довершена организація подпольнаго, революціоннаго правительства, члены коего, не объявляя своихъ именъ и прозваній, провозгласили себя, неизвѣстно на какомъ основаніи, представителями польскаго народа, большинство коего, желало только тишины и спокойствія.

Бунтъ открылся свойственнымъ людямъ латинскаго вѣро-

исповѣданія подвигомъ. Поляки перерѣзали въ разныхъ мѣстахъ русскія войска, погруженныя въ глубокій сонъ. За тѣмъ стали появляться въ Польскомъ Царствѣ и Литвѣ многочисленныя, вооруженныя шайки разной сволочи, преимущественно изъ шляхты, гимназистовъ и ремесленной челяди. Такія шайки прозванныя въ послѣдствіи бандами, нападали не только на русскія войска, но и на мирныхъ гражданъ, которые не желали принимать участія въ мятежномъ возстаніи. Главными двигателями бунта были деньги и терроръ. Шляхта, мѣщане и разная челядь получали такія деньги, какихъ честнымъ трудомъ не могли пріобрѣтать. А терроръ агитаторовъ навелъ на поляковъ такой паническій страхъ, что каждый трепеталъ за свою жизнь; потому что, по указанію двигателей бунта, наемные убійцы и въ домахъ и на улицахъ поражали изъ за угла кинжалами обреченныхъ подпольнымъ правительствомъ на смерть, неизвѣстно за что. Мятежныя шайки пополнялись и усиливались революціонерами цѣлой Европы, а предводительствовали ими лица польской аристократіи, потерявшія свое имѣніе игрою въ карты или расточительностію и такого же рода европейскіе пролетаріи. Храбрость бунтовщиковъ преимущественно выказалась въ поврежденіи путей сообщенія, нападеніи на почты, грабежѣ и вѣшаніи нетолько русскихъ, когда попадались въ ихъ руки, но и поляковъ, по малѣйшему подозрѣнію въ нерасположенности ихъ къ бунту, и въ бѣгствѣ do lasu. Во главѣ самозваннаго, подпольнаго, правительства были лица большею частію не знатнаго происхожденія и достоинства, даже сапожники, безнравственные ксендзы и т. п. При всемъ томъ, главные агитаторы польскаго бунта, какъ состоявшіе въ Польскомъ Царствѣ, такъ и во Франціи, посредствомъ подкупленной ими прессы, разсѣвали безчисленныя клеветы на русское правительство за то, что оно караетъ взятыхъ съ оружіемъ въ рукахъ мятежниковъ и уличенныхъ явными доказательствами въ преступныхъ дѣйствіяхъ, обнаруженныхъ законнымъ изслѣдованіемъ, тогда, какъ двигатели бунта безъ всякаго изслѣдованія и суда заставляютъ своихъ клевретовъ поражать кинжалами только подозрѣваемыхъ поляковъ въ нерасположенности къ бунту, а мятежныя шайки вѣшаютъ русскихъ, даже православныхъ священниковъ, единственно за то, что они остаются вѣрными своему долгу и присягѣ. Но болѣе всего странно то, что западные государи и

правительства между прочимъ совѣтовали нашему Государю Императору заключить перемиріе съ подпольнымъ, польскимъ, правительствомъ. Гдѣ же, и когда какое нибудь правительство вступало въ переговоры съ неизвѣстными убійцами, скрывавшимися во мракѣ, дѣйствовавшими изъ за угла [1]). Оттоманская Порта, когда то вступала въ переговоры съ взбунтовавшимися противъ нея пашами и морскими пиратами; но эти паши и разбойники отнюдъ не скрывались, не таили своихъ именъ и прозваній, а дѣйствовали открыто.

Вообще же, обозрѣвая эпизоды и катастрофы послѣдняго польскаго бунта, нельзя не замѣтить, что мятежное возстаніе поляковъ похоже, (только въ обширнѣйшихъ размѣрахъ) на бывшія ихъ конфедераціи противъ своихъ королей, во время самостоятельности польскаго королевства и на всѣ другія рухавки безпокойной шляхты. Вся исторія Польши доказываетъ, что чѣмъ снисходительнѣе къ польскимъ аристократамъ и уступчивѣе были ихъ короли, тѣмъ буйнѣе и наглѣе были требованія польскихъ магнатовъ, которые наконецъ свою мятежную смѣлость простерли до того, что лишили своихъ королей почти всякой власти, тогда, какъ каждый польскій аристократъ, каждый помѣщикъ, считалъ себя самодержавнымъ, абсолютнымъ государемъ въ своемъ имѣніи, присвоялъ себѣ право жизни и смерти надъ своими крестьянами. Польскіе же короли могли только раздавать тѣмъ же аристократамъ, такъ называемыя, староства, жаловать право на учрежденіе въ какихъ либо мѣстечкахъ ярморокъ и авторамъ какихъ нибудь сочиненій на исключительное ихъ изданіе въ пользу автора. Чѣмъ больше

---

[1]) Эту истину сознаютъ теперь и здравомыслящіе французы. Такъ въ засѣданіи французскаго сената текущаго 1864 года февраля 12 н. с. нѣкто Stourm 1-er rapporter, между прочимъ утверждалъ: Les Polonais en armes n'ont pas de gouvernement, même de gouvernement de fait; car on ne peut appeler ainsi la reunion de quelques hommes, dont le nom est un mystère et dont la residense est ignoré.... Jl n'est pas possible non plus de considerer comme une armèe les baudes, ou les partis, qui se battent tantôt sur un point, tantôt sur un autre...... Смотр.: Jonrnal de S-t Perersbourg. 1864 Jeudi 6 (18) Fevrier pag. 2.

оказываемо было благодѣяній и милостей польскимъ помѣщикамъ; тѣмъ неукротимѣе, требовательнѣе становились они противъ русскаго правительства; оно всегда играло роль «Фортуны,» а паны польскіе—«Нищаго» съ сумой, въ баснѣ Крылова. Царствующій нынѣ Государь Императоръ, тотчасъ по вступленіи на престолъ, возвратилъ изъ ссылки поляковъ, сосланныхъ за разныя мятежныя ихъ выходки и затѣи на Кавказъ, въ оренбургскую, тобольскую и другія восточныя русскія губерніи, дозволилъ возвратиться въ отечество многимъ бѣжавшимъ во Францію и другія страны послѣ 1831 года, предоставилъ Польшѣ административную автономію, основанную на представительномъ, избирательномъ началѣ, даровалъ полякамъ благотворныя, либеральныя учрежденія, и назначилъ въ Царствѣ Польскомъ роднаго брата Своего Намѣстникомъ; но всѣ такія благодѣянія послужили какъ будто бы толчкомъ къ мятежному возстанію поляковъ и средствомъ къ распространенію кроваваго бунта, въ разгарѣ котораго мятежники вѣшали не только русскихъ, но и польскихъ, мирныхъ гражданъ, вѣрныхъ своему долгу, отказывавшихся бѣжать съ бунтовщиками до лясу. Подобнымъ образомъ во время самобытности польскаго королевства польскіе аристократы съ мелкою шляхтою не подчинялись никакому закону, управлялись абсолютнымъ своимъ произволомъ, и, не смотря на то, что многіе поляки были люди образованные, обладали замѣтными талантами,—въ Польшѣ вездѣ, всегда царствовали неустройство и неурядица, вездѣ и всегда сильные притѣсняли слабыхъ, а особенно угнетали, давили и терзали крестьянъ.

Какихъ же можно бы ожидать послѣдствій, еслибъ осуществились мечтательныя затѣи поляковъ,—если бы, по ихъ желанію, возстановлена была Польша въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ существовала она до 1772 года? Смотря на то, какъ досслѣ поступали поляки-помѣщики и служившая у нихъ шляхта и ксендзы въ западныхъ русскихъ областяхъ, съ русскими крестьянами; зная, что, безъ малѣйшаго со стороны Россіи повода, въ концѣ шестнадцатаго столѣтія поляки, выдумавъ самозванца, съ оружіемъ въ рукахъ устремились въ самое сердце Россіи, а по умерщвленіи самозванца подставили другаго, потомъ подъ предлогомъ защиты правъ на русскій престолъ то короля Сигизмунда III, то его сына Владислава, нѣсколько

лѣтъ на Руси безчинствовали, производили грабежи, насилія, кровопролитія, пожары, опустошали русскіе города и села, да и по возстановленіи самобытности Россіи, въ мирныя времена, дѣлали частныя наѣзды на ея предѣлы, производя грабежи и похищая русскихъ поселянъ,—легко предвидѣть, что, если бы, возстановлена была Польша въ предѣлахъ 1772 года, то поляки употребили бы всевозможныя прельщенія, угнетенія, муки, чтобы совратить русскій народъ, населяющій западныя русскія области, въ іезуитскій католицизмъ и, при посредствѣ своихъ ксендзовъ и монаховъ, подавили бы въ русскихъ самую способность мышленія и совѣсти, гнетомъ іезуитскаго абсолютизма, ополячили бъ ихъ и внушили бы каждому русскому, что самая высшая заслуга предъ Богомъ, ведущая человѣка прямо въ царство небесное, состоитъ въ томъ, чтобы поражать и умерщвлять русскихъ, населяющихъ великую Россію. Тогда поляки въ союзѣ съ Швеціею и Турціею, а можетъ быть и съ другими государствами не переставали бы причинять Россіи и православной церкви безчисленныя бѣдствія, да и безъ политическихъ союзовъ съ другими государствами, постоянно выказывали бы свою удаль, наѣздами на смежныя русскія области, грабили бы имущество и похищая ихъ самихъ, чтобы сдѣлать ихъ своими рабами. Тогда для защиты русскихъ предѣловъ отъ повторенія старины, русское правительство вынуждено было бы постоянно держать на своихъ границахъ громадную армію,—тѣмъ болѣе, что поляки никогда не переставали бы употреблять всѣ усилія къ погибели Россіи.

Вотъ чего хочется полякамъ и чего не хочется русскимъ!

Авдій Востоковъ.

Уніятскій митрополитъ Іосифъ Вельяминъ Рутскій.

Митрополитъ *Іосифъ Вельяминъ*, прозванный *Рутскимъ* (отъ Руты, наслѣдственнаго его имѣнія, находящагося недалеко Новогрудка лит., гдѣ онъ имѣлъ свое пребываніе и въ санѣ митрополита), былъ *третьимъ* уніятскимъ митрополитомъ послѣ Рагозы. Онъ происходилъ отъ древней фамиліи московскихъ, т. е. русскихъ бояръ Вельяминовыхъ, но находился въ польскомъ подданствѣ, въ которое перешли отецъ Рутскаго и дядя во время войны съ Польшею Іоанна Грознаго.—Это было при сдачѣ укрѣпленнаго замка Улы, (нынѣ мѣстечко при устьѣ р. Улы, въ р. Двину, въ 30 верстахъ отъ Полотска). Отецъ Рутскаго и дядя командовали русскимъ отрядомъ, предназначеннымъ къ защитѣ замка Улы, по неизвѣстно отъ малодушія ли, или, какъ многіе говорятъ, вслѣдствіе измѣны, передали этотъ замокъ почти безъ боя осаждавшему оный литовскому гетману князю Сангушкѣ (20 сентября 1568 г.) и сами перешли въ подданство Польши. За это король Сигизмундъ-Августъ пожаловалъ имъ въ Литвѣ нѣсколько вотчинъ и въ томъ числѣ упомянутую выше Руту.

Потомокъ измѣнниковъ отечества, получившій воспитаніе въ польскихъ училищахъ,—Іосифъ Вельяминъ-Рутскій, недолго задумался измѣнить и прародительской вѣрѣ. И эту измѣну, или лучше сказать мѣну вѣрами, совершилъ неоднажды: сперва онъ сдѣлался кальвинистомъ, потомъ, по убѣжденію іезуитовъ, перешелъ въ латинство, и наконецъ въ унію. Послѣдній переходъ сдѣлалъ Рутскій въ Римѣ. Онъ былъ посланъ туда іезуитами, для окончательнаго усовершенствованія въ богословскихъ наукахъ въ римской академіи, но такъ какъ онъ происходилъ отъ русскихъ родителей, то и поступилъ въ греческій коллегіумъ, въ которомъ воспитывались миссіонеры изъ грековъ и другихъ народовъ, исповѣдующихъ греко-каѳолическую вѣру,

для распространенія между соотечественниками, не признающими папской власти о латинской пропаганды. Здѣсь-то онъ перешелъ въ унію. По окончаніи курса наукъ, Рутскій возвратился на родину, и въ 1606 году былъ постриженъ въ Вильнѣ митрополитомъ Поцѣемъ въ монашество. Основательное знаніе богословскихъ наукъ, разносторонняя образованность и пламенное усердіе Рутскаго къ папизму, обратили на него вниманіе митрополита, который вскорѣ по постриженіи произвелъ его въ санъ архимандрита и сдѣлалъ настоятелемъ виленскаго св. Троицкаго монастыря, на мѣсто изгнаннаго изъ предѣловъ Польши, за непоколебимость въ православіи, Самуила Сѣнчилы. Въ этомъ новомъ духовномъ санѣ, Рутскій явилъ себя дѣятельнѣйшимъ помощникомъ митрополита въ совращеніи православныхъ въ унію, за что митрополитъ наградилъ званіемъ коадъютора—епископа и назначилъ своимъ преемникомъ. Это назначеніе, по ходатайству Поцѣя, подтвердили король Сигизмундъ жалованною грамотою, данною въ Варшавѣ 16 октября 1611 г. и папа Павелъ V своею буллою.

По смерти Поцѣя, Рутскій немедленно вступилъ въ управленіе митрополіею и начало своего управленія ознаменовалъ преобразованіемъ монашества на латинскій ладъ. Онъ назвалъ его, для отличія отъ прежняго, т. е. православнаго, орденомъ Василія в. или базиліянскимъ, желая этимъ выразить, что оно слѣдуетъ уставу св. Василія в. и что Василій в. былъ учредителемъ этого ордена, подобно Венедикту, Бернарду, Доминику, Франциску и другимъ учредителямъ монашескихъ орденовъ на западѣ. Но это предположеніе Рутскаго не имѣетъ никакого основаніи: потому во первыхъ, что хотя жившій въ IV вѣкѣ епископъ Кессаріи Кападокійской, Василій в. заботился о собраніи въ общежительные домы, т. е. монастыри, разсѣянныхъ по разнымъ мѣстамъ его епархіи отшельниковъ и пустынножителей, но о томъ, чтобы онъ былъ учредителемъ какого нибудь монашескаго ордена, никакихъ намековъ въ исторіи не встрѣчается, и во вторыхъ, что хотя уніяты въ доказательство, что орденъ базиліянцевъ долженъ носить имя Василія в., какъ учредителя, приводятъ, что онъ писалъ правила для иноческаго житія, но это не даетъ нисколько повода согласиться съ ихъ мнѣніемъ, ибо Василій в., какъ вселенскій учитель, писалъ разныя правила, какъ-то: для супружеской жизни, для воиновъ,

для господъ и рабовъ и для другихъ сословій, которыя однакоже его именемъ не называются.

Впрочемъ преобразованіе уніятскаго монашества коснулось не одного только названія, но и внутренней и внѣшней его организаціи, придавшей ему характеръ чисто латинскій. Для этой цѣли, Рутскій собралъ въ 1617 г. въ Новогрудкѣ настоятелей всѣхъ монастырей, совмѣстно съ которыми составилъ для ордена новый уставъ, во многомъ сходный съ уставомъ монастырей іезуитскихъ; греческую одежду монаховъ замѣнилъ одеждою, похожею покроемъ на іезуитскую; всѣ монастыри подчинилъ главному прото-архимандриту, избираемому самими монахами, мѣстопребываніемъ коего назначенъ былъ виленскій Св.-Троицкій монастырь, названный прото-архимандріею [1]), а архимандритовъ и настоятелей монастырей, переименовалъ въ аббатовъ и суперіоровъ.

Въ тоже время, Рутскій учредилъ въ Вильнѣ главную семинарію, утвержденную совѣтомъ всего уніятскаго духовенства въ Кобринѣ 1626 года; установилъ, чтобы для совѣщаній о монастырскихъ дѣлахъ, были по временамъ дѣлаемы настоятелями всѣхъ монастырей съѣзды, названные конгрегаціями и капитулами, и учредилъ при важнѣйшихъ монастыряхъ новиціаты, или училища для просвѣщенія юношей, изъявившихъ желаніе быть монахами [2]).

---

[1]) Въ 1645 г. эта прото-архимандрія распространила свою власть на уніятскіе монастыри и въ Коронѣ, т. е. собственно въ Польшѣ. При первомъ раздѣлѣ Польши, въ Бѣлоруссіи была учреждена особая прото-архимандрія, подъ названіемъ св. Николая, а на Волыни третья, Богородицкая, и прото-архимандриты названы потомъ провинціалами. Но указомъ 1803 г. ноября 9 упраздненъ базиліянскій прото-архимандритскій капитулъ.

[2]) По примѣру мужскихъ монастырей, Рутскій преобразовалъ и женскіе монастыри, назвавъ ихъ также базиліянскими и подчинилъ вѣдѣнію прото-архимандритовъ. Іосафатъ Кунцевичъ, архіепископъ полотскій, первый учредилъ въ Полотскѣ на Верхнемъ Замкѣ, при Софійскомъ соборѣ, монастыри базиліянцевъ и базиліянокъ, существовавшіе тамъ первый до временъ архіепископа Красовскаго, а послѣдній до возсоединенія уніятовъ.

Главною и самою важною обязанностію сего новаго уніятскаго ордена монаховъ считалось обращеніе въ унію православныхъ, и базиліянцы, въ этомъ отношеніи, были для Рутскаго и его преемниковъ, уніятскихъ митрополитовъ, дѣятельнѣйшими помощниками, неуступавшими въ преданности папѣ и ревности къ пропагандѣ самимъ іезуитамъ, и хотя сіи послѣдніе не открывали базиліянцамъ своихъ коренныхъ тайныхъ правилъ и способовъ, какими привлекали въ свой орденъ юношество и усиливали его пріумноженіемъ братіи; но базиліянцы, внимательно наблюдая внѣшнія дѣйствія іезуитовъ, научились искусно во многомъ подражать хитрой ихъ изворотливости, такъ что передъ паденіемъ Польши возвысились въ ней надъ прочими, бывшими тогда въ Польшѣ монашескими орденами, и считались почетнѣе другихъ.

Таковыя, предпринимаемыя митрополитомъ Рутскимъ и его предшественниками мѣры къ подкрѣпленію уніи, какъ-то: преобразованіе монашества въ орденъ базиліянцевъ, учрежденіе главной семинаріи, весьма вѣрно достигли своей цѣли,—унія распространялась успѣшно, а вмѣстѣ съ тѣмъ православіе болѣе и болѣе приходило въ упадокъ. Православные слишкомъ 26 л. (отъ начала уніи, со временъ Рагозы) не имѣли своего митрополита; епископы, непринявшіе уніи, перемерли [1]), и на мѣсто ихъ, не смотря на усильныя просьбы православныхъ (всегда сопровождавшіяся обѣщаніемъ удовлетворенія со стороны сеймовъ и короля), король другихъ не назначалъ, а повелѣвалъ повиноваться уніятскому митрополиту и епископамъ, какъ своимъ законнымъ, по его мнѣнію, пастырямъ. Находясь въ такомъ крайнемъ положеніи, православные принуждены были искать себѣ пастырей и опредѣлять ихъ на вакантныя епископскія каѳедры и безъ вѣдома короля, для чего представился и удобный случай. Въ 1620 году прибылъ въ Кіевъ, на возвратномъ пути изъ Москвы, іерусалимскій патріархъ Ѳеоѳанъ. Онъ имѣлъ грамоты отъ константинопольскаго патріарха Тимоѳея, уполномочивающія его посѣтить бѣдствующую юго-западную русскую церковь, подать ей, отъ имени законнаго верховнаго пастыря,

---

[1]) Въ 1612 г. скончался послѣдній православный епископъ перемышльскій Михаилъ Копыстенскій, сотрудникъ Гедеона Болабана.

духовное утѣшеніе и что признаетъ нужнымъ въ оной исправить Православные сперва не смѣли имѣть съ нимъ сношенія, но когда патріархъ предъявилъ упомянутыя грамоты и представилъ даннаго ему для провоженія константинопольскимъ патріархомъ Экзарха Арсенія, архимандрита великія церкви; и еще болѣе, когда и самъ король Сигизмундъ III, узнавъ о прибытіи его въ Кіевъ, предписалъ кіевскимъ гражданамъ (отъ 5 мая 1620 г.), принимать его съ почтеніемъ и потомъ проводить его съ честію и съ пособіемъ до Каменца или до границы, *яко мужа почтеннаго*, а отъ 1 августа того же года самъ писалъ къ нему благосклонное письмо, признавая его іерусалимскимъ патріархомъ, снисходя на всѣ его просьбы и даже приглашая его ко двору своему, то православное кіевское духовенство и граждане, (во главѣ коихъ былъ гетманъ запорожскихъ казаковъ Петръ Конашевичь Сагайдачный), неотступно начали просить патріарха поставить имъ православнаго митрополита и епархіальныхъ епископовъ на вакантныя каѳедры, захваченныя уніятами Основаніемъ сей просьбы представляли они сеймовыя конституціи, опредѣлявшія свободу вѣроисповѣданія греко-россійской церкви и примѣръ прежнихъ константинопольскихъ патріарховъ, присылавшихъ въ Кіевъ самими ими избранныхъ митрополитовъ. Патріархъ склонился на ихъ просьбу и въ самый день Успенія Богородицы посвятилъ въ кіевопечерской лаврѣ *Іова Борецкаго*, игумена кіево-михайловскаго монастыря, въ санъ православнаго митрополита кіевскаго, а потомъ еще двухъ: *Мелетія* (Герасимовича) *Смотрицкаго*, архимандрита виленскаго св. Духова монастыря и ректора тамошней школы, на архіепископію полотскую, витебскую и мстиславскую, *а Іосифа Курцевича* на владимірскую епископію. Послѣ того и на прочія епархіи епископовъ: *Исаакія Борисковича Черницкаго* на луцкую, *Исаію Копинскаго* на перемышльскую, *Паисія Ипполитовича* на хелмскую, *Авраамія Стагонскаго* (грека) на пинскую. Въ слѣдующемъ (1621) году, патріархъ, оставивъ жителямъ Кіева поучительную грамоту, въ коей увѣщевалъ остерегаться вѣроотступниковъ, выѣхалъ изъ Кіева за границу [1]). Таковое возобновленіе

[1]) Всѣ грамоты патріарха Ѳеофана и предъявленныя имъ жителямъ Кіева грамоты константинопольскаго патріарха, напечатаны

православной іерархіи встревожило митрополита Рутскаго и всѣхъ поборниковъ уніи. Вскорѣ по отъѣздѣ патріарха, Рутскій подалъ доносъ королю, что яко бы Ѳеофанъ былъ патріархъ—самозванецъ, подосланный въ Польшу Султаномъ шпіономъ и подстрекателемъ малороссійскаго народа къ измѣнѣ, что посвященные имъ митрополитъ Борецкій и епископы—соумышленники его, и что посвященіе ихъ незаконно, такъ какъ было безъ согласія и утвержденія королевскаго, и прочая. Король Сигизмундъ, не изслѣдовавъ сего доноса, немедленно издалъ универсалы (т. е. окружные, циркулярные указы), съ объявленіемъ всѣхъ новопосвященныхъ епископовъ измѣнниками и съ повелѣніемъ ловить ихъ и представлять въ уголовные суды; а уніяты, воспользовавшись этимъ случаемъ, разглашали тоже и о всемъ православномъ русскомъ народѣ. Для понужденія православныхъ къ повиновенію уніятскимъ архіереямъ и для успѣшнаго исполненія сказанныхъ выше универсаловъ, король разослалъ повсюду особыхъ чиновниковъ съ обширною властію и отличавшихся ревностію къ уніи.

Они, именемъ короля, безчинствовали повсемѣстно: православныхъ священниковъ ловили и наказывали тюрьмою и побоями, мірянъ насильно загоняли въ уніятскія церкви, а православные монастыри и церкви отнимали насильно и отдавали уніятамъ; тѣхъ изъ православныхъ, которыхъ признавали главными виновниками неповиновенія неунитовъ уніятскому митрополиту, предавали смертной казни и такой же казни подвергали тѣхъ, которыхъ подозрѣвали въ дачѣ пристанища скрывавшимся новопостановленнымъ архіереямъ. Преимущественно же жестокость свою королевскіе уполномоченные оказали надъ православными жителями Вильны и Новогрудка, какъ главными городами литовскими и этимъ такъ воспособили политикѣ папъ и польскаго правительства, что съ тѣхъ поръ элементъ латинства возъимѣлъ рѣшительный перевѣсъ надъ православіемъ въ помянутыхъ городахъ.

Не съ такимъ успѣхомъ удавалось однако имъ дѣйствовать въ другихъ мѣстахъ литовской Руси. Въ Кіевъ и вообще въ

въ I части Исторіи россійской іерархіи. Москва 1807 г. отъ стр. 459.

Малороссію они даже не посмѣли явиться, потому, что хорошо понимали, какъ приняли-бы ихъ пропаганду удалые казаки. Впрочемъ кіевскій воевода Θома Замойскій (родственникъ князьямъ Острожскимъ, недавно перешедшій въ латинство), вздумалъ было съ толпою вооруженныхъ р.-католиковъ грабить въ Кіевѣ монастыри и церкви, но подоспѣвшій съ казаками гетманъ Конашевичъ, казацкимъ наказаніемъ, навсегда отбилъ ему охоту къ подобнымъ безчинствамъ и самоуправству.

Митрополитъ Іовъ Борецкій, видя опасность для православія и самаго себя, отправилъ на сеймъ 1621 г. къ королю, для своего оправданія, владимірскаго епископа Іосифа Курцевича, котораго король, выслушавъ, отпустилъ съ приказаніемъ, дабы и прочіе явились; но митрополитъ счелъ за лучшее послать къ королю письменное оправданіе за своихъ епископовъ [1]). Послѣ сего, въ 1623 году и литовскіе православные духовные и міряне подали на генеральный варшавскій сеймъ особую напечатанную жалобу, въ коей горестно жалуясь на двадцати-осмилѣтнее, со времени введенія уніи, нестерпимое во всемъ притѣсненіе и обиды, ссылались на прежде изданныя привиллегіи, исчислили поименно всѣхъ своихъ гонителей изъ уніятскаго духовенства, объяснили безчеловѣчные даже надъ погребенными тѣлами православныхъ ругательства полотскаго архіепископа Іосафата Кунцевича, и объявили рѣшительно, что они не хотятъ повиноваться отступническимъ пастырямъ, а просили оставить ихъ въ послушаніи православнымъ, недавно посвященнымъ, и не лишать сихъ послѣднихъ ихъ епархій [2]). По разсмотрѣніи

---

[1]) Оправданіе это напечатано въ книгѣ „Justificacia Newinnosci.“ Подобную жъ книгу издалъ Мелетій Смотрицкій отъ имени виленскаго братства,—Werefikaciia Newinnosci.

[2]) Просьба эта, подъ названіемъ Suplikacia, на польскомъ языкѣ напечатана тогожъ 1623 г. въ 4 д. на 22 листахъ. Между прочимъ, съ жалобою на Іосафата Кунцевича (на 18 и 19 листу) въ ней напечатано, что онъ въ Бѣлоруссіи, Оршѣ и Могилевѣ пять лѣтъ уже держитъ церкви запечатанныя, въ Полотскѣ и Витебскѣ ни церкви, ни дома для богослуженія не даетъ и граждане для молитвъ въ воскресные дни принуждены выходить въ поле, и то безъ священника. Ибо и онаго ни въ городѣ, ни близь города имѣть не позволено.

этой жалобы, положено было только на сеймѣ 1623 г. примирить уніятовъ съ неунитами,—но исполненіе его отложено до будущаго сейма.

Не смотря однако на таковое рѣшеніе сейма, уніяты и римско-католики продолжали притѣснять православное духовенство и народъ не только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они прежде самоуправно распоряжались, но и распространили безчинство своихъ дѣйствій на другія области. Въ Кіевѣ Софійскій соборъ и другія церкви были опустошены,—Выдубицкій монастырь ограбленъ; въ Луцкѣ православные церкви были обращены въ питейные домы; въ Хелмѣ, въ Львовѣ и другихъ городахъ запрещалось открыто ходить со святыми тайнами къ больнымъ и публично погребать тѣла православныхъ; въ Вильнѣ многія церкви обращены въ шинки и гостинницы, и люди чиновные и цеховые были лишаемы начальственныхъ званій и права засѣданій въ собраніяхъ присутственныхъ мѣстъ и многіе изъ нихъ были запираемы въ подземныя темницы, а новыя православныя церкви не допускалось строить не только въ городахъ, но и на шляхетской землѣ и запрещалось дѣлать въ пользу церквей какія-либо завѣщанія, а надворные и прочіе суды безпрестанно тревожили православныхъ позывами къ отвѣтамъ и дѣлали имъ всевозможныя утѣсненія и обиды; въ Минскѣ церковная земля насильно была отдана подъ строеніе татарской мечети; въ Полотскѣ нежелавшихъ присоединиться къ уніи заключали въ оковы или выгоняли изъ города; въ Туровѣ (минской губ.) церкви съ утварями и имуществомъ всѣ отняты и епископъ православный изгнанъ; въ Минскѣ православные священники были сожигаемы въ бочкѣ и мучимы; въ Оршѣ, Могилевѣ, Мстиславлѣ и другихъ тѣхъ странъ городкахъ и мѣстечкахъ церкви были запечатываемы и даже запрещалось православнымъ отправлять

Бѣдный городъ, не привыкшій къ иной вѣрѣ, кромѣ отеческой, принужденъ для крещенія возить дѣтей своихъ слишкомъ за сто миль, а многія дѣти и безъ крещенія умирали. Одно тѣло православнаго мѣщанина, недавно погребеннаго на погостѣ, Кунцевичъ, на поруганіе мѣщанамъ, велѣлъ выкопать и бросить псамъ на съѣденіе. Въ такой жалобѣ, изданной печатно для всего народа и представленной сенату, не можно было напрасно клеветать.

свое богослуженіе въ загородныхъ шалашахъ; въ Ковнѣ также церковь разграблена и отнята церковная земля; въ Бѣльскѣ было опредѣленіе: тѣхъ православныхъ, которые не пойдутъ за крестнымъ уніятскимъ ходомъ въ костелъ, казнитъ смертью; въ Мядзелѣ городскіе старосты несоглашавшихся на унію осуждали на изгнаніе и проч.

При такихъ повсемѣстныхъ въ Бѣлоруссіи, Литвѣ и Волыни гоненіяхъ, новопоставленные епископы не могли уже посѣщать своихъ епархій иначе, какъ тайно, и укрывались болѣе по домамъ православнаго дворянства. Утѣсненный же за вѣру народъ иногда возмущался, а въ Витебскѣ 1623 г. 12 ноября умертвилъ главнаго притѣснителя своего, упомянутаго выше уніятскаго архіепископа Іосафата Кунцевича, тоже въ Кіевѣ запорожскіе казаки, около тогожъ времени, утопили въ Днѣпрѣ выдубицкаго игумена, Антонія Грековича, бывшаго въ Кіевѣ генеральнымъ намѣстникомъ и шпіономъ уніятскаго митрополита Рутскаго и схватили четырехъ уніятскихъ монаховъ, посланныхъ отъ того же митрополита въ Софійскій каѳедральный соборъ. Подобные же поступки проявлялись въ Литвѣ и Польшѣ; но виновники оныхъ были весьма строго наказываемы. Одна только Запорожская Сѣчь оставалась нѣсколько безопаснѣйшимъ убѣжищемъ для православныхъ, а наводимый страхъ удалыми казаками укрощалъ фанатизмъ уніи, и имъ то обязанъ своимъ учрежденіемъ престолъ православной Кіевской іерархіи, возстановленной вышесказаннымъ патріархомъ Ѳеоѳаномъ [1]).

Уніятскій митрополитъ Вельяминъ-Рутскій, видя невозможность совершенно подавить эту возстановленную іерархію и опасаясь участи Кунцевича, умолялъ о помощи папу Урбана VIII

---

[1]) Все это подробно описано въ книгѣ Синопсисъ, напечатанной въ Вильнѣ 1632 г. и поданной 27 сентября того же года на сеймѣ новому королю, Владиславу IV. Достойна здѣсь упоминовенія и трогательнѣйшая, жалобная на гоненіе православныхъ рѣчь волынскаго депутата Лаврентія Древинскаго, произнесенная имъ, при сенаторахъ и послахъ народа польскаго и литовскаго, королю Сигизмунду III, на сеймѣ 1620 г. Въ ней разительно описаны также безчеловѣчные поступки гонителей.

(чрезъ бывшаго при польскомъ дворѣ папскаго нунція, епископа полянскаго Іоанна Ланцелотта), который въ грамотахъ къ королю и польскимъ епископамъ и магнатамъ повелѣвалъ ловить и истреблять неунитовъ; но все было тщетно. Тогда Рутскій рѣшился попытать счастія преклонить неунитовъ въ унію посредствомъ публичныхъ преній и убѣжденія, и упросилъ короля созвать на 28 октября 1629 года, въ Львовъ, уніятскихъ и неунитскихъ епископовъ для переговоровъ, но неунитскіе епископы туда не явились, а прислали своихъ намѣстниковъ, въ числѣ которыхъ былъ Смотрицкій, представившій собору свой печатный протестъ. Изъ переговоровъ этихъ ничего рѣшительного не произошло, и каждая сторона осталась при своемъ убѣжденіи. Православные не согласились отступить отъ послушанія константинопольскому патріарху.

По кончинѣ короля Сигизмунда III, въ 1632 г. созванъ былъ для избранія новаго короля сеймъ въ Варшавѣ, на который православный кіевскій митрополитъ Исаія Копинскій (преемникъ Іова Бороцкаго, скончавшагося въ 1631 г.) послалъ отъ себя повѣреннымъ архимандрита Петра Могилу. Какъ только съѣхались на сеймъ чины, то шляхта и послы воеводствъ русскихъ объявили, что они ни къ чему не приступятъ, пока по инструкціи, отъ русскаго народа имъ данной, не истребуютъ у сейма, чтобы всѣ епископства, монастыри и церкви со всѣми имѣніями отобраны были отъ уніятовъ и возвращены неунитамъ. Къ удивленію всѣхъ уніятовъ, предложеніе это было принято, безъ затрудненій, королевичемъ Владиславомъ, сенатомъ и рыцарствомъ. Уніятскій митрополитъ Рутскій не въ силахъ былъ отклонить таковаго подрыва уніи, и, по требованію сейма, самъ подписалъ, для успокоенія неунитовъ, нѣкоторыя примирительныя статьи, кои были скрѣплены подписью Владислава и разосланы по всѣмъ воеводствамъ; но православные недовольны были незначительными уступками и требовали больше. Начались новыя шумныя пренія на сеймѣ. Рыцарство и королевичъ стояли за утѣсненныхъ неунитовъ, и посему рѣшеніе дѣла предоставлено было королевской коммисіи, которая, при безпристрастномъ разсмотрѣніи правъ обѣихъ сторонъ, постановила: 1) Кіево-Софійскій соборъ, со всѣми владѣніями, предоставить уніятскому митрополиту, а митрополиту православному отдать Золото-верхо-михайловскій монастырь съ доходомъ, равнымъ

Кіево-софійскому. 2) Епископію луцкую предоставить навсегда неунитамъ. 3) Въ Бѣлоруссіи учредить епископство оршанское для неунитовъ. 4) Епископію перемысльскую, занятую уніяткимъ епископомъ, отдать неунитамъ. 5) Монастыри гродненскій и лаврошевскій возвратить также неунитамъ. Эти условія Владиславъ подписалъ и, скрѣпивъ печатью, отосалъ для внесенія въ варшавскіе акты. Условіями этими не остались однако довольны ни одна изъ спорящихъ сторонъ. Митрополитъ Рутскій, отъ лица уніятовъ, отнесся съ жалобою къ папскому нунцію и папѣ, и этимъ оскорбилъ только короля, а неуниты имѣли надежду, послѣ избирательнаго сейма, поправить сколько-нибудь свое дѣло, и дѣйствительно, не смотря на энергичные протесты латинскаго и уніятскаго духовенства, православные получили отъ Владислава дипломъ, коимъ: 1) подтверждена свобода вѣры, совершеніе таинствъ, позволеніе починять и строить новыя церкви, заводить при церквахъ и монастыряхъ братства, богодѣльни, школы, семинаріи и типографіи, и допущеніе православныхъ ко всѣмъ общественнымъ должностямъ и чинамъ; 2) подтверждено право православному дворянству, духовенству и всему народу избирать себѣ православнаго митрополита, посвящаемаго константинопольскимъ патріархомъ, по привиллегіямъ, даннымъ отъ прежнихъ королей; 3) православному митрополиту владѣть Кіево-софійскимъ каѳедральнымъ монастыремъ, со всѣми принадлежавшими къ нему вотчинами; 4) архимандріямъ кіево-печерской и уневской, а также злато-верхо-михайловскому и другимъ монастырямъ и церквамъ кіевскимъ быть въ вѣдѣніи православнаго, кіевскаго митрополита; 5) епархію луцкую немедленно отобрать отъ уніятскаго епископа и отдать православному, а перемысльскую и львовскую отдать, по перемѣщеніи тамошняго уніятскаго епископа; для епархіи же мстиславской, оршанской и могилевской избрать и поставить православнаго епископа, и жить ему въ могилевскомъ Спасскомъ монастырѣ; 6) въ Вильнѣ Св. Троицкій монастырь оставить за уніятами, а православнымъ имѣть Свято-Духовъ и три приходскія церкви; 7) всѣ споры и распри о вѣрѣ прекратить и всѣ приговоры, сдѣланные прежними сеймами на неунитовъ, уничтожить, и всѣмъ жить въ покоѣ безъ притѣсненія другъ друга; 8) дозволить всякому отъ уніи переходить въ православіе, а отъ православія въ унію; въ Мсти-

славѣ, Оршѣ и Диснѣ назначить церкви православнымъ и запретить вообще отчуждать и отнимать, подъ какимъ бы то видомъ ни было, ихъ имѣнія. Всѣ эти постановленія, не смотря на протесты уніатовъ, утверждены сеймомъ и королемъ 1 ноября 1632 года, и только въ послѣдствіи нѣкоторыя изъ нихъ были ослаблены сеймовыми конституціями.

Въ 1633 году возгорѣлась война между Польшею и Россіею, кончившаяся въ слѣдующемъ году неслишкомъ выгоднымъ для Россіи миромъ, ибо Россія должна была уступить Польшѣ Черниговъ, Новгородъ-Сѣверскій и Смоленскъ. Во время этой войны, митрополитъ Вельяминъ-Рутскій сильно домогался отнять у Петра Могилы, сдѣлавшагося, по смерти Копинскаго, кіевскимъ митрополитомъ, его митрополію, но король, свято сохраняя прежній свой дипломъ и конституцію, изданныя въ пользу неунитовъ, не соглашался на это, и новою конституціею, 1635 г. марта 14, подтвердилъ права неунитовъ. Недовольный этою новою уступкою, сдѣланной королемъ въ ущербъ уніи, Рутскій думалъ вознаградить оную подчиненіемъ себѣ всѣхъ епархій въ областяхъ, отошедшихъ, по замиренію, отъ Россіи къ польской державѣ, въ которыхъ впрочемъ не было еще ни одного уніата. Не сомнѣваясь въ успѣхѣ этого замысла, Рутскій назначилъ во всѣ тамошніе православные монастыри своихъ настоятелей, а о приходскихъ церквахъ сдѣлалъ свои распоряженія на виленской конгрегаціи, бывшей 1636 г. въ главномъ Троицкомъ капитулѣ, но не успѣлъ ихъ привести въ исполненіе, потому что вскорѣ заболѣлъ и умеръ въ 1637 г. Рутскій оставилъ по себѣ преемникомъ Рафаила Корсака, котораго еще при жизни назначилъ себѣ въ коадъютора—епископа.

Митрополитъ Іосифъ Рутскій жилъ въ самую опасную эпоху существованія уніи. Король и нѣкоторые приближенные къ нему вельможы ясно видѣли, что съ утѣсненіемъ за вѣру русскаго народа, превосходившаго числительностію въ десятъ разъ природныхъ поляковъ, послѣдуетъ не минуемая погибель польскаго государства, и потому дѣлали всевозможныя уступки православнымъ, въ ущербъ уніи, и только неусыпныя старанія Рутскаго и его энергическая дѣятельность могли отстоять унію. Ревность Рутскаго къ дѣламъ уніи была неоднажды засвидѣтельствована самимъ папою Урбаномъ VIII, который въ письмѣ къ королю Сигизмунду называлъ Рутскаго *атласомъ*

единенія, столпомъ церкви, мужемъ апостольскимъ и русскимъ Аѳанасіемъ.

(Источниками и пособіями къ составленію этой статьи служили: Архивъ полотской духовной консисторіи; Акты, относ. къ исторіи зап. Россіи т. IV; акты гг. Вильна, Трокъ, Ковна и др.; Акты гг. Минска, Пинска и друг.; Исторія уніи Бантышъ-Каменскаго; описаніе Кіево Софійскаго собора; Stebelski Chron. T. 2 roz. 2.; Dzieje i prawa kosciołа Polskiego p. Ostrowskiego T. III., и другіе).

К. Говорскій.

III.

НОВЫЙ ВЗГЛЯДЪ НА ХОХЛОМАНІЮ.

(Физіологическій опытъ).

Недавно у насъ, въ Россіи, свирѣпствовала извѣстная эпидемическая болѣзнь, называемая «холерою.» Но эта болѣзнь, слава Богу, прошла; за то, къ сожалѣнію, теперь между людьми у насъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, свирѣпствуетъ другая, особенная эпидемія, называемая *хохломаніей*,—хуже всякой *язвы*. Низшіе классы южнорусскаго народа, слава Богу, свободны отъ этого повѣтрія; но между такъ-называемымъ *просвѣщеннымъ*, особенно молодымъ людомъ, оно безпрестанно похищаетъ новыя жертвы.—Вотъ, кажется, человѣкъ совсѣмъ и здоровъ, и уменъ, и образованъ, и счастливъ,—вдругъ, ни съ того ни съ сего, онъ начинаетъ заговариваться, дѣлается недоволенъ существующимъ порядкомъ вещей, клевещетъ на все, достойное любви и почтенія, на все коренное русское, бранитъ всѣхъ и все: и исторію прошедшаго, и явленія современнаго, и пускается въ изобрѣтеніе новыхъ порядковъ и своеобразной жизни, новой логики, новаго языка, даже нелѣпаго костюма, лишь бы только отрѣшиться отъ всѣхъ основаній, условій и преданій своего быта, не быть похожимъ на другихъ людей. Ни званіе профессора, ни уроки опытности, преподанныя жизнью, ни всеобщій ропотъ, ни сожалѣніе, ни совѣтъ и обличеніе всѣхъ благоразумныхъ людей,—ничто не спасаетъ отъ этой болѣзни тѣхъ несчастныхъ, которые, отъ неправильнаго воспитанія и отъ неупотребленія надъ ними, въ

свое время, исправительныхъ мѣръ, получили предрасположенность къ этой эпидеміи.

Начинается эта странная болѣзнь у южнорусскихъ недорослей (иногда и у людей даже почтеннаго возраста) съ того, что для нихъ—для коренныхъ русскихъ—вдругъ дѣлается противнымъ русскій языкъ, потомъ и русская *жизнь*. Очевидно, что такое *самоозлобленіе*, равно какъ и современное *самовоспитаніе и самоуправленіе* юношескаго возраста, имѣетъ одну общую цѣль и одинъ конецъ—нравственное (а нерѣдко и физическое) *самоубійство*, пропагандируемое современнымъ невѣріемъ и нечестіемъ. Несчастные, пораженные такимъ *самоозлобленіемъ*, съ болѣзненными судоргами своего ума начинают сочинять *новый языкъ*,—только не приберутъ толку, какъ назвать этотъ языкъ: малороссійскимъ, или руськимъ, или украинскимъ, или южнорусскимъ, или русинскимъ. Этого, сочиняемаго ими языка вовсе нѣтъ на свѣтѣ, [1])—онъ существуетъ только въ больномъ ихъ воображеніи; но эти больные, не шутя, твердятъ всѣмъ и каждому, даже иногда (къ сожалѣнію) въ печати, что южнорусскій народъ *требуетъ* особеннаго южнорусскаго языка, на которомъ бы дѣти его учились въ школахъ и чтобы на немъ было напечатано Евангеліе, которое до сихъ поръ, болѣе 800 лѣтъ, народъ читалъ и понималъ по-славянски, а вотъ уже болѣе 40 лѣтъ понимаетъ и въ переводѣ на чистый, общерусскій языкъ. Но если бы спросить южнорусскій народъ подъ присягою, согласенъ ли онъ на этотъ расколъ. то онъ готовъ подтвердить, что вовсе не требуетъ этого и вовсе не уполномочивалъ никого хлопотать о сочиненіи для него особеннаго южнорусскаго языка. Судите же послѣ этого до какой степени эпидемія, извѣстная подъ именемъ хохломаніи, поражаетъ умственныя и нравственныя способности, ежели самоозлобленные и самозванные опекуны южнорусскаго народа потеряли уже всякое различіе между правдою и ложью, честью и подлогомъ и такъ серьозно вредятъ и увлекаются, что даже убѣждены, будто они говорятъ правду.

---

[1]) Они думаютъ, что это языкъ, которымъ говоритъ здѣсь простолюдье; но я самъ, коренной малороссъ, живу среди народа и говорю по совѣсти, языкъ хохломановъ вовсе не похожъ на говоръ народа.

Русская *жизнь* такъ же не нравится этимъ больнымъ. Мечтая о сочиненіи, въ будущемъ, новой украинской, напримѣръ, или, пожалуй, новой и обще-русской, но сшитой по украински, жизни, они для этого мечтательнаго будущаго, углаживаютъ путь пристрастнымъ, слишкомъ-симпатичнымъ, и почти всегда ложнымъ, изображеніемъ прошлости (не тѣмъ будь она помянута!), представляя, напримѣръ, «*Хмельнищину*» [1]), какъ доказательство того, что Малороссія никогда уже не наслаждалась такимъ благополучіемъ и счастіемъ, какимъ наслаждалась подъ властью бывшей польской Рѣчи Посполитой, и что не такъ бы слѣдовало Хмельницкому устроить малороссійскій край, какъ онъ устроилъ, да тогда никто о томъ не догадался. Или, рисуя «*Сѣвернорусскія народоправства*» [2]) (т. е. республики), они открыто сожалѣютъ, что «*Московщина*» всѣ эти республики покорила своему самовластію. Бездна начитанности, довольно эрудиціи, нѣмецкая усидчивость за источниками и цитатами, удивительное мастерство маскировать свою мономанію индиферентизмомъ учености,—все это пущено въ ходъ для того, чтобы существующій порядокъ вещей облить мертвящимъ ядомъ самоозлобленія...... Такимъ образомъ, и *слово* и *дѣло*, и русскій языкъ, и русская жизнь, равно служатъ предметомъ ненависти для нашихъ хлопциvъ.

Эта мономанія такъ отвратительна, что не смотря на нашу *прославленную, русскую толеранцію* и на нашъ удивительный и разнообразный индеферентизмъ, проповѣдники новаго языка и новаго порядка вещей совершенно опротивѣли всей читающей Россіи и, мало-по малу, лишились всѣхъ своихъ слушателей и читателей. Дошедши до такого изолированнаго состоянія, они перенесли теперь свою дѣятельность въ Галицію и во Львовѣ основали свой органъ: «МЕТУ,» которая прямо объявила свою цѣль: возбудить въ Малороссіи стремленіе къ совершенному отчужденію отъ «*Московщины*,» и безстыдно клевещетъ на университетъ св. Владиміра, называя его «*огнищемъ*» своей пропаганды [3]).

---

[1]) Извѣстная книга. [2]) Другая извѣстная книга.

[3]) Безъ сомнѣнія, университетъ докажетъ, что „Мета“ клевещетъ на него.—Впрочемъ, по словамъ львовскаго корреспондента нашего, „Мету“ таки дограла Вѣстникъ юго запад. Россіи—она прекратилась на IV книжкѣ. Ред.

Чтожъ это-за странная болѣзнь? Отъ чего она произошла? Что это-за люди, одержимые этою мономаніею?

Эта болѣзнь (*хохломанія*) происходитъ отъ неразумной любви *къ родинѣ*, не умѣющей возвыситься до просвѣщенной и духовной любви къ *отечеству*, и отъ неблагоустроеннаго или разстроеннаго воображенія, которое à la Маниловъ бредитъ, напримѣръ, тѣмъ, какъ бы это хорошо было, если бы построить *желѣзную дорогу отъ хутора Ивана Ивановича до хутора Ивана Никифоровича*, чтобъ эти два предостойнѣйшіе мужа могли безпрепятственно ѣздить одинъ къ другому на чарку водки. Кому изъ насъ не мила своя родина, съ драгоцѣнными воспоминаніями дѣтства? Мы всѣ любимъ тотъ домъ, гдѣ мы родились и провели первые годы жизни, тотъ садъ и лугъ, гдѣ мы бѣгали дѣтьми, и этотъ знакомый намъ прудъ съ плотиной и мельницей, и эту *синюю даль*, которая виднѣется изъ оконъ отцовскаго дома.... У кого нѣтъ подобныхъ воспоминаній?.... Но -- согласитесь—что было бы чрезвычайно смѣшно (что бы не сказать хуже), если бы каждый изъ насъ, изъ любви къ своей родинѣ, старался свое родное село—какую-нибудь Маниловку, или Матроновку—сдѣлать по крайней мѣрѣ губернскимъ городомъ, если не столицей, если бы всякій хотѣлъ, чтобы всѣ такъ жили *теперь*, такъ строились, такъ рядились, говорили, какъ жили, строились, рядились, говорили маниловцы лѣтъ двѣсти назадъ, и если бы каждый изъ насъ для *воображаемыхъ* выгодъ своей родины жертвовалъ *дѣйствительными* выгодами своего отечества. Но наши больные, какъ будто забыли, что у нихъ есть прекрасное *отечество*—Россія, и всю свою любовь исключительно обратили на ея клочекъ—Малороссію,—тотъ же хуторъ Матроновка или Маниловка въ отношеніи къ единой, обширной и славной Всероссійской державы. Они влюбились въ свою родину совершенно по-маниловски и затѣваютъ вотъ что: «когда *москали* говорятъ—*ходить, гулять, спасибо, доброй день! здравствуй*, и т. п., будемъ мы, братцы, говорить такъ: «*ходити, гуляти, спасиби, добры день, здоровъ-бувъ, що новаго*,» да съ этими словами перемѣшаемъ множество польскихъ словъ, непонятныхъ для *москаля*, накрадемъ еще больше изъ разныхъ другихъ языковъ, да еще выдумаемъ для этого языка и новую ортографію, *не похожую ни на что*,—

пускай тогда *москали* попробують понять насъ! Куда имъ! По неволѣ согласятся *москалики,* что мы, «*южнорусскій народъ,*» имѣемъ свой собственный, особенный языкъ, отличный отъ *московскаго*....» Вотъ какъ наши хохлики размышляють!

При этомъ невольно приходятъ на память двѣ лингвистическія продѣлки, которыхъ свидѣтелями мы были когда-то: 1). Малороссійскіе школяры, обучавшіеся въ старинныхъ дьячковскихъ школахъ, сочиняли когда-то свой особенный школярскій языкъ, и этимъ языкомъ задавали *шикъ* предъ своими сверстниками—крестьянскими мальчиками, не учившимися въ школѣ. Этотъ школярскій *языкъ* состоялъ въ томъ, что школяры каждое почти слово русское оканчивали латинскимъ—us, или за каждымъ обыкновеннымъ русскимъ словомъ прибавляли, одно за другимъ, два безсмысленныя слова—«*канава, банава*»—на примѣръ, въ родѣ слѣдующаго: «*мы сегодня канава бѣгали банава по лугу канава и два банава раза купались канава въ рѣчкѣ банава*....» Подобныя фразы, произнесенныя быстро, скороговоркою, ставили въ тупикъ простодушныхъ слушателей—сельскихъ ребятъ, и они въ простотѣ своей думали: вотъ-то мудрость въ школѣ! тамъ и говорятъ не по-нашему.—Другой случай: *афени,* т. е. разнощики, или ходебщики—торговцы, которые ходятъ по селамъ съ большими коробами разныхъ товаровъ, имѣютъ также свой особенный языкъ *афенскій,* или *офенскій,* на которомъ они говорятъ между собою для того, чтобъ никто изъ присутствующихъ не могъ проникнуть въ надувательство ихъ торговли.

»*А поко тай кинулъ простирки?*»

— *По кажну рѣзню и два раза кониковъ.*—Это значитъ: почемъ продалъ ты платки? По одному рублю и двадцать копѣекъ.

Есть еще третій, *сочиненный* языкъ, *воровской,* на которомъ объясняются между собой мошенники, чтобъ никто не понялъ ихъ.

Ну, вотъ же поздравимъ другъ друга еще съ *четвертымъ,* новосочиненнымъ языкомъ! Бѣда только, что мы не знаемъ какъ приличнѣе назвать бы этотъ новый языкъ.—малороссійскимъ, руськимъ, южнорусскимъ, украинскимъ или русинскимъ?! Пословица говоритъ, что у кого было много нянекъ, тотъ вы-

росъ непремѣнно уродомъ. Неудивительно, ежели и новосочиненный хохломанами языкъ поступитъ въ литературную кунсткамеру въ число монстровъ, потому что сами сочинители этого монстра не приберутъ ему приличнаго имени. Великіе *лингвисты* и *патріоты* изъ школы несчастнаго Шевченки (котораго хоть они называютъ своимъ «батькомъ», но они же сами *нравственно развратили и погубили его*) неутомимо трудятся надъ сочиненіемъ новаго украинскаго языка и новаго южнорусскаго отечества и уже насчитываютъ у себя 15 милліоновъ какихъ-то новыхъ соотечественниковъ—гражданъ воображаемой, или задуманной ими новой державы. Маниловская любовь къ своей родинѣ увлекла ихъ за предѣлы здраваго разсудка. Нельзя не пожалѣть о такой маноманіи несчастныхъ; но недостатокъ христіански—нравственныхъ началъ и честныхъ тенденцій ихъ достойны еще большаго сожалѣнія, чѣмъ разстройство ихъ воображенія. Никогда не видано и не слыхано, чтобы между политическими прожектёрами и революціонерами всѣхъ возможныхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ былъ когда-либо, въ какой либо странѣ, хоть одинъ благочестивый христіанинъ, честный человѣкъ. Сперва, обыкновенно, забываютъ Бога и Его заповѣди, распаляютъ разныя страсти, а потомъ уже затѣваютъ разрушеніе благословеннаго Богомъ порядка вещей, выдумываютъ *свои* порядки, строятъ *свои утопіи.* При кажущемся ихъ призрачномъ просвѣщеніи, они просто—безумцы,—и долгъ человѣколюбія требуетъ смотрѣть на нихъ какъ на *больныхъ*, хоть очень вредныхъ, но всё же *больныхъ*. Воображеніе съ малолѣтства разстроено, страха Божія въ сердцѣ нѣтъ,—а естественную жажду дѣятельности надобно же чѣмъ-нибудь утолить,— вотъ и каются *сочинять новый языкъ, новое отечество!!*

Семнадцать лѣтъ назадъ, первые припадки этой странной хохломанской болѣзни обнаружились въ Кіевѣ. Но тогда со всѣми этими больными обращались не такъ деликатно, какъ теперь: тотчасъ отдѣлили ихъ отъ здоровыхъ и размѣстили по мѣстамъ полезнымъ для ихъ здоровья. Носился тогда слухъ, будто къ нимъ были примѣняемы кое-какія медицинскія средства, но послѣдствія показали, что или мало было употреблено ихъ, или онѣ оказались недѣйствительными. Восемь лѣтъ, проведенныхъ больными въ удаленіи отъ предметовъ ихъ маніи, не излѣчили ихъ окончательно. Какъ только и ихъ по-преж-

нему пустили на волю, они, напротивъ, еще съ большею прежней силою, начали во кругъ распространять ядъ своего самоозлобленія и свои мечты объ обособленіи южнорусскаго края. Пускай бы еще сами только сумбурили, но въ томъ-то и состоитъ вся сущность этой маніи, что одержимые ею непремѣнно усиливаются привить ее и другимъ. Когда, такимъ образомъ, зараза довольно уже была распространена, тогда хохломаны раздѣлились на нѣсколько *громадъ*. Главная *громада основала свое пребываніе* (кто этому повѣритъ изъ благоразумныхъ потомковъ?....) *въ Петербургѣ*, а другая, также великая по своей численности громада, образовалась въ Кіевѣ; о другихъ, меньшихъ громадахъ, на прим. черниговской, полтавской, харьковской и т. п., не стоитъ говорить, по причинѣ безсилія ихъ маніи. Вся сила хохломаніи сосредоточилась на двухъ пунктахъ имперіи—въ столицѣ русской администраціи, и въ столицѣ русскаго православія: вѣдь согласитесь, въ этомъ размѣщеніи лагерей есть своего рода система, есть нѣкоторая степень смышлености.

Петербургская *громада* мастерски повела свое дѣло: докторальнымъ тономъ, со всѣми претензіями профессорской эрудиціи, начала доказывать, что сочиненіе особаго южнорусскаго языка для Малороссіи есть единственное, самое сильное средство *спасти южнорусскій край отъ заразы полонизма*. Какъ хотите, а вѣдь умѣли наши «*хлопцы*» задѣть патріотизмъ русскій и привлечь его на свою сторону! У нихъ явились покровители, подъ эгидою которыхъ хохломаны устроивали въ Петербургѣ и литературные вечера, и публичныя лекціи, и концерты, и сборъ денегъ по всей Россіи для изданія книжекъ на южнорусскомъ нарѣчіи для *особеннаго* просвѣщенія малороссіянъ. Даже убѣдили кое-кого, что и Евангеліе нужно напечатать на томъ жаргонѣ, котораго стыдится даже малорусское простолюдье, почитая его выродкомъ униатско-польскаго, беззаконнаго соединенія польщизны съ руссизмомъ. А на переводѣ Священнаго Писанія на *украинскій языкъ*, какъ на краеугольномъ камнѣ, они хотѣли основать совершенное отдѣленіе *Украйны*—сперва лингвистическое, а потомъ и всякое другое. Особность вѣдь языка есть не только задатокъ, но едвали не цѣлая половина особности народа.

Кіевская громада дѣйствовала откровеннѣе и не такъ ди-

пломатично, какъ петербургская. Здѣсь въ число хохломановъ поступили многіе *завзятые* поляки; нѣкоторые изъ нихъ, по внушенію своего катихизиса, даже отреклись на время отъ католицизма и начали называться «православными,»—переодѣлись въ малороссійскія свитки, братаются и кумаются, пьютъ по шинкамъ горѣлку съ нашими простолюдинами, какъ могутъ коверкаютъ языкъ, желая поддѣлаться подъ мѣстный жаргонъ, и начали *сочинять* книжки на этомъ жаргонѣ, для *просвѣщенія простонародья*. Болѣе 30 такихъ *просвѣтительныхъ* книжекъ, *сочиненныхъ хохломанами* разныхъ національностей, на «украинскомъ» нарѣчіи было представлено въ кіевскій цензурный комитетъ, но, слава Богу, онѣ не одобрены комитетомъ къ печати! Кіевскіе хохломаны не маскировались, подобно петербургскимъ, но прямо открывали свою цѣль: *при помощи и содѣйствіи украинско-малороссійскаго православнаго простонародья воздвигнуть прежнюю Польшу*. А знаменитая «МЕТА» не обинуясь предлагаетъ (см. № III) устроить двѣ федеративныя республики—*польскую и украинскую*!?!?!!

Вотъ какихъ размѣровъ достигла эта насчастная манія! Думая дѣйствовать самостоятельно и *будто противъ поляковъ*, больные трудятся совокупно и единодушно съ ними, въ ихъ пользу, обманывая себя миражами какого-то задуманнаго ими, особеннаго южнорусскаго отечества, тогда какъ они безсознательно влекутся на бичевкѣ инструкціи Мѣрославскаго.

Очевидно, что хохломанамъ *не съ чего сходить*: они просто *дурачатся*, во зло употребляя великодушное терпѣніе своего отечества, Россіи. Но такъ какъ по всѣмъ наблюденіямъ оказывается, что хохломанія болѣе относится къ нравственнымъ болѣзнямъ нежели къ радикальному разстройству мозга, и происходитъ именно отъ недостатка или отъ шаткости христіански-нравственныхъ принциповъ въ душахъ хохломановъ, то всего спасительнѣе для этихъ *больныхъ* было-бы, кажется, *церковное покаяніе*. Разослать бы ихъ всѣхъ то въ Соловки, то на Валаамъ, то на Бѣлоозеро, подъ надзоръ и руководство опытныхъ въ смиреніи и благочестіи богомудрыхъ старцевъ: пускай бы года два-три потрудились въ монастырскомъ *послушаніи*, да почаще присутствовали при богослуженіи. Будучи окружены уединеніемъ, молитвами и трудами, они, безъ со-

мнѣнія, скоро образумились бы и, можетъ быть, изъ нихъ со временемъ вышли бы весьма порядочные общественные дѣятели, вѣрные православной церкви и православному всероссійскому отечеству.—Просите Бога, любезные хохломаны, чтобъ это случилось съ вами.

Въ продолженіи всей этой краткой статьи мы ни одного нашего хохломана не назвали по имени, чтобы не навлечь на себя подозрѣнія въ желаніи оскорбить чью-либо личность. Но львовскій журналъ «*Мета*» наконецъ заставляетъ насъ нарушить это чужое *инкогнито*. Кто имѣлъ терпѣніе и горесть читать «*Мету*,» тотъ знаетъ, что этотъ революціонный журналъ, отъ первой своей страницы до послѣдней дышетъ жалкою злобой противъ Россіи, или (по выраженію Меты) противъ *Москвы*, противъ *московщины*, противъ *московской игемоніи*, противъ *царизма*. За что Мета не любитъ Москву, это ея тайна, которую, безъ сомнѣнія, знаютъ только польскіе ксендзы на исповѣди, безбожно злоупотребляемой и исповѣдниками, и принимающими исповѣдь. А какъ польско-ксендзовская ненависть къ Россіи всегда неразлучна со лжею (отецъ же лжи—діаволъ), то «Мета» вотъ какъ діавольски лжетъ теперь на Россію. Она говоритъ, будто Малороссія теперь терпитъ жесточайшія гоненія и притѣсненія отъ русскаго правительства; вотъ ея слова (*Мета, № 3, за Листопадъ* 1863 *года. Письмо до Громады*, стран. 237): «неужели вы, галичане, «не слышите рыдающаго гласа нашихъ малороссійскихъ братьевъ? Москаль немилосердно катуетъ ихъ; славная Украйна отъ «москаля пропадаетъ!» Стран. 239: «послушайте родные братья—«галичане, нашей нужды; узнайте, сколько терпитъ Украйна «отъ москаля, какъ ея бѣдныя дѣти катуются, какъ ея орлы—«сыны изъ родины высылаются въ далекую Сибирь; лютый «москаль не позволяетъ теперь Украйнѣ ни говорить роднымъ «языкомъ, ни запѣть родную пѣсню.» Стран. 255: «мы не «хотимъ—клянусь Богомъ, что говорю святую правду—поли«тическаго единства съ Москвой,—будемъ-те лучше подъ ка«кимъ-нибудь другимъ правительствомъ....» «Ожидайте, ожи«дайте, пока васъ будутъ катовать, мучить и высылать въ «Сибирь за родное слово.» Стран. 259: «хотя теперь москаль

«страшно придушилъ малороссіянъ, но еще не убилъ генія «Украйны.» Стран. 262: «какъ обманула Москва Украйну и «какъ систематически затерла наименьшій слѣдъ малороссій- «скаго народа и малороссійскаго духа,—это уже сдѣлалось до- «стояніемъ исторіи.» Страница 263: «надобно намъ (галича- «намъ) возстать противъ несправедливости, какую терпятъ наши братья! Ну-те приготовимъ адресъ [1]) къ милостивому австрій- «скому правительству, чтобъ оно спросило Москву, за какую «провинность она такъ страшно мучитъ Украйну, чтобъ спро- «сило, во имя святости, уже не народныхъ правъ, но человѣ- «ческихъ....»

Видите теперь, почтеннѣйшіе читатели, что это-за «*Мета*?» За что жъ она такъ нагло лжетъ на Россію?... За то, что Россія мѣшаетъ ей образовать (*стран. 213*) «*двѣ самосто- ятельныя, федеративныя республики, козацко-украин- скую и польскую.*» Вѣдь надобно же случиться такому горю: «Мета» сама *приглашаетъ (стран. 223) Польшу къ фе- дераціи съ Малороссіей, подъ условіемъ самостайности той и другой державы*; а тутъ какъ нарочно *Москва*, взявши въ руки исторію, стала поперегъ дороги, и не позво- ляетъ осуществиться мечтаніямъ Меты! Недобрая Москва! Злая исторія! Опять повторяемъ вопросъ: видите ли, что это-за «*Мета*?»

Эта же революціонная «*Мета*» въ каждомъ своемъ ну- мерѣ, съ благоговѣйною благодарностью, отзывается о двухъ нашихъ соотечественникахъ, о г. *Костомаровѣ* и о г. *Ку- лишѣ*, называя ихъ *своими народолюбцами, своими исто- риками и своими апостолами*. Она даже приглашаетъ г. Костомарова (№ *3 стран.* 265) занять въ львовскомъ уни- верситетѣ новозадуманную въ больномъ воображеніи, *особую каѳедру украинской исторіи*. А о «*славномъ Кулишѣ*» объявляетъ (*стран. 251*), что онъ находится съ Метою въ перепискѣ, и что во всякомъ своемъ письмѣ увѣряетъ, «*що все, що діетця въ Галичинѣ, рівно его обходитъ, якъ те, що на Украйнѣ.*» Дорожа честью гг. Костомарова и Кулиша, какъ вообще честью всякаго нашего соотечественника— вѣрноподданнаго русскаго, мы думаемъ, что едва ли «*Мета*»

---

[1]) Этого безумія только и не достаетъ!

не лжетъ, говоря о солидарности этихъ двухъ нашихъ земляковъ съ ея сепаративными тенденціями. Но для полнаго уличенія «*Меты*» въ безстыдной лжи, мы (говорю за всѣхъ нашихъ земляковъ честныхъ и умныхъ) покорнѣйше просимъ гг. Костомарова и Кулиша, что бы они сами гласно и печатно заявили и въ львовской прессѣ, и въ одномъ изъ русскихъ журналовъ или газетѣ (на прим. въ Юго-западн. Вѣстникѣ), что они, какъ прямые и честные русскіе люди, не имѣютъ никакой солидарности съ революціонною «*Метою*»,—молчать имъ теперь не годится.

Землякъ.

IV.

—

ЮГО-ЗАПАДНЫЙ ПОЛЬСКІЙ МИРАЖЪ.

ПОВѢСТЬ.

(Окончаніе.)

ГЛАВА XI.

Пятаго мая, согласно съ распоряженіемъ начальства, часа за три до разсвѣта, нестройными рядами, но за то съ отвагой въ душѣ, шли будущіе покорители Москвы, изъ Ляховки въ Москалевку, чтобы совершить первый подвигъ, который будетъ началомъ дальнѣйшихъ незабвенныхъ въ исторіи дѣйствій. Всегда осторожный панъ Кривицкій, желая напасть на москалей въ расплохъ, приказалъ отряду соблюдать во время похода величайшую осторожность и тишину. Понимавшее важность субординаціи воинство, въ точности исполняло это приказаніе. Такимъ образомъ, въ тишинѣ и мракѣ, наши герои достигли москалевской корчмы, бывшей отъ мѣстечка не болѣе какъ въ трехъ верстахъ. При взглядѣ на корчму, вояки начали отплевываться, и умильно поглядывать на пана полковника; искушеніе было сверхъ силъ человѣческихъ, панъ полковникъ приказалъ сдѣлать привалъ и дать воинамъ, по чаркѣ водки, подъ тѣмъ предлогомъ, чтобъ они могли подкрѣпить утомленныя безсонной ночью, физическія силы. Въ поддержкѣ духа разумѣется никто не нуждался, — духъ и такъ былъ несокрушимъ. Панъ полковникъ, въ присутствіи коммиссара, созвалъ военный совѣтъ, состоявшій изъ подполковниковъ, и началъ въ полголоса совѣщаться съ ними касательно плана аттаки. Опасаясь, чтобъ

остатки разбитыхъ москалей не скрились въ бывшемъ позади мѣстечка Москалевки лѣсу, панъ полковникъ предложилъ отправить въ лѣсъ часть отряда, чрезъ бывшую въ верстѣ ниже извѣстнаго намъ моста плотину и такимъ образомъ отрѣзать путь къ отступленію и сокрытію въ лѣсу недобранныхъ въ плѣнъ москалей и недобитыхъ козаковъ. Подполковники одобрили этотъ планъ, но панъ Волинскій съ ними не согласился, сказавъ, что во время аттаки не слѣдуетъ раздроблять военныхъ силъ. Это самоволіе цирюльника, вопреки главному условію военныхъ совѣтовъ всѣхъ европейскихъ націй, взяло верхъ надъ рѣшеніемъ военнаго совѣта.

Но тутъ случилось малебькое приключеніе. Читатели безъ всякаго сомнѣнія знаютъ о томъ, что когда духъ бываетъ напряженъ до высшей степени, какъ онъ былъ напряженъ у нашихъ вояковъ, то какъ ни удерживайте его порывы, а онъ вырвется на-наружу какъ паръ изъ клапана паровой машины. Пусть же читатели не удивятся и не попеняютъ на храбрыхъ польскихъ воиновъ, когда я скажу, что военный совѣтъ, *досудцовъ* прерванъ было сперва одинокимъ, громкимъ возгласомъ, а потомъ потрясающимъ воздухъ воплемъ всего отряда: смерть, смерть собакамъ—москалямъ!

Неожиданный взрывъ геройскихъ чувствъ, произошелъ отъ слѣдующей причины: сидѣвшій на пойманной ночью въ полѣ, подаренной отцемъ покойному пану Адольфу, муцыкѣ пана капитана, Карлъ Дубовскій, вспомнивъ о смерти брата—героя и выпивъ третью чарку водки и горько жалуясь товарищамъ на варварство козаковъ, въ порывѣ негодованія первый воскликнулъ смерть москалямъ? Переполненныя ненавистью и дешовкой сердца воиновъ, мгновенно воспламенились; одной искры было достаточно, чтобы послѣдовалъ всеобщій взрывъ негодованія, выразившійся кликомъ: смерть москалямъ—собакамъ! Какъ ни старались панъ полковникъ и паны подполковники, воздержать благородный порывъ своихъ подчиненныхъ; но еще не скоро утихли, неистовые вопли: смерть презрѣннымъ собакамъ, смерть москалямъ!

Когда героизмъ вояковъ улегся нѣсколько, отрядъ, не медля ни минуты, двинулся впередъ. Прошли съ версту какъ одинъ неожиданный случай, еще болѣе возбудилъ бодрость арміи и увѣренность въ побѣдѣ. Въ двухъ верстахъ отъ Мо-

скалевки большая почтовая дорога проходила на проѣзъ отъ ляховской. Когда отрядъ приблизился къ тракту, то ѣхавши впереди его панъ Волинскій и панъ Кривицкій, увидѣли что влѣво отъ нихъ, на большой дорогѣ, двигалась и приближалась къ нимъ какая-то черная масса. Не было никакого сомнѣнія, что это москали, но ихъ было немного, на видъ неболѣе пятидесяти человѣкъ. Кривицкій распорядился, не медля ни минуты, окружить ихъ. Москали были пѣшіе, а потому приказаніе пана полковника быстро было исполнено. Панъ Волинскій, для наведенія паническаго страха на непріятеля, скомандовалъ сдѣлать по немъ залпъ, а потомъ приказать сдаться. Встрѣченные непріятели оказались этапной командой, препровождавшей, по нераспорядительности своего начальства, на ближайшую станцію арестантовъ.

— Сдавайтесь, закрычали въ одинъ голосъ сотни людей!

Инвалидныхъ солдатъ было неболѣе десяти человѣкъ; сдѣланные по нимъ выстрѣлы ранили одного изъ нихъ, и убили ни въ чемъ неповинную бабу, слѣдовавшую за мужемъ, и почтенные старики, видя себя окруженными со всѣхъ сторонъ полчищемъ конныхъ повстанцовъ, остановились.

— Аль сдаться, шепнулъ одинъ изъ нихъ сосѣду унтеръ-офицеру?

— Начальствомъ не приказано, громко отвѣтилъ тотъ.

Но поляки, разумѣется, не слушались инвалиднаго начальства и, бросившись на стариковъ, въ одну минуту обезоружили ихъ.

Панъ Кривицкій, въ упоеніи отъ своей побѣды, а еще болѣе отъ вѣщаго благопріятнаго предзнаменованія, принялся, утѣшать инвалидовъ, и увѣрять ихъ, что они поступили весьма благоразумно, сдавшись военно-плѣнными непобѣдимому польскому воинству. Онъ увѣрялъ ихъ, что, по собраннымъ имъ паномъ полковникомъ самымъ достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, и прочіе русскіе солдаты, которые поумнѣе, не намѣрены болѣе служить подъ варварскими знаменами Москвы и будутъ переходить къ полякамъ, и тѣмъ усиливать ряды своихъ благородныхъ друзей и доброжелателей. Въ заключеніе своей рѣчи панъ Кривицкій изъ собственныхъ рукъ своихъ раздалъ инвалидамъ по рублю. Цѣпи на арестантахъ сей часъ же были разбиты, ихъ пустили на волю, предложивъ сначала охотникамъ—поступить въ польскую службу, только шестеро изъ

колодниковъ примкнули къ честному воинству; остальные скрылись въ извѣстномъ намъ лѣсу, чтобы дополнить свою біографію новыми подвигами.

Какъ ни многознаменательна была эта побѣда, но она имѣла свою черную сторону; побѣдители провозились съ инвалидами около часу и прибыли къ москалевскому мосту уже съ восходомъ солнца [1]).

Еще не доходя до плотины, панъ Кривицкій увидѣлъ, что москали стояли на горѣ въ боевомъ порядкѣ, а козаки, отдѣлившись отъ нихъ, какъ будто обратились въ бѣгство.

— Ахъ, Боже мой! воскликнулъ панъ Кривицкій. Козаки удираютъ, что есть силы, лишь только завидѣли нашъ передовой отрядъ! Панъ Волинскій, ради Бога, позвольте отдѣлить часть войска и перебить этихъ трусовъ!

Но панъ Волинскій остался непреклоннымъ, повторивъ, что предъ битвою силъ раздроблять не слѣдуетъ.

— Постойте, варвары, догонимъ мы васъ другой разъ, закричалъ козакамъ панъ Кривицкій, грозя имъ въ припадкѣ негодованія за версту пальцемъ.

Между тѣмъ русская пѣхота стояла по своимъ мѣстамъ, словно вылитая изъ бронзы; такъ она была неподвижна и какъ будто спокойна. Въ отрядѣ было, какъ и извѣстили пана полковника, не болѣе двухъ сотъ человѣкъ; а потому онъ не мало удивился тупоумной дерзости или неосторожности враговъ, осмѣлившихся наткнуться на такія огромныя и мужественныя силы польскихъ героевъ.

— Что-бы это могло значить, думалъ панъ полковникъ! А, видно хотятъ послѣдовать примѣру инвалидовъ, рѣшилъ онъ въ умѣ своемъ, и напередъ уже улыбался при мысли о другой въ одно и тоже утро побѣдѣ.

Панъ Волинскій былъ не въ духѣ; онъ былъ пасмуренъ, какъ громовая туча, или какъ шляхтичъ на похмѣлье, а все-таки распорядился слѣдующимъ, весьма храбрымъ образомъ: русиновъ оставить въ резервѣ—за мостомъ, а панъ Кривицкій и онъ самъ перейдутъ со всей шляхтой мостъ; потомъ панъ

---

[1]) Читатель не долженъ здѣсь смѣшивать той стычки, котор я дѣйствительно произошла у Москалевки между нашими войсками и инсургентами.

полковникъ съ одной половиной героевъ ударитъ на москалей, а самъ панъ Волинскій, съ другой, останется возлѣ моста, и помѣрѣ надобности будетъ посылать пану Кривицкому суккурсъ. Планъ этотъ, по мнѣнію пана коммиссара, имѣлъ ту несомнѣнную выгоду, что онъ самъ, какъ главный начальникъ, будучи внѣ опасности, т. е, внѣ выстрѣловъ, будетъ имѣть возможность хладнокровно слѣдить за шансами битвы и безошибочно распоряжаться истребленіемъ москалей. Панъ коммиссаръ думалъ: меня не достанутъ здѣсь московскія пули. Если выстрѣлы наши (панъ Волинскій находилъ, что повстанцы лучше вооружены чѣмъ москали) не бьютъ дальше трехъ сотъ шаговъ; то куда имъ этимъ дикарямъ достать меня здѣсь съ ихъ жалкимъ тульскимъ издѣліемъ!

Что бы не напугать пѣхоты, и не допустить ее послѣдовать примѣру козаковъ, поляки, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла, скорой рысью метнулись къ мосту. Все шло благополучно; великолѣпный планъ осуществлялся блистательно, .. пока послѣдній изъ вояковъ не въѣхалъ на плоскость, отдѣляющую рѣку отъ горы, на которой стоялъ неподвижно отрядъ русскій. Тутъ поляки засуетились, сбились въ кучу .. Что это? О ужасъ! Пане, Кривицкій! Или громы небесные разразились надъ головами вашего отряда? Пане, Кривицкій, смотрите! Вотъ свалился панъ Грецкій, вотъ рухнулъ панъ Якубскій, вотъ, вотъ, вотъ...., смерть кругомъ васъ, паны и шляхта валяются у ногъ вашихъ, въ потокахъ своей крови!...

Панъ Волинскій плохо разсчиталъ пространство, на которомъ бьетъ штуцерная пуля. Судя объ ней по пулямъ охотничьихъ dubeltówek (двустволокъ), онъ считалъ себя внѣ опасности. Но пуля нашла виноватаго, не смотря на болѣе чѣмъ полуверстное разстояніе отъ москалей, она угораздила прямо въ средину его лба, и рьяный конь его помчался въ поле безъ сѣдока. Заметался какъ котъ, угорѣлый, бросаясь на своемъ конѣ съ мѣста на мѣсто, панъ Кривицкій; впередъ, впередъ, кричитъ онъ. Смерть москалямъ!.. Впередъ храбрые воины! Но храбрые воины ни съ мѣста. Словно каменные стоятъ они на одномъ мѣстѣ, а московскія пули пронизываютъ ихъ насквозь. Всякую минуту... онѣ выписываютъ изъ дѣйствующей арміи польской, большіе десятки. Jezus, Maria!.,. спасите святое польское дѣло!«, вопитъ панъ Кривицкій. »Спасайся кто

можетъ!«, вопитъ человѣческимъ голосомъ позади его знакомый намъ герой—панъ Пановскій и первый поскакалъ къ мосту, а въ слѣдъ за нимъ и остальная шляхта. Но кара Божія видимо постигла въ этотъ день отрядъ пана Кривицкаго. Когда вояки помчались во весь галопъ къ рѣкѣ, то съ ужасомъ увидѣли, что козаки, которыхъ Кривицкій считалъ обратившимися въ бѣгство, проскакавъ извѣстную намъ плотину, обогнули рѣку и успѣли сломать на ней мостъ. Ни съ чѣмъ нельзя сравнить того ужаса. и того смятенія, которое произошло въ отрядѣ, когда паны убѣдились, что имъ отрѣзанъ путь къ отступленію. Въ отчаяніи панъ Кривицкій бросился подъ гору на нашихъ солдатъ; нѣсколько десятковъ изъ болѣе отчаянныхъ послѣдовали за нимъ. Но не успѣлъ Кривицкій и его спутники, добраться до половины горы, какъ увидѣлъ, что изъ нихъ осталось уже не болѣе пятнадцати человѣкъ. Они бросились назадъ къ равнинѣ, и панъ полковникъ только съ шестью товарищами, примкнулъ къ остальной, полуистребленной, растерявшейся шляхтѣ. Многіе изъ поляковъ, бросились въ бродъ, но теченіе рѣки и пули козацкія, не допустили ихъ и до половины рѣки. Вправо отъ плоскости, на которой столпились поляки, было непроходимое. топкое мѣсто, а влѣво тянулась, по между рѣкой и занятою нашими солдатами возвышенностью, та плотина, чрезъ которую перебрались козаки. Подоспѣвшей другой ротѣ нашей, приказано было занять плотину и, если бы командиръ ея выполнилъ этотъ маневръ быстрѣе, а панъ Кривицкій, не вспомнивъ во время о плотинѣ и не помчался къ ней съ быстротой отчаянія; то ни одного повстанца не осталось бы въ его отрядѣ. Конная толпа вскачь летѣла за Кривицкимъ, и чрезъ четверть часа шайка очутилась уже по ту сторону рѣки. Лишь только поляки переправились чрезъ плотину, къ ней подоспѣла вторая рота, козаки бросились къ плотинѣ на перерѣзъ бѣгущимъ, и меткіе выстрѣлы пѣхоты, да страшныя шашки козаковъ и тутъ еще угомонили многихъ изъ не угомонныхъ, въ продолженіи столькихъ вѣковъ, юго-западныхъ мечтателей. Чрезъ нѣсколько минутъ, однакожъ, ближайшій холмъ скрылъ изъ виду летѣвшихъ въ безпорядкѣ, за часъ предъ тѣмъ убѣжденныхъ въ несомнѣнной побѣдѣ, инсургентовъ.

Раненные и тѣ, подъ которыми убиты были лошади, спасаясь отъ войскъ, бросились подъ прикритіе оставленныхъ за

рѣкой русиновъ. Но, увы! они не знали того, что русскіе мужички за полчаса предъ тѣмъ примкнули къ отряду козаковъ, дѣятельно помогали имъ срывать мостъ, указывали мѣстность, а теперь докалачивали раненныхъ, били чѣмъ могли пѣшихъ повстанцевъ. Страшно было глядѣть, какъ разыгралось и закипѣло, удерживаемое впродолженіи вѣка могучею рукою правительства, народное негодованіе, какъ страшно расчитывались недавніе холопы съ своими вѣковыми палачами.

— А трясця вашій матери! Довго вы насъ мучилы чортовы ляхи! Почекайте задамо теперь и мы вамъ перцю, крыкнулъ первый Иванъ Дышлевой, увидѣвъ бѣгущихъ, обезоруженныхъ ляховъ, и тутъ же одинъ топоромъ уложилъ трехъ вояковъ.

Товарищи Дышлеваго, разумѣется, послѣдовали его примѣру, и тутъ началась настоящая охота на поляковъ. Напрасно просили они пощады у недавнихъ рабовъ, напрасно сдавались они въ плѣнъ, напрасно пятнадцатилѣтніе паничи именемъ своей юности заклинали даровать имъ жизнь! Не было никому пощады; одна смерть прекращала мольбы ихъ. Многіе изъ поляковъ, видя какъ встрѣчаютъ ихъ недавніе союзники, видя смерть со всѣхъ сторонъ, бросились въ бывшую не вдалекѣ, значительно уже подросшую, рожъ. Упавъ на четвереньки, какъ змѣи, поползли они въ хлѣбъ, и какъ зайцы притаили тамъ дыханіе. Но маневръ этотъ не ускользнулъ отъ зоркихъ глазъ крестьянъ. Они отыскивали поляковъ въ ржи; снимали съ нихъ одежду, чтобы не попортить ее, потомъ, наигравшись съ ними какъ котъ съ мышью, убивали здоровыхъ и добивали раненныхъ. Картина была ужасна!... Нѣтъ силъ дорисовать ее!... Бросаю перо, съ стѣсненымъ сердцемъ, сѣтую надъ жалкимъ безразсудствомъ погибающей шляхты, вѣковыми насиліями вызвавшей къ разщету народную, неумолимую Немезиду!...

Панъ Пановскій тоже, чуть дыша лежалъ въ ржи, а рядкомъ съ нимъ прилипъ къ землѣ и панъ Карлъ Дубовскій. Оба паны, боясь пошевельнуться, лежали, глядя другъ другу въ глаза. У пана Пановскаго слегка ранена была щека, и кровь струилась по ней, а панъ Дубовскій. глядѣлъ, глядѣлъ и тоже заструились, но не кровь, а слѣзы по лицу его. »Хорошо говорилъ отецъ«, думалъ панъ Дубовскій. »Какъ бы удрать«? подумалъ и панъ Пановскій. Но, чу! Что за шорохъ вблизи? И оба паны со страху закрыли глаза. Боже, спаси меня! клик-

нулъ панъ Дубовскій. Нельзя ли откупиться, скользнуло тоже и въ умѣ пана Пановскаго.

— Ще, трасця ихъ матери, два лежать, медленно произнесъ флегматически кумъ Якимъ надъ самыми головами пановъ.

— Валяйте дядьку просто по голови, крыкнулъ энергическій, молодой голосъ куму Якиму. Оба паны въ одну секунду вскочили на ноги и панъ Пановскій увидѣлъ, что они окружены москалевскими крестьянами.

— А, то ты паночку спросилъ протяжно кумъ Якимъ, узнавъ своего прежняго повелителя?

— Якиме, сердце, змылуйся, умолялъ панъ Пановскій кума Якима!

— А ты надъ нами бидными мавъ колы жалистя? Спросилъ Якимъ, и уже готовъ былъ поднять руку, чтобы угостить топоромъ по головѣ пана Пановскаго.

— А сгоны хто заплатыть, спросилъ онъ?

— Що! Сгоны? произнесъ разсудительный Якимъ и задумался.

— Не вирь, бреше, сказалъ одинъ изъ крестьянъ. Сгонни гроши вже у попа.

— Попъ, когда узнаетъ, что вы меня убили не отдастъ вамъ сгонныхъ денегъ, а присвоитъ ихъ себѣ, энергически увѣрялъ панъ Пановскій.

— Не затаить, при свидителяхъ платылы, сказалъ кумъ Якимъ, но все таки былъ еще въ сомнѣніи.

— Чи триснуть, проговорилъ онъ, потомъ глядя на своихъ товарищей и какъ бы ожидая ихъ совѣта?

Но кругомъ были по большей части молодые москалевскіе крестьяне; а такъ какъ кумъ Якимъ пользовался особымъ уваженіемъ у своихъ собратій, то они въ продолженіи минуты молчали, предоставляя рѣшеніе, въ такомъ важномъ дѣлѣ, самому куму Якиму.

— Забыйте его къ чорту, дядьку, проговорилъ наконецъ молодой крестьянинъ, бывшій прежде въ услуженіи у пана Пановскаго. Тожъ винъ бунтовшикъ, я самъ чувъ, якъ до него бувало сберутся ляшки, тай брешуть, на самаго Царя нашого брешуть!

— Трясця ихъ матери, проговорилъ еще одинъ изъ крестьянъ. А выжъ напоминаете, добавилъ онъ, обращаясь все таки

къ куму Якиму, якъ винъ вамъ, дядьку, сто ризокъ своими руками на току вальнувъ.

— А, справди, сказалъ кумъ Якимъ, и въ глазахъ его сверкнулъ зловѣщій для пана Пановскаго огонь.

— Змылуйся, серце, Якиме! завопилъ опять панъ Пановскій. Не бый мене, голубе, я сто рубливъ дамъ.

— За всяку ризку обицаетця вражій ляхъ, по карбованцю! Не хочу! за мои сто ризокъ, перше я всыплю тоби сотню, а потимъ забью яка собаку.

— Берить его, хлопци!

Услышавъ эти слова, хлопцы въ одну минуту разтянули пана Пановскаго, а кумъ Якимъ отправился прежде къ росшему недалеко отъ мѣста описываемой мною сцены дереву, наломалъ молодыхъ вѣтвей, ощипалъ на нихъ листья, связалъ въ одинъ пукъ и медленно возвратясь къ мѣсту экзекуціи, принялся хлестать, по благородной части тѣла благороднаго пана, и при всякомъ ударѣ приговаривалъ: отъ сэ тоби за кума Корнія, отъ сэ тоби за кума Ивана, отъ сэ тоби за мене!

Въ тотъ моментъ когда кумъ Якимъ приговаривалъ *за мене,* онъ подпрыгивалъ всѣмъ своимъ тяжелымъ корпусомъ и старался какъ можно выше поднимать свою руку, для собиранія большей силы удару. Нѣкоторые изъ паробковъ громко считали: разъ, два, три и далѣе, когда доходило до десяти, а одинъ изъ нихъ *карбовалъ* (зарѣзывалъ) десятокъ на палкѣ крестикомъ. Нанося послѣдній ударъ, кумъ Якимъ подскочилъ выше обыкновеннаго, и одинъ изъ паробковъ провозгласилъ: о сэ тоби за всенькій народъ православный и самодовольно улыбнулся, въ восторгѣ отъ своего остроумія.

— Между тѣмъ панъ Дубовскій, на котораго крестьяне, занятые своимъ помѣщикомъ, не обращали вниманія, стоялъ ни живъ ни мертвъ, а бѣдный панъ Пановскій жалобно стоналъ и вопилъ:

— Пусты Якиме, пусты серденько, присяй Богу (ей-Богу) сто рубливъ дамъ!

Но не откупился бы панъ Пановскій, не спасся бы и панъ Дубовскій, если бы сама судьба не спасла ихъ, въ лицѣ бывшихъ не въ далекѣ и прибѣжавшихъ на крикъ Пановскаго пьяныхъ инвалидовъ.

— Что вы тутъ дѣлаете? Начальствомъ драться не позволено; ахъ вы, мужичье, прикрикнулъ на крестьянъ знакомый уже намъ почтенный старикъ!

Въ одну минуту сцена измѣнилась, и мужики, оставивъ пана Пановскаго, съ подобострастіемъ поснимали шапки, при видѣ русскаго мундира.

— А, ляшки! Ну, кричите пардонъ; такъ сказано въ артикулѣ!

— Пардонъ, пардонъ, радостно закричали паны.

— Ну теперь сдавайтесь въ плѣнъ, сказалъ инвалидъ. Панъ Пановскій упалъ предъ своимъ спасителемъ на колѣна, а панъ Дубовскій на радости хотѣлъ было обнять его, но инвалидъ отклонилъ отъ себя эту нѣжность.

Къ чему лѣзешь, дурень, цѣловаться, проговорилъ старикъ и плюнулъ въ лѣвую сторону. Для предосторожности, панамъ инвалиды связали руки, а къ вечеру обоихъ благополучно сдали военноплѣнными капитану стрѣлковой роты.

ГЛАВА XII.

Козаки преслѣдовали бѣгущихъ поляковъ, на протяженіи пятнадцати верстъ отъ Москалевки. Только съ наступленіемъ ночи они бросили свою погонь, болѣе похожую на охоту за зайцами Благодѣтельный лѣсъ, эта природная крѣпость вояковъ, эта единствнная завоеванная ими территорія, принялъ ихъ въ свои объятія. Когда, наконецъ, поляки убѣдились, что ихъ не преслѣдують, то начали стягиваться на извѣстную имъ лѣсную поляну, и въ отрядѣ пана Кривицкаго, изъ тысячи ста тридцати повстанцевъ, оказалось на лицо около 700 человѣкъ; въ числѣ которыхъ немало было легко раненныхъ.

Ксендзъ Бронскій былъ,конечно, въ числѣ уцѣлѣвшихъ. Его увидѣли въ отрядѣ уже тогда, когда онъ былъ внѣ опасности; но вскорѣ ксендзъ исчезъ. Часу въ десятомъ утра, на слѣдующій день, онъ возвратился въ Ляховку и прямо подъѣхалъ къ тому дому, въ которомъ заключенъ былъ Терлецкій. На канунѣ поляки до того были увѣрены въ побѣдѣ, такъ торопливо ускакали въ Москалевку, что забыли не только о Генрихѣ, но даже о бывшей у него, какъ у казначея отряда, кассѣ. Но ксендзъ Бронскій не забылъ о немъ, и объ ней

и первый вопросъ его, по пріѣздѣ въ Ляховку, былъ о Терлецкомъ. Ксендзъ поблѣднѣлъ, не найдя его на мѣстѣ ареста, и ту же минуту ускакалъ изъ мѣстечка. Во всю дорогу каноникъ не переставалъ думать о предметѣ своихъ пламенныхъ поисковъ и о своихъ прежнихъ къ Генриху отношеніяхъ. Онъ вспоминалъ о томъ, какъ онъ, прибывъ въ окрестности Новодивова, познакомился съ Мондровскимъ и съ Терлецкимъ, какъ оба они энергично и зорко препятствовали его замысамъ, какихъ трудовъ ему стоило, чтобы склонить на сторону польскаго дѣла восторженную Ядвигу, какъ блистательно онъ успѣлъ въ этомъ и какъ потомъ Ядвига, мало помалу, начала втягивать въ революцію и влюбленнаго Генриха, который на всякомъ шагу могъ разрушать его планы. Потомъ ксендзъ нахмурился при мысли о своихъ неудачахъ въ волокитствѣ за Ядвигой, и онъ скрежеталъ зубами когда вспоминалъ, какъ она ему прежде дѣлала глазки, и какъ потомъ насмѣялась надъ нимъ въ виду этого проклятаго Генриха. При этой мысли змѣя ревности терзала сердце патера, но онъ вспоминалъ о болѣе важныхъ дѣлахъ, занимавшихъ его теперь, и корыстолюбіе брало верхъ надъ животною любовью. Вспоминалось ксендзу, какихъ усильныхъ трудовъ стоила ему попытка сойдтись съ паномъ казначеемъ, когда они оба были уже въ отрядѣ, и съ какимъ презрѣніемъ Генрихъ всегда отталкивалъ его. Ксендзъ бился, бился и, убѣдившись, наконецъ, что панъ Терлецкій никогда съ нимъ не сойдется и что, слѣдовательно, трудъ его напрасенъ, задумалъ погубить его. Мы видѣли, какъ вчера, по милости ксендза каноника Генрихъ былъ уже приговоренъ къ смерти. Вспоминалъ ксендзъ и о томъ, какъ наканунѣ, при вѣсти о москаляхъ, всѣ въ отрядѣ забыли о казначее, какъ онъ одинъ помнилъ объ немъ и когда всѣ, въ торопяхъ, выходили изъ Ляховки, онъ одинъ забѣжалъ къ квартирѣ Генриха, убѣдился, что караульные ушли и, смѣшавшись съ толпой, тоже отправились бить москалей, заперъ Генриха на ключь въ комнатѣ, положилъ его въ карманъ и объявилъ тихонько жиду хозяину, что плѣнный на его отвѣтственности, и что если поляки, или хотя бы онъ одинъ ксендзъ каноникъ возвратится въ Ляховку и не найдетъ пана Генриха подъ арестомъ, то хозяинъ дома будетъ повѣшенъ. И кто бы могъ повѣрить, думалось ксендзу, что онъ, такъ пламенно

желавшій вчера смерти Генриха, теперь съ такимъ рвеніемъ будетъ отыскивать его и о томъ только мечтать, чтобы найти его цѣлымъ и невредимымъ!.,.

Но пока ксендзъ отыскиваетъ Терлецкаго, возвратимся къ предмету его поисковъ.

Мы оставили Генриха запертымъ въ его квартирѣ, и прислушивавшимся къ неистовымъ воплямъ своихъ соотечественниковъ. Въ этихъ вопляхъ слово *смерть* всего чаще и всего сильнѣе поражало слухъ молодаго человѣка. И этотъ неистовый вопль, и это роковое слово Генрихъ относилъ къ себѣ. Временами крикизатихали, но потомъ еще съ большею силою раздавался громовый взрывъ ихъ, Генрихъ упалъ на постель, припалъ лицемъ къ подушкѣ, мучительныя ощущенія души его, но ни одной слезы не выкатилось изъ его воспламененныхъ глазъ, »Смерть, смерть«, все еще слышалось ему и тогда, когда послѣдній звукъ человѣческаго голоса давно уже замолкъ въ отдаленіи. Минутами Генрихъ забывался, но послышится шорохъ, зажужжитъ комаръ подъ ухомъ, и осужденному мерщится, что дверь скоро отворится и его казнятъ, какъ преступника. Генрихъ не боялся честной смерти, гдѣ бы, въ какомъ бы видѣ она ни явилась предъ нимъ; но его мучила невинная позорная казнь, присужденная мерзавцемъ, палачомъ Волинскимъ. »За что я долженъ умереть«, было первою болѣе сознательною мыслію Терлецкаго. Потомъ снова мысли спутались въ головѣ, и долго еще почти безсознательный, страдающій Генрихъ, лежалъ на своей постелѣ. »Матерь Божія! спаси невиннаго«, подумалъ Генрихъ, и слеза выкатилась изъ глазъ его, и капля цѣлительнаго бальзама пролилась на его больное сердце. Терлецкій присѣлъ на постели и началъ молиться. Онъ молился о себѣ, о Ядзигѣ, о старомъ Мондровскомъ и просилъ Бога, принявъ его къ Себѣ, какъ жертву искупленія, вразумить и спасти отъ погибели изступленныхъ его соотечественниковъ. Потомъ Генрихъ почти спокойно ожидалъ уже, своихъ палачей. Вскорѣ Терлецкій услыхалъ, что кто то, повозившись довольно долго у замка дверей, отперъ, наконецъ, ихъ и вошелъ въ комнату. Генрихъ привсталъ, чтобы геройски встрѣтить своихъ палачей, но вмѣсто ихъ въ комнату вошелъ знакомый нашъ москалевскій Гершко, сдѣланный Кривицкимъ коммиссіонеромъ при его отрядѣ.

— Ой-вей, ясневельможный пане! Не повѣрите, какъ мнѣ жаль васъ, сказалъ старый жидъ.

— Спасибо тебѣ, Гершко. А что подѣлываютъ наши?

— Теперь сидятъ еще, но черезъ часъ они всѣ прійдутъ къ вамъ. Панъ Кривицкій и панъ Волинскій такъ сердиты на васъ!

— Неужели еще не прошло двухъ часовъ?

— Теперь ужъ поздо, ясневельможный пане, но я упросилъ пановъ начальниковъ, чтобъ они не стрѣляли васъ до утра.

— Хороша услуга, сказалъ Генрихъ. Мнѣ прійдется по твоей милости, томиться ожиданіемъ смерти лишнихъ нѣсколько часовъ.

Жидъ терся возлѣ Генриха и видно хотѣлъ сообщить что-то, но не зналъ, какъ приступить къ дѣлу.

— Постойте, ясневельможный пане, я вамъ все разскажу, пробормоталъ онъ, наконецъ. У вашихъ дверей поставлены были караульными, экономъ изъ Москалевки и писаръ Кутковскій. Вы знаете, что оба они любятъ покутить; пользуясь этимъ, и все думая объ васъ, да объ васъ, я напоилъ ихъ, и они спятъ теперь пьяные, за позволеніемъ, ясне вельможнаго пана, какъ свиньи. Ежели ясне-вельможный панъ хочетъ, то я уведу его тихонько отсюда, и вы уѣдете, въ приготовленной уже мною за мѣстечкомъ, моей бидкѣ (двуколка) куда глаза глядятъ.

Когда Генрихъ услыхалъ это предложеніе, молодая кровь закипѣла въ немъ, инстинктъ самохраненія заговорилъ громче, и онъ не колеблясь ни минуты, съ радостью согласился на предложеніе Гершка.

— Пойдемъ Гершко, пойдемъ скорѣй, началъ онъ торопить жида.

— Постойте ясневельможный панъ! Хоть я и могу спасти васъ, но это не такъ легко сдѣлать, какъ вамъ показалось на первый взглядъ. У всѣхъ заставъ поставлены часовые и они не выпустили бы насъ, если бы я не подкупилъ ихъ. Но вѣдь вы знаете, ясневельможный пане, что я человѣкъ бѣдный, и вѣрно сами не захотите, чтобы я разорылся изъ за оказанной вамъ услуги.

— Сколько же ты далъ? Спросилъ торопливо Генрихъ.

— Ой, много, много, ясневельможный пане!

— Говори же скорѣй!

— Три тысячи карбованцивъ, ей богу три тысячи карбованцивъ, ясне вельможный пане!

Не говоря ни слова, Генрихъ досталъ изъ подъподушки сумку, въ которой хранилась повстанская касса и которую, по всей вѣроятности, онъ забылъ бы тутъ, если бы Гершко ненапомнилъ ему о деньгахъ. Онъ раскрылъ сумку и, не считая, разумѣется, подалъ Гершкѣ столько ассигнацій, сколько помѣстилось въ его рукѣ.

— Возьми, тутъ должно быть болѣе трехъ тысячъ, сказалъ Генрихъ, протягивая Гершкѣ руку съ деньгами.

Въ комнатѣ, конечно, было темно, но Генрихъ почувствовалъ, что рука у Гершка дрожала, когда онъ прикоснулся къ деньгамъ. На секунду Гершко обезумѣлъ отъ восторга, но скоро опомнился, досталъ изъ кармана коробочку со спичками и дрожащею еще рукою добылъ огня, чтобы при свѣтѣ его убѣдиться въ достоинствѣ ассигнацій.

— Ты съ ума сошелъ, воскликнулъ Генрихъ! Развѣ хотишь, чтобъ увидѣли свѣтъ и догадались о нашемъ замыслѣ?

— Не безпокойтесь, ясне вельможный пане; они подумаютъ, что вы закуривали папиросу, отвѣтилъ Гершко, а между тѣмъ, во время минутнаго блеска, съ зоркостью жида успѣлъ замѣтить, что у него въ рукѣ, все сѣренькія, да радужныя.

—Ну, пойдемъ же, Гершко, опять заторопилъ Генрихъ. Но жидъ при блескѣ огня замѣтилъ и то, гдѣ у Генриха сумка, что она не закрыта, и онъ, безъ всякой церемоніи, запустилъ свою лапу въ ея отверстіе и порывшись въ сумкѣ, вытащилъ изъ нея столько ассигнацій, что онѣ не вмѣстились въ его рукѣ и многія изъ нихъ попадали на землю. Генрихъ очень хорошо слышалъ, что жидъ воруетъ у него деньги; но, находясь подъ впечатлѣніемъ текущей минуты, онъ не остановилъ его занятія, а только подумалъ, что прійдется матери продать единственную свою деревню, чтобы выручить изъ бѣды сына.

Когда Гершко подобралъ деньги на полу и когда вышли наконецъ на улицу, то Генрихъ съ удивленіемъ замѣтилъ на востокѣ розовую полосу—предтечу дня. Читатели, вѣроятно, давно уже догадались, что смышленный Гершко пришелъ къ Генриху, посредствомъ подобраннаго ключа, тогда уже, когда поляки всѣ до послѣдняго ушли изъ Ляховки. Басня о хода-

тайствѣ Гершка за Генриха предъ довудцами, о часовыхъ, караульныхъ, подпоѣ первыхъ и подкупѣ послѣднихъ, разумѣется, была сочинена ловкимъ жидомъ, въ видахъ личнаго интереса, для приданія своей услуги болѣе цѣны и важности, своему предпріятію болѣе риска, а недавнему посаженію Генриха болѣе безвыходности. Выйдя на улицу, Генрихъ увидѣлъ, что бидка Гершка стоитъ не за мѣстечкомъ, какъ говорилъ о томъ жидъ, а возлѣ самыхъ воротъ занимаемой Генрихомъ корчмы, и что возлѣ бидки толпится нѣсколько человѣкъ жидовъ, въ числѣ которыхъ былъ зять и мишурисъ Герша.

— Прощайте, панъ, сказалъ жидъ, вотъ вамъ моя бидка; поѣзжайтѣ себѣ съ богомъ! Не забудьтѣ отослать мнѣ бидку.

— Гдѣжъ наши, съ удивленіемъ спросилъ Генрихъ?

— Развѣ вы не знаете, что еще свечера ушли въ Москалевку, наивно отвѣтилъ Гершко.

Генрихъ, разумѣется, все понялъ и покраснѣлъ отъ досады.

— Ну, нѣтъ, Гершко, сказалъ онъ; ты не раздѣлаешься такъ со мной. Тѣ три тысячи, которые я тебѣ обѣщалъ, возьми себѣ пожалуй, хотя твоя услуга стоитъ не болѣе трехъ рублей; но остальныя, которыя ты самъ утащилъ, сей часъ же возврати. Подавай деньги, и мы сочтемся!

— Какія деньги?, съ непритворнымъ, повидимому, удивленіемъ, спросилъ жидъ?

— Ну, нечего притворяться. Подавай деньги!

— Что съ вами? Развѣ вы съ ума сошли, дерзко заговорилъ Гершко.

— Ты, старый плутъ, не буянь, это тебѣ не поможетъ, а деньги всѣ таки отдашь. Я тебѣ дарю за услугу три тысячи своихъ, а остальныя деньги—чужія, и ты можешь поплатиться за нихъ головой.

— Стыдно вамъ, паничь, придираться къ бѣдному жидку, сказалъ Гершко. Мы думали, что вы паничъ честный, какъ и слѣдуетъ быть племяннику ясневельможнаго Мондровскаго; а вы, какъ я вижу, шахрай (плутъ). Всѣ знаютъ, что я здѣшній господарь (домовладѣлецъ) и арендаръ, и никто еще не смѣлъ называть меня воромъ. Стыдно вамъ, паничъ!

Гершко говорилъ это съ такимъ увлеченіемъ, что, слушая его, можно было поклясться, что онъ честнѣйшій чело-

вѣкъ. Зять Гершка, мишуресъ и прочіе жиды, тоже заступились за него и начали увѣрять, что Терлецкій шахрай.

— Когда вы взвели на меня напасть, продолжалъ воодушевившись, Гершко, то я и бидки вамъ не дамъ. Возьми, мишуресъ, лошадь и бидку и веди ихъ сейчасъ же домой. Въ одну минуту бидка была увезена.

— А вы, панъ Терлецкій, сказалъ запальчиво Гершко, если не образумитесь, то я сей часъ же увѣдомлю здѣшняго волостнаго, что вы бунтовщикъ, что вы здѣсь, и онъ прикажетъ связать васъ, а мужики, чего добраго, еще прибьютъ васъ, пока русскіе повѣсятъ.

Услыхавъ эти угрозы, Генрихъ убѣдился, что ему не сладить съ Гершкомъ, и такъ какъ лошадь съ бидкой были уже уведены, то ему ничего не осталось, какъ только возвратиться въ ту корчму, въ которой онъ былъ и квартирантомъ и арестантомъ, чтобы посовѣтываться съ хозяиномъ, какъ ему добраться до Мондровицъ. Въ восторгѣ отъ такого оборота дѣлъ, Гершко торопливо, со всею своей жидовскою свитой, пошелъ къ своему зятю Мошкѣ, у котораго онъ всегда останавливался, когда бывалъ въ Ляховкѣ. Лейба, Гершковъ зять, мишурисъ и прочіе жидки были разумѣется, въ стачкѣ съ старымъ плутомъ, который, прійдя въ домъ Мошки, показалъ своимъ соучастникамъ тѣ только деньги, которыя онъ уронилъ, а потомъ подобралъ на полу при воровствѣ изъ сумки: ихъ оказалось около тысячи рублей, и вся почтенная компанія, послѣ восторженныхъ похвалъ и удивленій ловкости Гершка подѣлились показанной мошенникомъ тысячею.

Когда Генрихъ возвратился въ свою арестантскую, смирненькій хозяинъ, расказалъ ему, что ксендзъ приказалъ ему строго стеречь приговореннаго къ смерти, и сообщилъ ему всѣ другія, соприкосновенныя движенію поляковъ новодивовской околицы обстоятельства. Вотъ что услыхалъ Генрихъ: сей часъ же послѣ ухода поляковъ изъ Ляховки, узнали въ мѣстечкѣ, что рота русскихъ заняла Мондровицы, что вскорѣ солдаты должны придти въ Ляховку, и что въ продолженіи ночи нѣсколько крестьянскихъ партій проходили чрезъ мѣстечко и, вооруженные чѣмъ попало, конвоировали связанными пойманыхъ, отставшихъ отъ отряда и спѣшившихъ присоединиться къ нему, повстанцевъ. При этомъ крестьяне утверждали, что москали

перебьют непремѣнно всѣхъ ляховъ, а они крестьяне будутъ ловить ихъ вязать и выдавать русскимъ. Услыхавъ такія безотрадныя вѣсти, Генрихъ не на шутку призадумался: со всѣхъ сторонъ грозила ему опасность. Встрѣтятся ли ему мужики, солдаты, или поляки, вездѣ опасность, вездѣ плѣнъ или смерть. Послѣ долгаго колебанія, Генрихъ рѣшился пѣшкомъ выдти за мѣстечко, межами полей пробраться въ сосѣдній лѣсъ, просидѣть тамъ до вечера, а потомъ ночью, окольными путями, избѣгая селъ, добраться до Мондровицъ. Опасаясь, чтобы крестьяне не увидали его въ мѣстечкѣ, Генрихъ, немедля ни минуты, собрался въ путь. Мѣстечко и прилегающее къ нему населенное крестьянами предмѣстье Генрихъ, никѣмъ не замѣченный, прошелъ благополучно, и только при послѣдней избѣ выскочившая на дворъ молодая баба, проговоривъ: »чортивъ сынъ ляшекъ«, погрозила ему кулакомъ, но, испугавшись своей храбрости, быстро убѣжала въ избу. Но переходъ Генриха чрезъ плотину былъ не такъ ужъ благополученъ. Лишь только Генрихъ взошелъ на нее, какъ увидѣлъ, что на противуположномъ концѣ, у мельницы, стоятъ два мужика. Генрихъ подвигался впередъ, а мужики внимательно поглядывали на него; потомъ одинъ изъ нихъ вошелъ въ мельницу и чрезъ минуту возвратился съ веревкой въ рукѣ. Генрихъ, разумѣется, угадалъ намѣреніе крестьянъ и, въ раздумьи на что ему рѣшиться, на минуту остановился

— Чего стоишь, панокъ? Насмѣшливо спросилъ одинъ изъ крестьянъ Небійся, голубчику мы тобе не повисимъ, а тильки перше обдеремъ якъ билку, а потимъ и ручьки тоди скрутымъ.

— А може й повѣсымъ, проговорилъ другой. Колы хочешь щобъ мы тебе не повисылы, то скажи намъ по правди, що ляхи чортовы диты або (или) скаженые (бѣшеныя) собаки, продолжалъ онъ, поддерживая насмѣшливый тонъ своего товарища.

Услыхавъ эту выходку, Генрихъ, не говоря ни слова, досталъ изъ своего кармана, бывшій при немъ револьверъ и погрозилъ имъ крестьянамъ. Зная вѣроятно силу этого орудія и видя превосходство на сторонѣ непріятеля, они, не говоря болѣе ни слова, почесывая затылки, медленно возвратились въ мельницу. Выйдя въ поле, Генрихъ, сообразно съ составленнымъ имъ планомъ, межами направился къ лѣсу. На одной изъ возвышен-

ностей, по которой проходилъ, онъ случайно посматривалъ направо и увидѣлъ на горѣ русскихъ солдатъ, которые шли дорогой по направленію отъ Мондровицъ къ Ляховкѣ. Чтобъ его не замѣтили солдаты, онъ прильнулъ къ землѣ и пролежалъ не менѣе часу. Дорога, по которой проходили солдаты, отъ того мѣста, гдѣ скрывался Генрихъ была такъ близко, что до ушей его долетали очень внятно нѣкоторыя фразы ихъ разговора, сказанныя болѣе энергично.

— Побьемъ ляшковъ, сказалъ одинъ изъ нихъ.

— Что тутъ бить, эту сволочь шапками закидаемъ, кулачьемъ переколотимъ, возразилъ другой.

— Правда, подумалъ Генрихъ, и были минуты, когда онъ хотѣлъ выдти изъ своего убѣжища и добровольно сдаться въ плѣнъ; но онъ вспомнилъ, къ своей погибели, о данной въ Полинахъ клятвѣ и остался на мѣстѣ.

Когда голоса солдатовъ затихли въ отдаленіи, нашъ бѣглецъ двинулся въ свой опасный путь. Прежде всего попалась ему на дорогѣ толпа бабъ и они закидали ляшка панка насмѣшками и остротами, а когда Генрихъ миновалъ уже ихъ, то, вдогонку и грязью. Испачканный Терлецкій продолжалъ путь далѣе и опять встрѣтилъ шедшую, повидимому, на работу, толпу бабъ. Тѣ оказались еще задорнѣе первыхъ и хотѣли было связать ляшка, но Генрихъ остановилъ ихъ храбрость тѣмъ же револьверомъ, который выручилъ его изъ бѣды на ляховецкой плотинѣ. Но на бывалыхъ мужиковъ видъ револьвера подѣйствовалъ гораздо скорѣе чѣмъ на бабъ: мужики, какъ мы сказали, ушли, молча, въ мельницу, а одна изъ бабъ выразила сомнѣніе, чтобы такой малой штучкой, какая была въ рукахъ панича, можно было убить человѣка, и Генрихъ въ доказательство того, что его оружіе смертоносно, долженъ былъ прострѣлить шедшую съ бабами собаку. Когда бѣдное животное завизжало отъ боли и кровь полилась изъ ея раны, то бабы перепугались и, съ крикомъ и визгомъ, бросились бѣжать. Услыхавъ выстрѣлъ и крикъ бабъ, выскочили изъ бывшей не вдали избы два крестьянина полѣсовщика; они оказались не храбрѣе бабъ. Когда они увидѣли бѣгущихъ съ крикомъ бабъ, паническій страхъ напалъ на нихъ, имъ померещились ляхи за всякимъ кустомъ, и они тоже бѣгомъ пустились за бабами. Хотя Генрихъ счастливо отдѣлался и отъ бабъ и отъ полѣсов-

щиковъ, но онъ убѣдился, что его положенie въ полномъ народа лѣсу, гораздо опаснѣе, чѣмъ онъ предполагалъ. Обдумавъ свое критическое положенie, Генрихъ рѣшился довѣрить свою судьбу жившему на окраинѣ лѣса старому шляхтичу пасечнику (пчеловоду), къ которому, во время охоты, ему неразъ случалось заѣзжать, и который, какъ соотечественникъ и католикъ, по всей вѣроятности, не откажетъ ему въ убѣжищѣ. Но гораздо легче спастись отъ смерти преслѣдуемому охотниками и нагоняемому уже борзыми зайцу, чѣмъ въ тѣ кровавые для поляковъ дни спастись окруженному на всякомъ шагу непрiятелями и опасностями повстанцу. Пока Генрихъ дошелъ до хижины пасечника, два раза еще, опять чуть было онъ не попался. Прежде попались ему на встречу козаки, а потомъ онъ наткнулся на священника изъ сосѣдняго сѣла, шедшаго черезъ лѣсъ съ работникади полоть на своемъ полѣ пшеницу. Но счастье пока благопрiятствовало Генриху: отъ козаковъ онъ спрятался, и тѣ, не замѣтивъ его, промчались въ десяти отъ него шагахъ, а работники священника были почти дѣти; священникъ тоже, замѣтивъ револьверъ въ рукѣ Генриха, молча прошелъ далѣе. Когда Генрихъ подошелъ, наконецъ, къ жилищу старого шляхтича, было уже далеко за полдень. На небольшомъ дворикѣ пасечника, не было ни души, только собака, увидѣвъ незнакомца, громко залаяла, и въ ту же минуту Генрихъ услыхалъ, что чья то торопливая рука, задернула внутри избы задвижку у дверей. Въ нерѣшимости, съ сильнымъ бiенiемъ сердца, Генрихъ простоялъ нѣсколько минутъ неподвижно, наконецъ рѣшился постучать въ окно. Отвѣта не было, Генрихъ постучалъ сильнѣе, тоже молчанie.

— Отворите, ради Бога, проговорилъ Генрихъ.

— Кто тутъ? Отозвался дрожащiй, стариковскiй голосъ внутри избы.

Это я, Генрихъ Терлецкiй, изъ Мондровицъ. Я пришелъ къ вамъ, пане Квятковскiй, просить, чтобы вы спасли меня.

Лишъ только Квятковскiй узналъ, что тутъ Генрихъ, онъ ту же минуту отворилъ дверь. Старикъ видимо былъ взволнованъ, руки и блѣдныя губы его дрожали, какъ въ лихорадкѣ. Не говоря ни слова, онъ впустилъ Генриха въ избу и заперъ дверь.

— Что съ вами, панъ Квятковскiй? Спросилъ Генрихъ.

— Бѣда, ясно вельможный пане, право бѣда, съ трудомъ могъ проговорить старикъ.

— Что же случилось? Говорите ради Бога!

— Побили нашихъ, ясневельможный пане, право побили, совсемъ побили. Не зная ни о чемъ, я выѣхалъ поутру въ Ляховку, и по дорогѣ, узнавъ о случившемся, возвратился назадъ. Но, къ чему я болтаю, старый дуракъ! Вѣдь вы были тамъ и знаете обо всемъ лучше меня.

Генрихъ объяснилъ Квятковскому, что онъ не былъ подъ Москалевкой, и началъ распрашивать его о подробностяхъ боя, о числѣ убитыхъ.

— Охъ много легло нашихъ, ясневельможный пане, очень много! Убитъ и панъ Якубовскій, убитъ и панъ Грецкій, убитъ и начальникъ изъ Варшавы и много-много другихъ пановъ и шляхтичей!

И старикъ началъ вычислять убитыхъ пановъ, а потомъ принялся сѣтовать и плакать о нихъ. Генрихъ тоже скорбѣлъ о своихъ убитыхъ сосѣдяхъ и соотечественникахъ, но вѣсть о смерти Волинскаго обрадовала его, онъ рѣшился во чтобы то ни стало возвратиться къ своему отряду.

На просьбу Генриха спрятать его, въ случаѣ поисковъ, старикъ согласился не колебясь ни минуты. Напротивъ того онъ даже видимо обрадовался встрѣтившейся возможности оказать важную услугу подобострастно-чтимому всякимъ шляхтичемъ одному изъ ясновельможныхъ. Квятковскій накормилъ Генриха всѣмъ, что только было у него лучшаго, день до самаго вечера, прошелъ безъ всякихъ приключеній. Казалось бы, что проведшему нѣсколько часовъ спокойно Генриху слѣдовало бы успокоиться и тѣломъ и духомъ, но нѣтъ, какое то тяжелое, мучительное чувство, быть можетъ предчувствіе, терзало его душу. Давно уже смерклось; Квятковскій захрапѣлъ, а Генрихъ, не смотря на проведенную на канунѣ страшную, безсонную ночь, не смотря на полный тревогъ душевныхъ минувшій, томительный день, не смотря на то, что ему слишкомъ былъ необходимъ и сонъ и отдыхъ, не могъ уснуть ни на одну минуту. Среди своего томительнаго безпокойства, часу въ одинадцатомъ Генрихъ услыхалъ, что кто-то подъѣхалъ и остановился возлѣ избы, потомъ раздался стукъ въ окно, а наконецъ послышался голосъ,

— Вставай старый Квятковскій, и отворяй поскорѣй!, кричалъ Бронскій. Генрихъ и проснувшійся хозяинъ сразу узнали его по голосу.

Квятковскій пошелъ отворять дверь, а у Генриха болѣзнено застучало сердце.

— Ты не ожидалъ меня, старый дурень? Говорилъ ксендзъ, входя въ комнату. Кто тутъ спитъ у тебя? Продолжалъ онъ, увидѣвъ при свѣтѣ луны лежащую на постели фигуру. Ужъ не грѣшишь ли ты, старый хрычь?

— Jezus, Maria! воскликнулъ напуганный предположеніемъ ксендза старикъ.

— Ну, говори же, кто тутъ?

— Это панъ Генрихъ Терлецкій изъ Мондровицъ!

— Генрихъ! какими судьбами? Что за встрѣча! восклицалъ немогшій удержать своего восторга ксендзъ.

Нечего было дѣлать, Генрихъ отозвался, а Бронскій бросился обнимать его, цѣловать, торопливо расказалъ о смерти Волинскаго, о разбитіи отряда и умолялъ Генриха, именемъ тяжелаго для отечества испытанія, простить его ничтожнаго слугу Божьяго, за его несправедливости противъ Генриха, въ которыхъ при видѣ ничтожества польскихъ усилій, онъ, презрѣвшій всякую суету земную, онъ отъ души раскаявается. Страшный ксендзъ клялся всѣмъ святымъ, что онъ не могъ поступать иначе, потому что Волинскій грозилъ ему смертью, если онъ не будетъ содѣйствовать ему въ погибели Генриха. Теперь-же, по смерти коммиссара, каноникъ дастъ торжественный обѣтъ, что во всю жизнь свою онъ будетъ видѣть искупленіе грѣховъ своихъ, преимущественно въ стараніи и мыслью, и словомъ, и дѣломъ изгладить вину свою предъ Генрихомъ. Ксендзъ тутъ же разрѣшилъ Генриха отъ данной въ Полинахъ присяги, а въ случаѣ сомнѣнія со стороны присягнувшаго, онъ беретъ грѣхъ его на свою душу. Я это дѣлаю по совѣсти къ убѣжденію, прибавилъ онъ, потому что убѣдился въ безразсудствѣ польскаго дѣла; не стану болѣе содѣйствовать полякамъ, а уѣду за-границу и въ скромномъ монастырѣ проведу остатки дней своихъ. Ксендзъ говорилъ все это, перемежая слова вздохами и мольбами. Генрихъ, разумѣется, не вѣрилъ ему и думалъ только о томъ какъ бы поскорѣй и счастливѣе отъ него отдѣлаться. Каноникъ умолялъ, охалъ, плакалъ, цѣловалъ колѣна

Генриха, убѣждая, чтобъ онъ произнесъ, наконецъ, слово прощенія.

— Я не сержусь на васъ, ксендзъ Бронскій; пусть и Богъ васъ проститъ, проговорилъ, наконецъ Генрихъ, желая отвязаться отъ ксендза.

— О, великодушное существо! воскликнулъ ксендзъ. Ты прощаешь меня и наполняешь душу мою миромъ и не выразимою радостію! Докажи же это! Докажи какимъ бы то нибыло дѣломъ! У людей свѣтскихъ принятъ обычай—кубкомъ вина закрѣплять миръ между друзьями.

Говоря это, ксендзъ торопливо открылъ внесенный имъ прежде еще въ избу погребецъ, досталъ изъ него фляшку, потомъ три небольшіе бокала, и повернувшись къ окну, какъ бы для того, чтобы воспользоваться прокрадывавшимся въ него луннымъ свѣтомъ; наполнилъ ихъ виномъ. Если бы комната, освѣщена была огнемъ, а не блѣднымъ лучемъ луны, то можно было бы замѣтить, что одинъ изъ бокаловъ былъ нѣсколько различной отъ другихъ формы. Но Генрихъ, занятый только мыслію скорѣй отвязаться отъ ксендза, разумѣется, не замѣтилъ этого.

— Выпьемъ великодушный другъ! воскликнулъ ксендзъ. Выпей и ты Квятковскій, за здоровье моего вѣчнаго друга! Квятковскій не заставлялъ просить себя и однимъ духомъ проглотилъ напитокъ; ксендзъ тоже выпилъ, а Генрихъ, словно нехотя протянулъ руку, взялъ бокалъ поднесъ его къ губамъ и проглатилъ около трети бывшей въ немъ жидкости. Увидавъ это, Бронскій, въ припадкѣ восторга. схватилъ руку Генриха и не смотря на его сопротивленіе съ увлеченіемъ цѣловалъ ее. Но не миру съ недавнимъ врагомъ радовался, служитель алтаря Христова; то были необузданные порывы дикой радости кровожаднаго звѣря, терзающаго свою добычу.

Когда ксендзъ убѣдился, что дѣло кончено, то быстро перемѣнилъ роль, которую игралъ доселѣ съ Генрихомъ, и обратившись къ нему небрежно, началъ подтрунивать надъ несчастнымъ:

— Что, каково винцо-то, пане Терлецкій? Сказалъ онъ. Я увѣренъ, что вы никогда еще не пивали такого. Ну, ничего,—въ царствѣ небесномъ, гдѣ вы скоро очутитесь за свои добродѣтели, и не такимъ еще васъ поподчуютъ! А тебѣ, старикашка

понравилось винцо?—Ну,говори, гдѣ надѣешься быть: въ небѣ ли, или по уши въ огнѣ геенскомъ?... Не взыщи, что я потчивалъ тебя для компаніи такимъ нектаромъ, сказалъ Бронскій, послѣ не большой паузы. Продолжая шутить, ксендзъ позвалъ своего кучера и приказалъ ему подбросить лошадямъ сѣна, сказавъ, что чрезъ полъ часа они ѣдутъ.

— Ухъ, какъ тутъ воняетъ, проговорилъ потомъ Бронскій, чѣмъ то ядовитымъ! Не обожрался ли ты, Квятковскій, и не угостилъ-ли пана Терлецкаго ядовитыми грибами?

— Охъ, ксендзъ каноникъ, простоналъ Квятковскій! Въ самомъ дѣлѣ, меня какъ то необыкновенно начинаетъ рѣзать въ животѣ. Чтобы это такое?

— Я тебѣ говорю, или ты обожрался грибовъ, отвѣтилъ ксендзъ вмѣстѣ съ кучеромъ, который разумѣется ни очемъ не зналъ, вышелъ изъ избы.

Выйдя на дворъ, каноникъ приказалъ кучеру своему выѣхать за ворота и, заложивъ лашадямъ сѣна, ожидать его. Едва успѣлъ кучеръ Бронскаго исполнить его приказаніе, какъ предсмертные стоны несчастныхъ его жертвъ раздались внутри избы. Но они пріятно щекотали ксендзовское ухо: онъ упалъ на траву, приползъ къ ближайшему дереву и обнялъ его угодными руками, воображая въ забытьи счастія, что онъ прижимаетъ къ груди своей, наполненную деньгами сумку пана казначея. Трупы не мерещились ему, а сверкали въ глазахъ радужные цвѣта сторублевыхъ. Когда стоны начали замолкать въ избѣ, чудовище приподнялось съ своего мѣста, и на цыпочкахъ прокралось во внутренность хижины.

Тутъ Квятковскій лежалъ на полу, скорчившись и страшно выпучивъ на Бронскаго свои стеклянные глаза.

— Ядъ!.,. ксендзъ!... ядъ..., безсвязно лепеталъ еще въ предсмертныхъ мукахъ Генрихъ.

— Гдѣ же сумка? Думалъ ксендзъ; началъ шарить возлѣ Генриха и замѣтилъ, что она висѣла на ремнѣ, перекинутомъ чрезъ его плечо. Онъ подошелъ къ умирающему, отрѣзалъ ремень и жадно схватилъ свою добычу. А Генрихъ стоналъ еще...

— Ну, ничего, миленькій, проговорилъ въ припадкѣ нѣжности ксендзъ; успокойся дружокъ, это скоро пройдетъ!..,

Убійца вышелъ изъ избы, раскрылъ сумку, пошарилъ въ ней, выпучилъ глаза, отпрянулъ назадъ, заскрежеталъ зубами,

разразился страшными проклятіями, въ бѣшенствѣ бился головой объ то самое дерево, которое съ такимъ восторгомъ обнималъ за нѣсколько предъ тѣмъ минутъ. Въ сумкѣ не оказалось ни гроша.

Пришедши нѣсколько въ себя, ксендзъ зажегъ домъ Кватковскаго, съ испугомъ на лицѣ прибѣжалъ къ кучеру, крича: пожаръ, пожаръ! и чрезъ минуту поскакалъ далѣе

Такъ погибъ честный, молодой Генрихъ Терлецкій, эта лучшая изъ жертвъ безумнаго увлеченія польскихъ революціонеровъ звѣрскаго фанатизма латино-польскаго духовенства.

ГЛАВА XIII.

Между тѣмъ Кривицкій послалъ одного изъ приближенныхъ къ нему пановъ въ Ляховку, чтобъ извѣстить Генриха о смерти Волинскаго, пригласить пана адъютанта и казначея обратно въ отрядъ. Но напрасно ожидалъ Кривицкій своего молодого родственника!

Когда козаки перестали, наконецъ, преслѣдовать поляковъ, панъ полковникъ нѣсколько опомнившись и пославъ нарочно за казначеемъ, собралъ военный совѣтъ съ тѣмъ, чтобъ анализировать причины москалевскаго пораженія и обсудить образъ военныхъ дѣйствій на будущее время.

— Чортъ знаетъ, что случилось воскликнулъ онъ. Кто бы могъ предвидѣть что либо подобное! А всему виной покойный Волинскій. Если бы согласились съ моимъ мнѣніемъ, если бы мы послали отрядъ въ тылъ москалямъ, то, во первыхъ, онъ не допустилъ бы козаковъ обойдти насъ, а во вторыхъ мы могли бы напугать москалей, увидѣвшихъ позади себя непріятеля.

— Ну, нѣтъ, возразилъ одинъ изъ старыхъ подполковниковъ; если ужъ говорить правду, то вы сами, панъ полковникъ, виноваты. Вы перевели насъ необдуманно чрезъ мостъ и допустили столпиться отряду въ кучу, поставивъ его въ долинѣ, какъ бы мишенью для выстрѣловъ расположеннаго на горѣ непріятеля.

Многіе изъ пановъ согласились съ мнѣніемъ стараго офицера.

— Да, вѣдь я говорю вамъ, панове, оправдывался Кривицкій, что всѣмъ распоряжался Волинскій. Я увѣренъ, что если бы мы поступили по моему совѣту, то побѣда, безъ сомнѣнія, осталась бы за нами.

— Прекрасно было бы!, насмѣшливо замѣтилъ задорный подполковникъ. Если бы поступили по вашему совѣту, то москали перерѣзали бы тѣхъ, которыхъ вы хотѣли отдѣлить отъ отряда, и взяли-бы ихъ въ плѣнъ.

— Ну—что, господа, спорить безъ пользы, сказалъ одинъ изъ разумныхъ пановъ. Развѣ вы не видите, что поступить такъ, какъ мы поступили, или иначе, по плану пана Кривицкаго, вышлобы одно другаго хуже. Нужно быть слѣпымъ, чтобы не видѣть прямой причины нашего пораженія. Прекрасное оружіе московской стрѣлковой роты, знаніе стратегіи, субординація, наша слабость, ошибки, вотъ естественныя причины нашего несчастія! Говоря правду, я боюсь, чтобы не повторилась москалевская трагедія при всякой встрѣчѣ нашей съ москалями.

— Паны повѣсили носы и ничего не отвѣчали, но это молчаніе яснѣе слова доказывало, что они раздѣляютъ грустное пророчество догадливаго пана.

— Что же намъ дѣлать?, спросилъ съ отчаяніемъ Кривицкій.

Вопросъ этотъ, въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ, оставался безъ отвѣта. Всякій изъ присутствующихъ думалъ свою думу, но никто не отваживался сказать своего мнѣнія.

— Сдаться въ плѣнъ, проговорилъ наконецъ робкимъ голосомъ одинъ изъ членовъ совѣта.

Но Кривицкій первый горячо и съ негодованімъ возсталъ противъ этого мнѣнія; многіе изъ его подчиненныхъ заявили чувство командира. Террорь, наведенный варшавскимъ комитетомъ, оскорбленное самолюбіе—были, по всей вѣроятности, главными причинами негодованія поляковъ. Какъ и чѣмъ оправдаться передъ комитетомъ? Какъ сознаться передъ цѣлымъ свѣтомъ и предъ самими собою, что надежды, такъ долго услаждавшія душу, такъ зрѣло обдуманныя, что предпріятіе стоившее стольких усилій, пожертвованій, закрѣпленное присягой, покровительствуемое Европой, расцвѣченное и разнесенное по всему міру подкупленною прессой,—что все это были шутки, миражъ, бредъ горячки?

Какія бы, впрочемъ, ни были причины негодованія поляковъ на сдѣланное имъ разсудительное предложеніе, но оно выразилось продолжительными и шумными возгласами, а панъ Кривицкій сгоряча взялъ отъ своихъ товарищей słowo honoru, что первый, кто осмѣлится заикнуться о плѣнѣ, признанъ бу-

детъ безчестнымъ, и разстрѣлянъ, какъ измѣнникъ отчизны. Выходка Кривицкаго, разумѣется, на долго замкнула рты благоразумнымъ. Воодушевившись еще болѣе, Кривицкій началъ убѣждать своихъ товарищей, что дѣла не такъ еще плохи, какъ это имъ показалось на первый взглядъ. Правда, по всей вѣроятности, нельзя будетъ скоро достигнуть благопріятныхъ результатовъ возстанія, но за то впереди успѣхъ болѣе чѣмъ несомнѣненъ. Этой вѣроятности успѣха заявлены доводы самые непоколебимые: Европа всегда желала помочь полякамъ, а теперь когда она убѣдится въ варварскомъ подстрекательствѣ русскими крестьянъ противъ поляковъ, то весь свѣтъ закипитъ противъ Москвы негодованіемъ, и тогда уже никакая сила человѣческая не удержитъ милліоны друзей Польши и прогресса отъ нападенія на Россію, отъ ея уничтоженія. Отрядъ-же пана Кривицкаго, давая сильный отпоръ при встрѣчѣ съ русскими войсками, постарается пробраться въ Царство Польское или за-границу и съобща, со всѣми польскими повстанцами, будетъ ежеминутно тревожить и сбезсиливать русскія войска, а потомъ, дождавшись заграничной помощи, вмѣстѣ съ другими, какъ саранча, нахлынетъ на варварію и отброситъ ее за Днѣпръ и Двину, а, пожалуй, чего добраго, и за Уралъ! Экзальтаціи этихъ фабрикантовъ миражей зашли такъ далеко, что, казалось, они не остановятся на однихъ передвиженіяхъ Россіи, а бросятъ эту крошку на луну.

Польскіе паны словно держали между собою конкурсъ на тему: нарисовать какъ можно блистательнѣе картину силы и счастья Польши и безнадежнѣе и злополучнѣе—положенія москалей, какъ вдругъ одинъ изъ разставленныхъ вокругъ отряда караульныхъ прискакалъ во весь опоръ и крикнулъ »москали подходятъ«! »Къ оружію, къ оружію!« скомандовалъ Кривицкій; но эти возгласы, въ буквальномъ смыслѣ, остались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Оставивъ недоваренную кашу, испуганные паны, сломя голову, прыгнули на коней и помчались, какъ вихръ, далеко, далеко.—Они мчались долго, долго, и только на какой нибудь десятой верстѣ опомнились, что за ними никто не гонится. Спасясь отъ воображаемыхъ враговъ, бѣглецы наткнулись на дѣйствительныхъ. Опомнившись нѣсколько отъ ужаса и пробравшись въ лѣсъ, не успѣли они еще перевести духу, какъ завидѣли казаковъ. Шайка опять обра-

тилась въ бѣгство, преслѣдующіе повстанцовъ козаки начали стрѣлять, а не привычные къ залпу ружей лошади поляковъ закусили удила и какъ бѣшенные помчались по лѣсу. Паны со всего размаху ударялись лбами или туловищами о вѣтви деревъ и съ размозженными головами или грудью летѣли бездыханные на землю, а тѣ, подъ которыми убиты были лошади, не въ силахъ будучи освободиться отъ придавившей ихъ тяжести, предсмертными воплями оглашали лѣсъ. На крикъ несчастныхъ прибѣгали козаки и пикой или выстрѣломъ прекращали ихъ страданія. Чрезъ часъ, полтораста польскихъ труповъ осталось въ лѣсу. Кривицкому и въ этотъ разъ удалось спастись, но когда, въ тридцати верстахъ отъ лѣса, онъ собралъ разбѣжавшіеся остатки своего отряда, то въ немъ было немного болѣе 400 человѣкъ. Измученные голодомъ, двумя трудными днями и двумя безсонными ночами поляки, какъ мертвые, попадали на землю. Они были до того изнурены, что еслибы въ это время случились вблизи русскіе, то, не смотря на данное Кривицкому słowo honoru, не подумавъ даже о сопротивленіи или бѣгствѣ, всѣ добровольно сдались бы въ плѣнъ. Но на этотъ разъ вблизи войскъ русскихъ не случилось, и поляки въ продолженіи ночи успѣли отдохнуть, что бы снова продолжать свою тревожную, соединенную съ ежеминутнымъ ожиданіемъ смерти, жизнь.

Крестьяне тоже съ напряженнымъ вниманіемъ метнулись по всему краю, отыскивая поляковъ, и если которому изъ нихъ случалось хоть немного отстать отъ отряда, или во время бѣгства не догнать своихъ, то ужъ на вѣрное онъ попадался въ руки крестьянъ и сдавался военно-плѣннымъ мѣстнымъ властямъ. Губернскій городъ, которымъ не за долго передъ тѣмъ поляки намѣревались овладѣть, наполненъ былъ плѣнными. Поляки уже достаточно убѣдились въ ненависти къ нимъ крестьянъ, послѣдніе съ омерзѣніемъ говорили о нихъ, и при всякомъ удобномъ случаѣ готовы были мстить имъ за вѣковѣчное угнетеніе. Пылая безсильнымъ мщеніемъ, поляки успѣли сжечь нѣсколько селъ и повѣсить нѣсколько крестьянъ. Инструкція не дѣйствовала болѣе на Кривицкаго, и онъ, еслибы могъ, то, подобно Нерону, захотѣлъ бы, чтобы всѣ русины имѣли одну голову и чтобы можно было отсѣчь ее однимъ ударомъ меча.

Съ своей точки зрѣнія поляки, разумѣется, могли него-

довать на крестьянъ: но и само это негодованіе не доказываетъ ли ни съ чѣмъ не сравнимаго безразсудства людей, которые могли надѣяться на то, что русскій народъ, въ продолженіи вѣковъ, словно бездной отдѣленный отъ нихъ личными, политическими и религіозными интересами, ни съ того ни съ сего, вдругъ станетъ ихъ друзьями и пособниками.

Пять трудныхъ, безсонныхъ и голодныхъ дней и ночей провелъ еще остаковъ отряда Кривицкаго, пока окончательно не былъ уничтоженъ. Не выразимо бѣдственно было положеніе этого жалкаго отряда въ эти ужасные пять дней!... Не успѣютъ они голодные, изнуренные, остановиться, не успѣютъ перевести духъ, какъ появятся солдаты или козаки; ужасъ овладѣваетъ, и они бѣгутъ безъ ладу и толку, сами не зная куда и зачѣмъ. Пройдетъ ли въ дали толпа крестьянъ, подымаетъ ли пыль столбомъ идущее на пастбище стадо, а полякамъ мерещатся уже русскіе, и опять вихремъ мчатся они впередъ, не зная куда и зачѣмъ.

Великъ былъ страхъ смерти, мучившій скитальцевъ; но стыдъ, муки самоуниженія, сознаніе своего ничтожества, безразсудства, терзали сильнѣе страха души нѣкоторыхъ несчастныхъ. Многіе, изъ дворской челяди, забывъ о данномъ словѣ honoru, заговаривали уже о плѣнѣ, но ксендзъ Бронскій возвратился опять къ отряду; онъ былъ мраченъ, какъ духъ зла, пронзительно глядѣлъ въ глаза всякому, какъ бы пугаясь, что бы на челѣ его, какъ на челѣ Каина, не прочелъ кто: братоубійца. Этотъ извергъ имѣлъ вліяніе на Кривицкаго, и почти силой исторгалъ у полковника приказъ повѣсить въ примѣръ прочимъ напомнившихъ о плѣнѣ. Предъ казнію ксендзъ энергически увѣрялъ несчастныхъ, что они не только умрутъ безчестною смертію, но страшно клялся, что днемъ и ночью будетъ просить Бога, чтобъ они были въ аду, гдѣ во вѣки вѣковъ души ихъ терзаться будутъ жестокими и невообразимыми муками. А бѣдныя жертвы и такъ были уже во временномъ аду, и благодѣтельная петля, на которой они испускали духъ, только освобождала ихъ отъ адскихъ мукъ.

Около двѣнадцатаго мая шайка Кривицкаго окончательно была уничтожена.

ГЛАВА XIV.

Въ одинъ прекрасный майскій вечеръ, старикъ Мондровскій, Ядвига, Терлецкая, Дубовская и еще нѣсколько человѣкъ гостей, сидѣли подъ парусиннымъ навѣсомъ балкона мондровецкаго дома. Балконъ выходилъ въ садъ; было тепло; воздухъ наполненъ былъ ароматомъ цвѣтовъ; птички весело щебетали: роскошныя деревья ласкали взоръ, словомъ природа безъ словъ, но ясно говорила людямъ: я хочу, чтобы вы были счастливы! Но не захотѣли счастья польскіе люди, и по доброй волѣ, сами не зная за что и про что, повергли себя въ бѣдствіе, а весь край въ уныніе и разореніе. Печаленъ былъ и старикъ Мондровскій, печальны были дочь, сестра его и гости. Общество сидѣло молча и только временами перекидывалось отрывистыми словами. Всего чаще отзывалась пани Терлецкая, и старая судиха Дубовская. На умѣ и въ словахъ обѣихъ были сыновья.

— Гдѣ то мой Генрихъ? Живъ ли онъ, голубчикъ? спроситъ иногда сама себя Терлецкая и, не получивъ, разумѣется, отвѣта, замолчитъ. Отзывалась и старая судиха, и въ словахъ ея всегда слышались упреки отсутствующему мужу,

Всему виной мой старый, говорила она. Не будь онъ упрямъ, мой Адольфъ давно былъ бы въ конгресовкѣ и былъ бы въ живыхъ! Да и Карла я хотѣла выкупить продавъ серебро; а онъ, жестокій, не позволяетъ, да и говоритъ еще, что теперь деньгами ничего не сдѣлаешь! Ну статочное ли это дѣло, что бы въ губернскомъ городѣ нельзя было за деньги обдѣлать дѣла? Вѣдь онъ—старикъ и самъ служитъ; какъ же ему не помнить, что, бывало, пошлешь нѣсколько сотъ злотыхъ, такъ ужъ какое бы тамъ ни было дѣло, а спишь себѣ покойно!

— Панъ судья имѣетъ резонъ, возразилъ Мондровскій. Теперь прошли уже тѣ времена, когда и въ политическихъ дѣлахъ брали взятки. Не нужно забывать и того, что всего-то чаще пачкали свою совѣсть взятками наши же братья, чиновники-поляки, а въ военно-судныя коммиссіи, конечно, ихъ не пустятъ. Услыхавъ эти слова, пани Дубовская сомнительно покачала головой и опять всѣ замолчали.

Подали на балконъ самоваръ; Терлецкая безмолвно принялась разливать чай, и такъ же безмолвно подчивала гостей.

— А любимая чашка Генриха заперта у меня въ шкафу и не нужна она теперь, подумала Терлецкая. А Дубовская, глядя на серебрянный чайный приборъ, тоже думала:

— Безъ серебра я моглабы обойтись, у меня и такъ оно лежитъ безъ употребленія; непремѣнно нужно убѣдить моего стараго продать серебро!.. Ахъ, какія теперь тяжелыя времена!

И пани Дубовская готова была заплакать.

— Но нѣтъ, не можетъ быть, что бы настало такое тяжелое время, чтобы и деньгами нельзя было откупиться, продолжала думать она и нѣсколько успокоилась.

Панна Ядвига была молчаливѣе всѣхъ и въ продолженіи всего вечера не проговорила ни слова. На ней надѣто было черное изъ тяжелаго сукна платье, а на груди висѣлъ серебряный крестъ на серебрянный же цѣпочкѣ. Этотъ нарядъ былъ форменнымъ мундиромъ самыхъ экзальтированныхъ польскихъ патріотокъ.

Уже совсѣмъ смерклось, а общество все еще сидѣло на балконѣ. Всѣ были молчаливы по прежнему, и Ядвига, сидѣвшая въ сторонѣ, въ самомъ темномъ углу балкона, первая услыхала конскій топотъ скачущихъ не вдалекѣ всадниковъ. Когда онъ достигъ до слуха всѣхъ присутствующихъ, то всѣ, затаивъ дыханіе, прислушивались къ нему съ напряженнымъ вниманіемъ, и если бы не было темно, то можно было бы замѣтить на всѣхъ лицахъ удивленіе, смѣшанное съ нетерпѣніемъ и тревогой.

— Кто бы это могъ быть въ такую пору?, спросила Терлецкая.

— Не козаки ли, замѣтила Дубовская.

Услыхавъ это замѣчаніе, Терлецкая первая въ испугѣ вскочила съ мѣста, а въ слѣдъ за ней и прочіе, кромѣ Мондровскаго.

— Что вы испугались? спросилъ старикъ. У меня не найдутъ ни оружія, ни запрещенныхъ бумагъ, мы можемъ быть спокойны, русскіе страшны только для мятежниковъ.

Сказавъ это, старый Мондровскій всталъ, чтобъ обогнуть домъ и, выйдя на бывшій предъ нимъ дворъ, посмотрѣть, кто были его поздніе гости. Но не успѣлъ старикъ пройдти еще и десяти шаговъ, какъ по дорожкѣ изъ за кустарниковъ, росшихъ вблизи двора, вышла толпа мужчинъ. Ночь была лунная, и Мон-

дровскій узналъ повстанцевъ. Ихъ было не болѣе двадцати человѣкъ, впереди другихъ шли Кривицкій и ксендзъ Бронскій.

— Милости просимъ, панове, проговорилъ ласково хозяинъ.

— Накормите насъ, и мы сейчасъ же отправляемся дальше, сказалъ, не отвѣчая на привѣтствіе хозяина, ксендзъ Бронскій.

Узнавъ, кто были вновь прибывшіе, всѣ подошли къ нимъ и съ одушевленіемъ начали пожимать руки какъ бы воскресшимъ изъ гроба старымъ знакомымъ. Остальные повстанцы были по большей части экономы, писаря и вообще мелкая шляхта, но Мондровскій такъ же, какъ и начальника отряда, пригласилъ ихъ въ домъ, а потомъ приказалъ слугамъ немедленно приготовить ужинъ для гостей. Когда вошли въ комнаты, то при свѣтѣ огня хозяева увидѣли, что повстанцы были страшно блѣдны и худы, что на нихъ было изорванное платье и черное какъ сажа бѣлье. Одинъ только Бронскій измѣнился меньше другихъ, только глаза его какъ-то лихорадочно блистали и бѣгали по угламъ комнаты, не останавливаясь ни на одномъ предметѣ. Терлецкая была какъ бы въ оцѣпенѣніи отъ волненія разнородныхъ чувствъ, она не могла проговорить ни слова. Ядвига тоже молчала.

Когда все общество вошло въ большой залъ, въ двухъ противуположныхъ концахъ его, въ одно и тоже время происходили двѣ слѣдующія сцены. Переступивъ порогъ, Кривицкій остановился, сложилъ на грудь крестообразно руки, и съ грустью глядя на Мондровскаго и качая головой, сказалъ:

— Кто бы могъ подумать! Кто бы могъ предвидѣть!

— Я могъ предвидѣть, подумалъ Мондровскій, но не сказалъ ни слова. Терлецкая стояла въ двухъ шагахъ отъ Кривицкаго и уставила на него вопросительный, тревожный взглядъ.

Въ тоже время ксендзъ скорыми шагами прошелъ всю комнату, и въ слабоосвѣщенномъ двумя бывшими въ залѣ свѣчами углу буквально упалъ въ большое кресло, и закрылъ глаза руками; Ядвига, потупя голову, стояла въ двухъ шагахъ отъ него.

— Кто бы могъ подумать! Кто бы могъ предвидѣть!, повторялъ Кривицкій.

— Пане Кривицкій..., начала было Терлецкая, но, какъ бы

испугавшись звука собственнаго голоса, какъ бы пугаясь отвѣта на вопросъ, не договорила фразы.

Кривицкій взглянулъ на нее; ему видно сдѣлалось неловко, и въ смущеніи онъ поцѣловалъ руку Терлецкой.

— Гдѣ Генрихъ?, рѣшилась, наконецъ, опустивъ глаза въ землю, проговорить она.

— Не знаю, лаконически отвѣтилъ Кривицкій и оба замолкли.

— Гдѣ мой Генрихъ?, спросила, почти въ одно время съ Терлецкой, ксендза Ядвига.

Бронскій притворился, будто не слышитъ вопроса и не отвѣчалъ.

— Панъ Кривицкій, не можетъ быть, что бы вы не знали!... Говорите ради Бога, вопила мать, хватая Кривицкаго за руки и цѣлуя ихъ.

— Богъ съ вами!... Богъ свидѣтель, я не знаю, сказалъ, вырывая руку, еще въ большемъ смущеніи Кривицкій.

— Гдѣ же онъ? Именемъ самаго Бога я васъ прошу отвѣчайте мнѣ, ксендзъ каноникъ!, молила Ядвига, поднявъ глаза къ небу.

— Въ могилѣ, громко, сухо и мрачно отвѣтилъ вспомнившій въ эту минуту пустую сумку Генриха ксендзъ. Чрезъ минуту, несчастную мать вынесли безчувственною изъ комнаты; убитый грустью Мондровскій пошелъ за сестрой, а Ядвига упала на колѣна и, граціозно сложивъ руки, начала молиться.

Увидавъ молитву Ядвиги, ксендзъ всталъ съ своего кресла, принялъ трагическую позу и торжественно проговорилъ:

— О дѣва польская, молись, молись! И днемъ и ночью молись и проси Бога, чтобъ Онъ наказалъ жестокихъ москалей, убійцъ твоего жениха, прекраснаго Генриха! Я былъ свидѣтелемъ мучительной смерти молодаго Терлецкаго. Онъ оставленъ былъ въ Ляховкѣ, а на другой день послѣ москалевскаго сраженія, спѣшилъ, что бы присоединиться къ отряду, онъ уже подъѣзжалъ къ нему, когда его настигли около сотни козаковъ. Увидавъ, что онъ одинъ, а козаковъ много, Генрихъ хотѣлъ сдаться военно-плѣннымъ; но дикіе варвары, пренебрегая и закономъ и обычай, въ моихъ глазахъ убили его, молившаго о пощадѣ. Я былъ не болѣе какъ въ ста шагахъ отъ этой сцены и все видѣлъ, Я невольно вскрикнулъ: Jezus, Maria!..

Козаки замѣтили и хотѣли было меня убить, но я успѣлъ ускакать.

— Жестокіе! варвары!, воскликнула пани Дубовская, такимъ же образомъ они убили и моего Адольфа.

А Ядвига еще выше подняла глаза, еще усерднѣе начала молиться, еще граціознѣе сложила руки.

Какъ быть? Не всегда разберешь, гдѣ истинное чувство, а гдѣ экзальтація. Не рѣдко и дорогой алмазъ валяется въ грязи... Есть молитва и для эффекта.

Когда Мондровскій, съ помощью женщинъ, привелъ въ чувство сестру, онъ возвратился въ залъ. Гостямъ подали кушанье, и голодные повстанцы усердно, молча и торопливо начали уничтожать его. Удовлетворивъ свой волчій аппетитъ, Кривицкій сообщилъ, что они должны очень спѣшить, потому—что москали не далѣе какъ въ пяти верстахъ отъ Мондровецъ, но что, благодаря Бога, они пѣшіе, и потому ему и его спутникамъ удалось ускользнуть отъ нихъ. Гостепріимный хозяинъ усердно подливалъ старое венгерское въ стаканы своихъ гостей. Вино сдѣлало свое дѣйствіе, и къ концу ужина повстанцы нѣсколько разговорились.

— Какія вы имѣете надежды?, спросилъ Мондровскій.

— Отмстить врагамъ, лаконически отвѣтилъ ксендзъ.

— Мы намѣрены, сказалъ Кривицкій, пробраться за границу; тамъ я постараюсь собрать новый отрядъ, и скоро мы опять появимся здѣсь. Между тѣмъ я передаю начальство надъ округомъ пану Полѣскому и обязываю его подготовить къ моему возврату нашихъ къ возстанію.

Услыхавъ эти слова, Мондровскій поблѣднѣлъ, но на время молчалъ.

— Несчастные соотечественники!, воскликнулъ онъ наконецъ; ужели еще найдутся между вами такіе, которые послушаются безумныхъ подстрекательствъ жалкихъ агитаторовъ возстанія?

Кривицкому стало какъ-то неловко послѣ этой энергичной выходки, и онъ смолчалъ, но не унялся неугомонный ксендзъ.

— А висѣлица?, проговорилъ онъ, мрачно уставивъ въ Мандровскаго свой змѣиный взглядъ.

Мондровскій, не обративъ вниманія на ксендзовскую угрозу, всталъ съ своего мѣста и прошелся нѣсколько разъ мѣрными и твердыми шагами по комнатѣ. По временамъ онъ оста-

накливался и обводилъ присутствующихъ полнымъ мысли и чувства взглядомъ. Видно было, что онъ собирается говорить, и ксендза тревожила предвидѣнная имъ рѣчь, но великій духъ старика будто проникъ въ души всѣхъ бывшихъ тутъ, сила воли его наложила какъ-бы оковы на болѣе слабыя натуры, всѣ молчали и съ напряженнымъ вниманіемъ ожидали слова Мондровскаго. Смирилась и упорная ксендзовская душонка, ксендзъ досадовалъ, но молчалъ.

— Господа, началъ Мондровскій, и всѣ притаили дыханіе, господа! Вы не удивили меня извѣстіемъ о вашемъ злополучіи. Я его предвидѣлъ въ тотъ моментъ, когда вы затѣвали ваше сумазбродное предпріятіе. Какъ зритель сторонній, какъ человѣкъ менѣе васъ экзальтированный, болѣе опытный и, можетъ быть, здравомыслящій, я видѣлъ ясно то, что съ вами случилось; тѣмъ хуже для тѣхъ, которые не послушались голоса истины и дружбы; снова повторяю вамъ, вы не поразили меня новостью событія. Не предвидѣлъ я только тяжелой для меня утраты моего добраго, честнаго Генриха. Я думалъ наказать его за его увлеченіе тревогами, лишеніями и опасностями бурной жизни повстанца, но не ожидалъ такого трагическаго окончанія роли, какую взялся разыгривать мой злополучный Генрихъ,— эта самая чистая и неповинная жертва безумія моихъ сосѣдей. Да приметъ ее Богъ какъ жертву очищенія отъ грѣховъ его преступныхъ собратій, да сподобитъ его лучшей участи, въ лучшей жизни, а убійца его да будетъ проклятъ и здѣсь и на небѣ.

Тоска и негодованіе сдавили грудь Мондровскаго, онъ замолчалъ на минуту. Слушатели его были въ оцѣпенѣніи; ксендзъ Бронскій вздрогнулъ при послѣднихъ словахъ старика; Мондровскій продолжалъ:

Но убійцею Генриха я не считаю того казака, который нанесъ ему физическій ударъ; не на его голову упадетъ проклятіе старика и гнѣвъ небеснаго правосудія: онъ честно исполнилъ свой долгъ, онъ убилъ бунтовщика; онъ невиннѣе всѣхъ тѣхъ, которые стрѣляли въ присяжныхъ воиновъ своего законнаго короля. Да будетъ проклятъ тотъ, кто убилъ его нравственно, поставилъ на ложной дорогѣ, экзальтировалъ его энергичную натуру, его впечатлительную душу, подставилъ его благородное сердце подъ пулю праведныхъ мстителей. Большая

половина этого проклятія упала здѣсь и упадетъ тамъ на голову безсердаго безумца Волинскаго, но не малая часть его относится и къ одному изъ настоящихъ гостей моихъ.

При этихъ словахъ, Мондровскій невольно устремилъ сверкавшій негодованіемъ взоръ на ксендза Бронскаго, и сей послѣдній, словно ошеломленный ударомъ молота, сдѣлалъ быстрое движеніе головою внизъ. И Ядвига почему-то забыла свою роль,—опустила глаза и руки долу.

Старикъ Мондровскій обвелъ повстанцевъ печальнымъ и пристальнымъ взглядомъ, а тѣ стояли, потупя головы; Мондровскій продолжалъ:

Извините меня, господа, что, убитый личнымъ моимъ горемъ, я преимущественно останавливалъ ваше вниманіе на трагической развязкѣ молодой жизни моего добраго, незабвеннаго Генриха и оставлялъ безъ вниманія дѣло Польши вообще и постигшее отрядъ вашъ злополучіе вчастности; но что я могу сказать вамъ такого, о чемъ бы не говорили краснорѣчивѣе всякаго человѣка сами событія! Вотъ предо мною, въ одной комнатѣ, стоитъ горсть того легкомысленнаго воинства, которое— ни больше ни меньше—хотѣло бороться съ націей, на борьбу съ которой едвали отважится третій разъ Европа. Какъ не вспомнить при этомъ изреченія знаменитаго полководца, знаменитаго врага Россіи, сказавшаго въ подобномъ вашему положеніи: отъ великаго до смѣшнаго одинъ шагъ! И точно, ваше положеніе было бы слишкомъ смѣшно, еслибы не было такъ жалко. Не горячитесь, ксендзъ Бронскій, продолжалъ ораторъ, замѣтивъ, что тотъ закопошился и собирался было говорить! Я могу напередъ повторить то, что вы могли бы сказать. Я очень хорошо изучилъ ваше краснорѣчіе; образчикъ его мы всѣ слыхали недавно въ новодиворскомъ костелѣ. По милости этого внушеннаго вамъ самимъ адомъ краснорѣчія, нѣтъ дома польскаго, въ которомъ бы не было траура, нѣтъ родителей, которые неоплакивали бы сына, невѣсты, которая не лишилась бы жениха. По милости подобныхъ вамъ агитаторовъ, нація наша облеклась въ трауръ—не тотъ мечтательный, безпричинный, которымъ вы забавлялись назадъ тому нѣсколько мѣсяцевъ и на который нельзя было смотрѣть безъ улыбки человѣку благоразумному, а трауръ дѣйствительный, вызванный утратой лучшихъ дѣтей Польши. Мы теперь подобны тѣмъ египтянамъ,

которые нашли утромъ во всякомъ своемъ домѣ мертвеца. Бездушные и безмозгіе агитаторы возстанія раззорили край, остановили всѣ дѣла, а что составляетъ самое главное несчастіе наше— оттолкнули отъ себя великодушіе добраго, благонамѣреннаго нашего Монарха, даровавшаго намъ столько милостей и сулившаго въ будущемъ еще болѣе; мы ожесточили противъ себя добрый здѣшній народъ, озлобили противъ себя все русское населеніе, всю прессу. Теперь, точно, намъ осталось только бѣжать изъ той страны, въ которой мы жили, могли жить довольнѣе и спокойнѣе, чѣмъ гдѣ либо на земномъ шарѣ, но въ которой намъ оставаться теперь безчестно и неудобно. Трудно же предположить, чтобы нація, надъ великодушіемъ которой мы такъ много разъ глумились, которая такъ много разъ прощала насъ, захотѣла еще выжидать отъ насъ революціонныхъ вспышекъ, не подумала о средствахъ къ самозащищенію, къ обезпеченію спокойствія своего въ будущемъ, чтобъ она не озаботилась уничтоженіемъ этого государства и подавленіемъ враждебнаго ея вѣрѣ и народности элемента. Да будутъ прокляты всѣ тѣ, которые повергли насъ въ такое безвыходное положеніе, которые немогли ужиться съ такимъ кроткимъ и великодушнымъ народомъ, каковъ русскій!....

Ксендза будто ранилъ кто въ сердце; онъ выпрыгнулъ изъ кресла, пожалъ саркастически плечами, зѣвнулъ и, обратясь къ Кривицкому и повстанцамъ, сказалъ: amen. Кажется, продолжалъ онъ, панъ Мондровскій кончилъ свое казанье; намъ пора въ путь; незабудьте, что москали въ пяти верстахъ отсюда!

Повстанцы вышли молча изъ комнаты, сѣли на коней и помчались догонять вихръ въ полѣ, мечтать о будущихъ побѣдахъ надъ москалями,—преслѣдовать миражъ.

Ядвига еще граціознѣе сложила руки, еще выше подняла глаза къ небу и торжественно уплыла въ свою комнату. Возлѣ пани Терлецкой, поминутно падавшей въ обморокъ, все еще возились женщины и горничныя. Панъ Мондровскій, повѣся голову, ушелъ въ свою спальню, упалъ на колѣна предъ иконой и началъ читать de profundis за упокой души своего незабвеннаго Генриха.

Н. Шигаринъ.

15 февраля 1864 г. Кіевъ.

О НАРОДНЫХЪ ЮЖНО-РУССКИХЪ ПѢСНЯХЪ.

Изученіе отечественной народности въ разныхъ отношеніяхъ сдѣлалось у насъ въ послѣднее время существенною задачею ученыхъ. Въ настоящее время вниманіе ихъ обращено не на одни только памятники политической жизни народа, какъ это было доселѣ, но и на памятники внутренняго быта—юридическаго, религіознаго, семейнаго и пр.; почему, въ одно время съ актами дипломатической и административной жизни нашего отечества, издаются сочиненія, имѣющія предметомъ родную археологію, собираются этнографическіе матеріалы, изучаются народные обряды и записываются устныя преданія и народныя повѣрья. При такомъ настроеніи общественной мысли, конечно, не могъ не возбудиться вопросъ о народной поэзіи и, какъ вопросъ о предметѣ, который проливаетъ яркій свѣтъ на внутренній бытъ народа, не могъ не стать на видномъ мѣстѣ. И дѣйствительно, собираніе, изданіе и изученіе памятниковъ устной народной словесности стало предметомъ особеннаго вниманія просвѣщенныхъ соотчичей, такъ что сюда направлена большая часть историческихъ изысканій. Возникая изъ стремленія къ изученію своей народности, явленіе это объясняется еще столько же новостію и важностію самаго предмета, сколько и тѣмъ интересомъ, какой онъ возбуждаетъ въ изслѣдователѣ: раскрыть вѣрованія и убѣжденія роднаго народа, въ младенческомъ его состояніи, узнать исторію его внутренней, задушевной жизни, подслушать его сердечный лепетъ—задача сама по себѣ въ высшей степени любопытная и поучительная. Вотъ причины, въ силу которыхъ мы рѣшаемся остановить вниманіе читающихъ людей на южно-русской народной поэзіи. Но прежде чѣмъ вступимъ въ этотъ безхитростный міръ народнаго творчества, предпошлемъ нѣсколько замѣчаній касательно первоначальной поэзіи всякаго народа вообще.

Въ историческомъ развитіи жизни каждаго народа главнымъ образомъ замѣчаются двѣ поры, двѣ ступени: время первоначальнаго развитія, когда народъ только что пробуждается къ самопознанію, только-что заявляетъ свое назначеніе и время позднѣйшей гражданственности. Соотвѣтственно этимъ двумъ эпохамъ жизни, и въ словесности каждаго народа бы-

ваютъ два періода времени, существенно разнящіеся другъ отъ друга: періодъ элементарной художественной дѣятельности народа и время его дѣятельности позднѣйшей, чисто-литературной. Словесность, являющаяся въ позднѣйшую пору и служащая выраженіемъ высшаго народнаго развитія, называется словесностью письменною, или литературою. Слагаясь изъ дѣятельности частныхъ лицъ, преслѣдующихъ свои частныя цѣли и стремленія, и образуя литературу общества, она не составляетъ принадлежности цѣлаго народа, почему и не имѣетъ непосредственнаго отношенія къ жизни его. Словесность у народовъ, стоящихъ на первой ступени развитія, обыкновенно называютъ *естественною*, *устною*, *безъискусственною* и всего чаще *народною*. Каждое изъ этихъ названій вытекаетъ изъ сущности самаго предмета и характеризуетъ его съ той или другой стороны. Такъ, первоначальную словесность называютъ *естественною*, потому что она вытекаетъ изъ естественной жизни народа, возникаетъ въ первобытномъ его состояніи, когда люди еще не вышли изъ непосредственныхъ отношеній къ природѣ; *устною* она называется потому, что произведенія ея, составляя достояніе народа безграмотнаго, хранятся въ народной памяти и изустно передаются отъ поколѣнія къ поколѣнію—живутъ въ устахъ народа; *безъискусственною* называютъ ее потому, что народъ говоритъ въ ней отъ полноты душевной, не помышляя объ искусствѣ въ выраженіи и складѣ; наконецъ, названіе *народной* она носитъ потому, что въ безъискусственныхъ ея произведеніяхъ по преимуществу отражается жизнь народа, высказывается душа его и непосредственный взглядъ на міръ. Возникая изъ жизни народа, какъ дѣйствіе изъ своей причины, словесность эта принадлежитъ всему народу съобща и имѣетъ сама прямое и непосредственное отношеніе къ его жизни. А находясь въ такой живой связи съ народной жизнію, она отвѣчаетъ на всѣ запросы и жизненныя потребности народа, и потому служитъ для него источникомъ свѣжихъ силъ для жизненной борьбы, необходимымъ дополненіемъ его нравственному существованію. Такое высоко-нравственное значеніе первоначальная словесность отчасти сохраняетъ даже въ эпоху позднѣйшей гражданственности народа, въ ней простолюдинъ не перестаетъ искать и находить удовлетвореніе своимъ духовнымъ потребностямъ и такимъ образомъ облегчаетъ грудь свою отъ накопившихся болей и заботъ своего житья-бытья. Въ силу та-

каго, всеобъемлющаго и высокаго ея значенія для народа, мы оставляемъ за нею имя *народной*.

Народную словесность можно назвать народной *поэзіей*, и это на слѣдующемъ основаніи. Уже замѣчено было, что устная словесность является у народовъ, стоящихъ на первой ступени развитія, а въ эту пору въ развивающемся субъектѣ, будь онъ индивидуумъ или народъ, преобладаютъ надъ прочими силами и способностями души чувство и фантазія,—главнѣйшіе дѣятели въ области изящнаго, которые, подчиняя себѣ сознательное мышленіе, на все смотрятъ подъ поэтическимъ угломъ, на все набрасываютъ покровъ фантазіи. Въ младенческомъ возрастѣ гражданственности народовъ, говоритъ Вико (въ своей Scienza nuova), надъ всѣми силами духа господствуетъ фантазія: она кладетъ печать свою на религію, законодательство, философію, словомъ,—на всѣ отрасли нравственной дѣятельности народа. Чувство же, замѣчаетъ Гегель, будучи главнымъ источникомъ художественнаго творчества, одушевляетъ и оплодотворяетъ всякое созданіе фантазіи, сообщаетъ ему истинность и жизнь и, при образномъ его воплощеніи, удерживаетъ въ субъективномъ единствѣ съ творящимъ духомъ. Кромѣ этого внутренняго, существеннаго признака, по праву дающаго народной словесности значеніе поэзіи, самая форма, въ которую младенчествующій народъ облекаетъ свое міросозерцаніе, есть форма поэтическая, стихотворная. Стихотворный языкъ есть первая грамота народа, есть выраженіе чувствъ и мыслей, обыкновенно предшествующее прозѣ: ибо когда безграмотный народъ желаетъ ввѣрить общественной памяти какую-либо полюбившуюся ему мысль, высказать и завѣщать другимъ извѣстное движеніе сердца или увѣковѣчить память извѣстныхъ событій, тогда умъ народный, находясь подъ вліяніемъ чувства и фантазіи, невольно располагаетъ слова и звуки въ такомъ порядкѣ, чтобы память могла удобнѣе удержать ихъ, чтобы прельщенное имъ ухо, изъ жажды собственнаго удовольствія, всегда берегло ихъ въ одномъ и томъ же размѣщеніи и препятствовало памяти перемѣщать ихъ. Такой порядокъ размѣщенія словъ возможенъ только при соблюденіи извѣстныхъ метрическихъ условій, а слѣд. порядокъ этотъ—стихотворный. Очевидно, такимъ образомъ, что устная словесность и народная поэзія тождественны. Но такъ какъ терминъ *народная поэзія* точнѣе обозначаетъ и ощутительнѣе характеризуетъ предметъ, то мы и условимся принять его.

Источникъ поэзіи вообще есть творческій духъ человѣка, или—говоря частнѣе—чувство и фантазія. Какъ способности души, чувство и творящая фантазія врождены всѣмъ людямъ вообще и вчастности—народамъ и недѣлимымъ, одному въ большей, другому въ меньшей мѣрѣ. Отъ этого у каждаго народа есть своя народная поэзія, сохраняющая всю прелесть самобытности и плѣняющая наивностію и вѣчно-юною простотою своихъ произведеній. У каждаго народа бываютъ такія лица, которыя превосходятъ другихъ глубокостію своихъ натуръ и силою талантовъ; эти-то лица, сосредоточивая въ себѣ современныя чувствованія и воззрѣнія народа и, въ тоже время, нося въ душахъ своихъ сильно зовущее ихъ къ дѣйствованію, безкорыстное чувство изящнаго,—творятъ народную поэзію, выражая въ ней складною рѣчью взглядъ народа на видимую природу, на отношеніе человѣка къ другимъ, къ природѣ и вѣкожизненнымъ богамъ, правящимъ міромъ. Лица эти—незнаемые и не рѣдко безграмотные пѣвцы, или разскасчики изъ среды народа. Облеченныя въ удобопамятныя и нравящіяся народу формы роднаго языка, эти ихъ воззрѣнія и чувствованія легко замѣчаются народомъ и передаются изъ поколѣнія въ поколѣніе, какъ завѣтъ предковъ потомству. Грубость и необработанность языка не препятствуетъ ихъ безсмертію: и самый необразованный языкъ, движимый силою народнаго генія и поэтическаго творчества, можетъ выражать свѣтлыя идеи, высокія по мысли и благородныя чувствованія. Такъ, самая грубая масса, отъ прикосновенія мощной и послушной идеѣ руки, принимаетъ прелестную форму; такъ, обыкновенный инструментъ, вдохновенный геніемъ артиста, издаетъ плѣнительную гармонію, овладѣваетъ нашимъ сердцемъ и заставляетъ насъ грустить или радоваться, безъ всякаго съ нашей стороны предрасположенія.

Обнимая всѣ жизненныя отправленія народа, народная поэзія воспѣваетъ всѣ явленія общественной и частной жизни, поэтому предметъ ея составляютъ: народныя преданія и вѣрованія, религіозныя торжества, общественныя празднества, походъ, война, смертный случай, свадьба и пр., наконецъ субъективныя состоянія души и сердца, словомъ всѣ обстоятельства народной жизни и самыя мелкія житейскія, обиходныя подробности. Съ нашей точки зрѣнія, многіе изъ этихъ предметовъ такъ маловажны сами по себѣ, что едва ли всостояніи настроить на поэтическій ладъ и возбудить творческую дѣятельность, но въ глазахъ младенчествующихъ на-

родовъ они имѣютъ такое же огромное значеніе, какое въ пору позднѣйшей гражданственности важныя историческія событія, и потому служатъ для народныхъ пѣвцовъ какъ источникомъ вдохновенія, такъ и самымъ предметомъ пѣснопѣвія.

Оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, какимъ родомъ поэзіи человѣчество начало или могло начать свою художественную дѣятельность, замѣтимъ, что естественная поэзія всякаго народа проявляется или музыкою, какъ голосомъ непосредственнаго чувства, впервые пробудившагося, эпопеею, какъ впервые пробудившимся въ народѣ поэтическимъ познаніемъ его прошедшей жизни. Поэзія драматическая, какъ высшая ступень развитія поэзіи и вѣнецъ искусства, является у народа уже съ созрѣвшею цивилизаціей, въ эпоху полнаго его развитія, и слѣд. У народа, только что знакомящагося съ условіями гражданственности, ея нѣтъ, или существуетъ она только въ возможности, какъ зародышъ, таясь въ обрядовой пѣснѣ, религіознаго или гражданскаго содержанія. Поэтому у всѣхъ народовъ область народной поэзіи ограничивается или одними лирическими, или только эпическими, или по большей части тѣми и другими произведеніями вмѣстѣ: это—*пѣсни, пословицы и сказочно-героическія повѣствованія*, въ обширномъ значеніи. По непреложному закону развитія народовъ, и южнорусское народное сознаніе первоначально высказалось этими тремя формами поэтическаго слова.

I.

Пѣсня есть первобытная и по преимуществу общая форма народной поэзіи. Какъ художникъ, такъ и народъ въ пѣсняхъ изображаетъ внутреннее состояніе души, и потому пѣсня есть исторія сердца человѣческаго. Душа, пораженная какимъ-либо фактомъ изъ міра внѣшняго или психическаго, приходитъ въ состояніе полноты, и, по сродному ей стремленію излить эту полноту въ міръ внѣшній, высказываетъ себя лирическимъ пѣснопѣніемъ: радость ли наполняетъ ее, ей нужно подѣлиться радостью съ другими, скорбь ли давитъ сердце, ей нужно освободиться отъ скорби, какъ отъ тяжкой ноши. Такимъ образомъ, содержаніе пѣсни составляетъ всякое явленіе жизни, всякое событіе, дѣйствующее на душу; быль внутренняя, словомъ-явленія внутренней или внѣшней дѣйствительности: „пѣсня *быль*, сказка-складка", справедливо замѣчаетъ русская пословица. Эта быль, волнующая душу, приводящая ее въ состояніе полноты и нудящая ее

излиться въ звукахъ, иначе высказывается въ безыскусственныхъ пѣсняхъ народа и иначе подъ перомъ образованныхъ писателей: художникъ свои неопредѣленныя индивидуальныя ощущенія отдѣляетъ отъ своего *я* и поставляетъ какъ бы внѣ себя, созерцаетъ ихъ, просвѣтляетъ, возводитъ на степень образныхъ мыслей и наконецъ выражаетъ ихъ въ исчерпывающей формѣ; народъ, въ которомъ духъ еще тѣсно связанъ съ природой, не способенъ къ подобному рефлексу, и потому высказываетъ себя цѣликомъ, а слѣд. и съ такими ощущеніями, въ которыхъ общая, разумная сторона слита съ животною; а не разанализировавъ своихъ ощущеній, онъ, въ силу неотразимой логики, не можетъ сообщить имъ и отчетливой формы, а только намекаетъ. Этимъ то способомъ непосредственно выражается внутренній міръ и объясняется, почему народная пѣсня всегда отличается простотою и неподдѣльнымъ младенческимъ лепетомъ до того, что сей-часъ можно узнать произведеніе образованнаго писателя, силящагося поддѣлаться подъ тонъ народный. Какой же изъ этихъ двухъ способовъ выражать внутренній міръ удовлетворительнѣе? Творящій духъ, какъ истинное и субстанціальное въ себѣ основаніе, вступая въ предѣлы конечнаго, кладетъ печать своей природы на выражающую его вещественность, въ слѣдствіе этого на формѣ произведеній искусства отражаются субстанціальныя свойства творческаго духа-свобода, уразумѣваемость или ясность, и индивидуальность или единичность. И чѣмъ полнѣе эти свойства отражаются въ художественномъ созданіи, тѣмъ оно яснѣе проявляетъ идею, и чрезъ это тѣмъ болѣе имѣетъ вліяніе на жизнь человѣка, а слѣд. тѣмъ совершеннѣе. Въ искусственныхъ произведеніяхъ образованнаго писателя, рефлектирующаго, обобщающаго и условляющаго въ отчетливую форму свои ощущенія, очевидно, творческій духъ проявляется свободнѣе и яснѣе; въ безъискуственныхъ же созданіяхъ народа онъ является во всей индивидуальности. Поэтому, съ эстетической точки зрѣнія, первыя совершеннѣе и выше послѣднихъ. Но если мы въ народной лирикѣ не будемъ искать источника нашихъ эстетическихъ наслажденій и взглянемъ на нее, какъ на полное и неподдѣльное проявленіе души народной; то эта *непосредственность* выраженія послѣдней составитъ незамѣнимую драгоцѣнность: пѣсни, излившіяся прямо изъ сердца народа, составляютъ первые, безъискусственные звуки его поэзіи и чистые отпечатки его темперамента и характера.

Душевная полнота, высказывающаяся не пѣснопѣніемъ, предполагаетъ состояніе одушевленія, восторга, творчества. А находясь въ состояніи поэтическаго настроенія, душа не можетъ не выражать себя гармонически, въ поэтической формѣ,—не можетъ не изливаться въ мелодическихъ звукахъ; отсюда—двѣ принадлежности пѣсни, *складъ* и *напѣвъ*, которыя такъ существенны и необходимы, такъ много значатъ для пѣсни, что она торяетъ всю свою обаятельную прелесть, если говорится или читается, а не поется. Метрическія и музыкальныя условія народной пѣсни, по большей части, отличны отъ каданса и напѣва пѣсни искусственной.

Такимъ образомъ, народныя пѣсни важны въ двоякомъ отношеніи: во-первыхъ, какъ-памятники народной жизни, какъ произведенія, вышедшія непосредственно изъ условія быта народа, его религіи, взгляда на жизнь, и во-вторыхъ, какъ живая исторія языка народа, его эстетическаго чувства и своеобразнаго раскрытія слова и звука.

Посмотримъ теперь на южно русскія народныя пѣсни. Но такъ какъ онѣ составляютъ видъ славянскихъ пѣсень вообще, то мы предпошлемъ этому разсмотрѣнію краткій взглядъ на народную лирику славянъ вообще.

Славянское племя преимущественно одарено живымъ чувствомъ, полнотою души и поэтическимъ творчествомъ; отъ этого оно, въ сравненіи съ другими племенами, самое пѣвучее. Будучи, такимъ образомъ, отъ природы склонны изливать душу свою въ звукахъ, славяне высоко цѣнили свои пѣсни, говоря, что божество для того вдохновило ими сердца дѣвицъ и юношей, чтобъ народный языкъ не потерялъ своей свѣжести,—чтобъ народъ не упалъ духомъ въ несчастія, чтобъ юноши и старцы сохранили свѣжесть чувства, заботясь какъ о пѣсняхъ, такъ и о музыкѣ, неотступной ихъ спутницѣ. (Spiewanky Kollara, I. 59, 63, 64). При такомъ взглядѣ на поэзію, естественно, и поэтъ пользовался особеннымъ уваженіемъ и почетомъ: народъ смотрѣлъ на него, какъ на любимца неба, которое вдохнуло ему вѣщія пѣсни, и хранитъ его для блага людей—„*пѣвца додраго милуютъ боги* (pieъce dobra miluit bozi),“ говоритъ чешская пѣсня„ Забой, Славой и Людскъ“. Такая врожденная склонность къ пѣнію и такое уваженіе къ народнымъ пѣснямъ и пѣвцамъ не могли не породить въ народѣ множества пѣсень. Частныя появленія сборниковъ народныхъ пѣсень, въ различныхъ мѣстахъ, фактически подтверждаютъ это. Какой же характеръ пѣсень сла-

вянъ вообще? Изученіе ихъ приводитъ изслѣдователя къ слѣдующему заключенію: религіозность, остроуміе и задушевность составляютъ главныя характеристическія черты ихъ. Онѣ показываютъ намъ народъ, который, возсылая мольбы къ небу, любилъ свое остроуміе проявлять сатирою, которую относилъ и къ себѣ, и къ другимъ, почему болѣе забавлялъ, чѣмъ сердилъ, а подъ-часъ заставлялъ и призадумываться. Грусть, печаль, столь свойственная славянскимъ народамъ, во все продолженіе своей жизни испытывавшимъ превратности судьбы, является въ пѣсняхъ славянскихъ преобладающимъ чувствомъ. Даже подвѣнечныя и свадебныя пѣсни славянъ поражаютъ вниманіе наблюдателя грустью мотива и содержанія. Наконецъ, въ народныхъ пѣсняхъ славянъ сильно отпечатлѣвается нѣжное чувство: обращалъ ли славянинъ свои пѣсни къ Высочайшему существу, воспѣвалъ ли богатырскіе подвиги и обряды, пѣлъ ли любовныя пѣсни, разсматривалъ ли человѣка нравственно и сатирически,—онъ всегда изливалъ грустныя и нѣжныя чувства; ими онъ отучивалъ всю жизнь своей души и сердца. Такимъ образомъ, пѣсни славянъ изображаютъ весь внутренній міръ ихъ: выражаютъ ихъ чувства и всѣ симпатіи, показываютъ воображеніе ихъ и нравственный взглядъ на жизнь, рисуютъ черты ихъ характера и, наконецъ, присутствіемъ сатирической стихіи, знаменуютъ въ нихъ желаніе лучшей жизни.

Принадлежа къ семьѣ славянскихъ народовъ, народъ южно-русскій также отличается особенною склонностію къ пѣнію. Во всѣхъ почти случаяхъ жизни частной и общественной, въ печали и въ радости, онъ любитъ отводить свою душу отъ житейскихъ заботъ и печалей пѣніемъ. Эта любовь сопровождать жизнь свою пѣснями даже родила въ немъ поговорку—*жить припѣваючи*. При такомъ лирическомъ настроеніи народа, естественно, должны были существовать у насъ и пѣвцы народные, должны были появиться, въ огромномъ количествѣ, народныя пѣсни. Изученіе нашей старины подтверждаетъ то и другое. Подобно тому, какъ у грековъ были рапсоды, у шотландцевъ барды, у норманновъ скальды, у французовъ трубадуры, у нѣмцевъ миннезингеры, у литовцевъ вайделоты,—въ южной Руси были *бандуристы*, въ послѣдствіи, *лирники*, воспѣвавшіе все, что въ жизни казалось имъ почему либо замѣчательнымъ. И хотя ихъ постигла общая участь народныхъ пѣвцовъ, т. е. имена ихъ исчезли для потомства; но пѣсни, сложенныя ими, переходя изъ рода

въ родъ, какъ завѣтъ предка къ потомству, доселѣ уцѣлѣли и образуетъ для народа завѣтный міръ, куда онъ такъ любитъ уноситься. При разсмотрѣніи южно-русскихъ народныхъ пѣсень, прежде всего поражаетъ изслѣдователя многочисленность ихъ: ихъ считаютъ не десятками и сотнями, какъ многіе другіе народы, а тысячами: не такъ-то давно у насъ стали заниматься собираніемъ народныхъ пѣсень, а мы уже имѣемъ ихъ до 5 тысячъ. Эта многочисленность, съ одной стороны, показываетъ, сколь богато наше народное чувство, какъ много народъ испыталъ поэтическихъ мгновеній въ своей жизни и какъ много творчества въ его духѣ; съ другой стороны, нельзя не удивляться памяти народа, удержавшей такое громадное количество пѣсень, и живому сочувствію, съ какимъ онъ принимаетъ ихъ. Естественно, при такой многочисленности пѣсень, народная лирика исчерпала все, что только можетъ быть ея предметомъ, и представила отголосокъ на всякое явленіе жизни, на всякое состояніе души и сердца: весело ли, грустно ли, у южнорусса на все есть своя пѣсня, или такая, которая наэлектризуетъ и заставитъ позабыть всю горечь жизни, или ужъ охватитъ душу такой тоской, такимъ томленіемъ, что и жизнь немила.

Народная лирика, проявившаяся такимъ огромнымъ количествомъ фактовъ, должна выразить всю полноту народной жизни. И южно-русскія пѣсни, какъ въ зеркалѣ, отражаютъ всю жизнь южно-русскаго народа, со всѣми ея разнообразными проявленіями. Но какъ ни разнообразно это содержаніе пѣсень, все же, при помощи логическаго обобщенія, его можно свести къ меньшему числу понятій; а потому и всѣ произведенія южно-русской народной лирики могутъ быть подведены подъ опредѣленное число разрядовъ.

Ем. Бѣлобровъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

АТЛАСЪ Г. РИТТИХА.

(БИБЛІОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА).

Недавно изданъ атласъ народонаселенія западно-русскаго края, по исповѣданіямъ, составленный подполковникомъ генеральнаго штаба г. Риттихомъ. Въ настоящее время, какъ всякому извѣстно, трудъ этотъ имѣетъ особенную важность, а заслуга его составителя

тѣмъ болѣе значительна, что ему приходилось бороться съ самыми непреодолимыми трудностями [1]).

Атласъ состоитъ изъ десяти картъ—одной, общей для всего края, и девяти, для каждой западной губерніи отдѣльно. Каждая губернская карта состоитъ изъ двухъ частей—изображенія мѣстности и подробнаго на поляхъ показанія жителей по приходамъ. Въ первой части обозначены населенія православныя, католическія и т. д.; на поляхъ находятся особыя статистическія таблицы. Кромѣ того, на картахъ бѣлорусскихъ губерній отмѣчены мѣстности гдѣ устроиваются православныя церкви, а на литовско-русскихъ—тѣ, въ которыхъ сохранились старинныя православныя братства. Общая карта представляетъ общія данныя. На поляхъ ея сведены статистическія таблицы частныхъ картъ и исчислено процентное отношеніе жителей по исповѣданіямъ и племенамъ.

Вотъ главнѣйшія данныя, заключающіяся въ атласѣ г. Риттиха. Всѣхъ жителей въ девяти западныхъ губерніяхъ числится 10,659,712 д. Изъ нихъ православныхъ 62.56%, католиковъ 24,7%, старообрядцевъ 0,98%, протестантовъ 0,62% и магометанъ 0,06%. Такимъ образомъ на каждую 1000 православныхъ приходится 390 католиковъ, 174 еврея, 16 старобрядцевъ, 10 протестантовъ и 1 магометанинъ. Пропорція же населенія по племенамъ нѣсколько другая, именно: русскихъ 64,73%, евреевъ 11,07%, поляковъ 8,86%, литовцевъ 8,53%, жмуди 4, 29%, латышей 1,75%, молдаванъ 0,39%, нѣмцевъ 0,32% и татаръ 0,06% Слѣдовательно на каждую 1000 русскихъ приходится 174 еврея, 137 поляковъ, 131 литовецъ, 66 жмудяковъ, 27 латышей, 6 молдованъ и 1 татаринъ. Въ частности же, по губерніямъ, приходится: въ кіевской католиковъ только $3^1/_2$%, въ могилевской католиковъ $4^1/_2$%, а поляковъ 2,7%, волынской 11% и 11,85%, подольской—12% и 12,72%, минской—18% и 11,7% витебской—29% и 5,5%, гродненской—31% и 9,52% виленской—68% и 14,32% и въ ковенской—90% и 3%.

Сплошное православное населеніе занимаетъ югозападныя губер-

[1]) Руководствомъ при его составленіи служили свѣдѣнія епархіальныхъ начальствъ, д та статистическаго комитета и академіи наукъ, а также изслѣдованія гт. Бобровскаго, Афанасьева, Буша, Лебедкина, Кеппена и Гирштовта.

нiи, почти всю Бѣлорусiю и значительную часть Литвы; сплошное католическое—всю ковенскую губернiю и западную часть витебской, виленской и гродненской, затѣмъ въ остальныхъ оно расположено незначительными группами. Труднѣе разграничить населенiе по племенамъ. Впрочемъ, говоря вообще, русскiе живутъ на востокъ отъ линiи, идущей по инфляндскимъ уѣздамъ на Новоалександровскъ, Ошмяны, Гродно, Бѣлостокъ. А на западъ отъ этой линiи—литовцы занимаютъ западную часть виленской и восточную ковенской и латыши—западную половину витебской и сѣверныя границы ковенской. Нѣмцы живутъ въ нѣкоторыхъ городахъ и разбросаны колонiями, молдаване на границѣ Подолiи съ Бесарабiей, татары незначительными поселками въ Литвѣ и на Волыни, а поляки и евреи разбросаны по всему краю.

Что касается числа церквей, то ихъ въ краѣ состоитъ православныхъ 6865, въ томъ числѣ 5650 приходскихъ и 1215 приписныхъ, и католическихъ 1339, въ томъ числѣ 296 приписныхъ. Такимъ образомъ прихожанъ на каждую православную приходскую церковь приходится по 1180 чел., а если считать и приписныя—то по 971 чел. На католическую же приходится по 2524 прихожанина. Такимъ значительно большимъ количествомъ прихожанъ, а также тѣмъ, что къ числу ихъ принадлежитъ весь богатѣйшiй классъ, объясняется, между прочимъ, благолѣпiе католическихъ костеловъ и богатыя средства къ роскошной жизни ксендзовъ. Православныя церкви, имѣющiя весьма небольшiе приходы, состоящiя притомъ изъ лицъ самаго бѣднаго сословiя, естественно, не могутъ съ ними соперничать.

Кромѣ этихъ свѣдѣнiй, въ атласѣ г. Риттиха показано болѣе 50 православныхъ братствъ въ виленской губернiи и болѣе 150 въ гродненской. О братствахъ въ другихъ мѣстностяхъ, къ сожалѣнiю, не упоминается, по неимѣнiю о нихъ свѣдѣнiй.

Вотъ факты, значительно уясняющiе религiозную и нацiональную физiономiю западно-русскаго края. Конечно поляки противоставятъ имъ данныя своего собственнаго издѣлiя. По словамъ г. Риттиха, польское духовенство, въ ущербъ русскому элементу, въ своихъ отчетахъ — католиковъ бѣло-и мало-руссовъ причисляло обыкновенно то къ латышамъ, то къ литовцамъ, а послѣднихъ двухъ къ полякамъ.

Такимъ образомъ уменьшая на бумагѣ русское племя, оно фальшиво усиливало польскій элементъ.

Въ заключеніе этой замѣтки повторимъ еще разъ, что атласъ г. Риттиха есть результатъ самаго тяжелаго и добросовѣстнаго труда. Числовыя данныя, которыя такъ интересуютъ теперь каждаго русскаго, основаны на мѣстныхъ, статистическихъ изслѣдованіяхъ, провѣренныхъ съ офиціальными документами центральныхъ вѣдомствъ.

СТАТИСТИКА ЦАРСТВА ПОЛЬСКАГО. Въ Царствѣ Польскомъ, по спискамъ народонаселенія считается 4,433,000 жителей. Самая значительная часть земскихъ имѣній принадлежитъ 5,600 семействамъ (25,000 лицъ обоего пола) высшаго сословія. Мелкая шляхта, или такъ называемая участкова, состоитъ изъ 30,000 семействъ (171,500 человѣкъ обоего пола), участковая шляхта владѣетъ землею, но вообще она считаетъ униженіемъ заниматься хлѣбопашествомъ. Преимущество предъ всѣми другими занятіями имѣетъ общественная служба, и участковая шляхта доставляетъ Царству Польскому отъ 15 до 16,000 чиновниковъ. Гордая относительно крестьянъ, дѣйствительно занимающихся хлѣбопашествомъ, шляхта эта не считаетъ за обиду поступать на службу къ вельможамъ. Она, можно сказать, исключительно подстрекала къ возстанію. Доказано что всего болѣе совершено преступленій, въ особенности всего болѣе повѣшено крестьянъ и сожжено ихъ домовъ, въ уѣздахъ: ломжинскомъ (августовской губерні), сѣдлецкомъ (люблинской губерніи), остроленкскомъ и пултускомъ (плоцкой губерніи), а въ четырехъ этихъ уѣздахъ всего болѣе проживаетъ участковой шляхты; короли польскіе роздали ей земли въ этихъ пограничныхъ провинціяхъ, которыя она обязана была защищать.

Въ уѣздахъ:

Ломжинскомъ	считается	58,165	чел.	участковой	шляхты.
Сѣдлецкомъ	„	22,628	„	„	„
Остроленскомъ	„	16,488	„	„	„
Пултускомъ	„	13,466	„	„	„
	Всего	110,747	чел.		

Въ другихъ уѣздахъ Царства Польскаго, среднимъ числомъ ее считается отъ 800 до 1,000 человѣкъ.

Духовенства въ Царствѣ Польскомъ считается 4,660 членовъ; изъ нихъ 2,218 прелатовъ и пробощей, 1,080 монаховъ и 521 монахинь. Польское духовенство и въ настоящее время получаетъ со всѣхъ поземельныхъ доходовъ (естественныхъ произведеній) десятину; 913,300 человѣкъ другихъ не католическаго вѣроисповѣданія подчиняются этому же сбору, на равнѣ съ католиками.

Средняго класса (купцовъ, промышленниковъ, ремесленниковъ и вообще мѣщанъ) можно считать круглымъ числомъ 950,000 человѣкъ, въ томъ числѣ 584,000 человѣкъ іудейскаго вѣроисповѣданія. Хотя этотъ классъ народа нельзя считать въ совершенной зависимости отъ высшей шляхты, какъ участковую шляхту или крестьянское населеніе, однако и онъ находится подъ ея вліяніемъ. Изъ 453 мѣстечекъ и городовъ въ Царствѣ Польскомъ 228 принадлежитъ частнымъ лицамъ, а судебныя и административныя власти состоятъ, такъ-сказать, подъ непосредственнымъ вліяніемъ или покровительствомъ вельможъ.

Подъ такимъ вліяніемъ или покровительствомъ всего болѣе находится сельское населеніе, котораго считается 3,170,000 душъ: оно дѣлится такъ:

1,279,500 мелкихъ арендаторовъ; 522,200 крестьянъ, которые владѣютъ собственною землею, но въ административномъ и судебномъ отношеніяхъ, состоятъ въ зависимости отъ владѣльцевъ-помѣщиковъ; 26,000 евреевъ, на такихъ же условіяхъ; 1,603,300 крестьянъ, проживающихъ на господскихъ земляхъ, которыя они обработываютъ; наконецъ, 1,438,000 крестьянъ-пролетаріевъ, изгнанныхъ господами и лишенныхъ надѣла, скота, и даже самыхъ необходимыхъ хозяйственныхъ принадлежностей.

Итакъ, во главѣ народа, находится (круглымъ числомъ) 30,000 высшей шляхты и духовенства, и 170,000 участковой шляхты. Изъ средняго класса, 95,000 лишены всякаго вліянія на дѣла. Изъ 3,270,000 земледѣльцевъ, третья часть находится въ самомъ нищенскомъ и бѣдственномъ положеніи.

АКТЪ

благочинническої конгрегаціи (собора) брагинскаго благочинія, минской губерніи, рѣчицкаго уѣзда.

1863 года, декабря 17 дня. Минской епархіи, рѣчицкаго уѣзда, брагинскаго благочинія, священники, въ числѣ 11-ти, подъ предсѣдательствомъ мѣстнаго благочиннаго, священника Максима Эремича, съѣзжались въ село Стреличевъ, въ домъ священника Іакова Зморовича, для единодушнаго и всеобщаго совѣщанія о разныхъ дѣлахъ вѣры православной, церкви и отечества. По съѣздѣ всѣхъ 12 священниковъ (всѣ собрались къ полудню), засѣданіе открылось пѣніемъ: „Царю небесный“ и „Днесь благодать Святаго Духа насъ собра“. Всѣ священники чинно сѣли на мѣстахъ и благочинный прочиталъ краткіе пункты программы предметовъ, подлежащихъ всеобщему разсужденію собравшихся священниковъ.

Послѣ сего начались взаимныя совѣщанія между священниками.

Священники всего благочинія, на этомъ собраніи, единодушно постановили:

1) Искоренять въ домахъ прихожанъ, а тѣмъ болѣе въ домахъ духовенства, если гдѣ будутъ замѣчены, польскія книги, не въ духѣ православномъ, а также и польской или иностранной кисти иконы и картины, несогласныя съ православно-византійскимъ стилемъ. Можно допустить терпимость подобныхъ иконъ въ тѣхъ только домахъ, гдѣ бываютъ смѣшаны члены семейства (между православными) православные съ римскими. Да и въ такихъ домахъ прихожанъ, гдѣ мужеское поколѣніе православное, не должны быть терпимы польскія иконы, въ особенности святыхъ, непризнанныхъ православною церковію. При предстоящемъ посѣщеніи домовъ прихожанъ съ славленіемъ въ праздникъ Рождества Христова и окропленіемъ св. водою домовъ христіанскихъ въ день богоявленія Господня, сдѣлать наблюденіе, и, если окажутся помянутыя книги и иконы, съ кротостію внушить пользу ихъ уничтоженія. Затѣмъ выписать для прихожанъ, чрезъ посредство мѣстнаго благочиннаго изъ Москвы, иконы на бумагѣ (образцы коихъ предъявлены благочиннымъ собору священниковъ) въ каждую церковь на 6-ть руб. сер., и продавать ихъ въ церкви при свѣчахъ, въ видѣ опыта.

2). Отмѣнить нынѣ же, къ празднику Рождества Христова, существующій еще въ 6-ти церквахъ брагинскаго благочинія обычай звонить въ разгонъ (по римски), а начать звонить въ сердца по православному.

3). До сего времени многіе изъ духовныхъ, въ особенности женскій полъ, въ общеніи съ поляками, говорили по польски. Отнынѣ никому изъ духовныхъ, ни подъ какимъ предлогомъ, не говорить по польски, даже съ ближайшими сосѣдями и друзьями, подъ опасеніемъ преслѣдованія общимъ презрѣніемъ такого лица, которое нарушитъ этотъ обѣтъ. Священники на этотъ разъ сами должны наблюдать за членами своего семейства, а дьячковъ, пономарей и просфирень, мѣстный благочинный обяжетъ по сему предмету подписками, кои будетъ хранить у себя.

4). При совершеніи бр ковъ православныхъ лицъ съ съ римскими (особенно изъ простолюдиновъ, коихъ у насъ много), стараться кротко, благоразумно и осторожно усовѣщевать—принимать православіе, ничуть не прибѣгая въ этомъ дѣлѣ къ принудительнымъ мѣрамъ, натяжкамъ и угрозамъ.

5). Строго наблюдать за тѣми домами прихожанъ, въ коихъ члены семейства смѣшаны православные съ римскими, дабы православная отрасль молилась и крестилась по православному, а не по польски, что часто замѣчается, если мать католичка, (особенно въ приходахъ церквей хойницкой, загельской, остроглядовицкой, микулицкой и брагино-селецкой). Домы такихъ прихожанъ стараться навѣщать чаще другихъ.

6). Нѣкоторые изъ причтовъ, подъ благовидными предлогами, не ставляли куда слѣдуетъ всей прибыли, отъ продажи въ церквахъ свѣчей и приносимаго (остающагося отъ церковнаго расхода) воска. Отнынѣ стараться всѣми возможными средствами объ увеличеніи свѣчной суммы, заботясь о распродажѣ свѣчей, не только въ церкви, но и при всѣхъ требоисправленіяхъ и прибыльную сумму представлять всю, не обращая ея въ кошельковую, помня всегда, на какой предметъ сумма эта предназначена. Такъ какъ этого рода сумма часто представлялась до сего времени не вся, то хотя бы послѣдовало, по какому либо случаю, и уменьшеніе ея (чего, кажется, быть не можетъ), то восполнять недостающую цифру свѣчной суммы изъ кошельковой, или другихъ церковныхъ доходовъ. Затѣмъ, при предстоящемъ посѣщеніи домовъ прихожанъ въ праздники Рождества Христова и Богоявленія, для увеличенія свѣчнаго дохода, велѣть причетникамъ доста-

вить предварительно въ домы прихожанъ свѣчи для продажи такъ, чтобы до прихода священника въ домъ, свѣча или лампада была возжена предъ иконами.

7). Хотя по особому распоряженію епархіальнаго начальства, брагино-селецкая церковь, какъ возсоединенная изъ уніи въ православіе, изъята была до селѣ отъ взноса прибыльной отъ продажи свѣчей суммы, а продажа свѣчей въ сказанной церкви производится теперь въ большемъ количествѣ, чѣмъ въ нѣкоторыхъ древле православныхъ церквахъ (что подтвердилъ и мѣстный священникъ); то съ сего года, начать представлять куда слѣдуетъ какъ отъ сей, такъ и приписной къ ней—церкви—свѣчную прибыльную сумму.

8). Стараться рачительно производить выписку и продажу вѣнчиковъ и разрѣшительныхъ молитвъ—такъ, чтобы никто изъ умершихъ (даже изъ младенцевъ) не былъ погребенъ безъ возложенія ихъ на покойника. При семъ заботиться выписывать и расходовать вѣнчики болѣе цѣнные (въ особенности для зажиточныхъ прихожанъ), имѣя въ виду, что сумма отъ продажи вѣнчиковъ и молитвъ поступаетъ въ духовно-учебный капиталъ.

9). Кружки заведенныя при церквахъ въ пользу церквей и школъ западныхъ губерній, поставить на самыхъ видныхъ мѣстахъ и заботиться о болѣе значительномъ доходѣ, помня, что учрежденіе такихъ кружекъ, есть одно изъ самыхъ сильныхъ противудѣйствій польско-римской пропагандѣ.

10). Изъ 12 приходовъ брагинскаго благочинія, только въ двухъ м. Брагиня приходахъ и въ с. Глуховичахъ, отъ давнихъ временъ, продолжается благочестивый обычай, славить въ домахъ прихожанъ, въ дни Пасхи и Рождества Христова съ чтеніемъ евангелій. Полезно было бы ввесть этотъ благочестивый обычай, приличный особенно въ седмицу Пасхи, и во всѣхъ приходахъ, что будетъ благотворно во многихъ отношеніяхъ для прихожанъ, тѣмъ болѣе, что съ улучшеніемъ быта крестьянъ, они начали праздновать всю свѣтлую седмицу, воспоминая вмѣстѣ съ освобожденіемъ Христомъ рода человѣческаго отъ рабства діавольскаго и свое освобожденіе отъ рабства вѣковѣчнаго подъ гнетомъ польскаго панства.

11). Всѣми зависящими мѣрами искоренять суевѣрные обычаи между прихожанами, гдѣ эти обычаи (ходить съ козою, переряживаться и проч.) водятся, въ Рождественскіе святки, въ Новый годъ, на Пасху, въ дни св. Тройцы на-

канунѣ рожденія Іоанна Предтечи и въ другія времена года, какъ то: во время жатвы и уборки хлѣба. Также воспретить прихожанскимъ дѣтямъ-юношамъ и дѣвицамъ собираться по праздничнымъ вечерамъ, на гульбища возлѣ питейныхъ домовъ, и на такъ называемыя *вечорни*, а если и дозволять иногда невинныя забавы и собранія, то не иначе какъ въ присутствіи родителей или родственниковъ.

12). Внушать прихожанамъ и настаивать во время великаго поста, говѣть по крайней мѣрѣ по три дня, какъ это положено правиломъ церкви и предписываемо было начальствомъ, убѣждая, по крайней мѣрѣ стариковъ и старухъ (и неговѣющихъ), приходить въ пятокѣ на преждеосвященные литургіи.

13). При крещеніи младенцевъ возлагаются на нихъ крестики, а между тѣмъ никто почти изъ прихожанъ (какъ мущинъ такъ и женщинъ) не носятъ на груди крестиковъ; по сему внушить имъ, дабы всякій христіанинъ носилъ на груди своей крестъ отъ рожденія до могилы. На этотъ предметъ запастись значительнымъ количествомъ (изъ Чернигова) крестиковъ съ ленточками, чрезъ посредство мѣстнаго благочиннаго, и во время великаго поста, (¹) при говѣніи продавать ихъ въ церкви при свѣчахъ. Прибыль отъ продажи крестиковъ, обращать преимущественно въ кружку—„на возстановленіе православнаго христіанства на Кавказѣ.“

14). Убѣждать прихожанъ и настаивать, дабы неупустительно ходили въ церковь въ воскресные и праздничные дни; а изъ дальнихъ деревень по крайней мѣрѣ по очередно,—по одному лицу изъ членовъ семейства; остающіеся же дома, должны въ это время усердно молиться, при возженіи свѣчи, каковая должна быть во всякомъ домѣ. При этомъ объявить прихожанамъ, чтобы, являясь за какими либо дѣлами къ священнику, въ воскресенья или въ праздники (какъ то кумы, сваты и проч.) старались бы прибывать по раньше такъ что бы могли присутствовать при божественной литургіи. Также внушать прихожанамъ, чтобъ они какъ подобаетъ святили праздничные дни, не занимались бы житейскими работами, а особенно—не предавались бы пьянству, что къ сожалѣнію, часто въ нихъ замѣчается.

15). Богослуженія и христіанскія требы исполнять неупустительно и съ должныхъ благоговѣніемъ, никогда не оста-

---

[1]) Можно и въ другія времена. Ред.

вляя пасомыхъ безъ приличныхъ случаю поученій и назиданій. Таинство-елеосвященія, почти неизвѣстное нашимъ деревенскимъ прихожанамъ, стараться вводить въ употребленіе и совершать надъ болящими, объясняя пользу и важность этого таинства. Дьячкамъ и пономарямъ постоянно внушать, дабы въ церкви и при отправленіи требъ пѣли и читали внятно и съ благоговѣніемъ и пріучали къ хоровому пѣнію дѣтей, обучающихся въ приходской школѣ. При семъ внушать прихожанамъ, дабы всею церковію пріучались пѣть Вѣрую во единаго Бога, Отче нашъ, Подъ твою милость и Спаси Господи люди твоя.

16). Стараться заводить послѣ заутрени, или предъ литургіей въ воскресенья и праздники практическія и религіозныя бѣсѣды съ прихожанами, а въ особенности съ дѣтьми ихъ, обучающимися въ училищахъ, и раздавать грамотнымъ изъ церковной библіотеки книги для чтенія.

17). Всѣми зависящими отъ духовенства мѣрами заняться обученіемъ дѣтей прихожанъ грамотѣ и закону Божію, въ заведенныхъ при церквахъ школахъ,—помня, что это прямая его обязанность, а Богъ и правительство наша награда.

18) Такъ какъ прихожане (особенно деревенскіе) уклоняются посылать дѣтей своихъ въ школы, для обученія грамотѣ, а при посылкѣ пономарей по деревнямъ, не аккуратно и не безропотно высылаютъ дѣтей своихъ, для обученія молитвамъ Господнимъ; то отъ сего времени, тѣхъ жениховъ и невѣстъ, которые не озаботились, имѣвъ къ тому случай, обучиться правильно молиться Богу, заставлять сперва усовершенствоваться въ исполненіи этого долга и тогда уже сочетать бракомъ. О знаніи женихомъ и невѣстою молитвъ и начальныхъ истинъ вѣры (если они другаго прихода) вносить въ предбрачныя свидѣтельства. Этимъ, какъ уже показалъ опытъ, много возбудится въ простолюдинахъ сознательность въ необходимости грамотности и важности сознательной молитвы.

19). Поелику не во всѣхъ деревняхъ приходовъ существуютъ сельскіе праздники и не вездѣ на кладбищахъ устроены молитвенныя дома; то внушать прихожанамъ, чтобы они, по примѣру прочихъ деревенскихъ жителей, имѣли свои храмовыя иконы, кои и должны быть поставлены или въ приходскихъ церквахъ, или въ молитвенныхъ домахъ. Это возвыситъ религіозность въ прихожанахъ и значительно (какъ опытъ доказалъ) увеличитъ церковные доходы. Во время со-

вершанія такихъ праздниковъ, имѣютъ обычай, въ особенности женщины, въ значительномъ количествѣ полагать предъ храмовою иконою, въ пользу церкви, отъ своихъ трудовъ, холстъ, ленъ, платки и воскъ.

20). Что всего важнѣе и современнѣе, стараться заводить, или возстановлять (гдѣ они прежде были) православныя при церквахъ братства, объясняя цѣль ихъ и обязанности, руководствуясь въ семъ случаѣ опубликованными въ губернскихъ вѣдомостяхъ правилами. По примѣру братства, существующаго доселѣ съ *1645 года 1-го ноября* при брагинской Николаевской церкви, священникамъ церквей хойницкой, загальской, строгл ядовицкой и брагино селецкой, въ приходахъ которыхъ много латинянъ и смѣшанныхъ православныхъ съ римскими прихожанъ, въ противодѣйствіе польской пропагандѣ,—не отлагательно заняться организованіемъ церковныхъ братствъ и въ свое время довесть о семъ до свѣдѣнія мѣстнаго благочиннаго.

21). Нѣкоторые изъ священниковъ имѣли привычку носить кафтаны, подобные по покрою кафтанамъ, какіе носятъ римскіе ксендзы, а также употреблять нѣкоторые свѣтскія одежды и фуражки; отъ сего же времени искоренить это вовсе, и носить форменныя священническія одежды, какъ въ церквахъ, такъ и н публичныхъ мѣстахъ и при требахъ,—въ домы прихожанъ являться въ рясахъ

22). Наконецъ, войдти съ представленіемъ къ начальству, чрезъ посредство мѣстнаго благочиннаго, священникамъ тѣхъ церквей, при коихъ (кажется, почти при всѣхъ) мѣстности, на разстояніи отъ церквей въ окружности—въ 20 саженяхъ, или заняты частными постройками, или подъ усадьбами, противу законно состоящими въ пользованіи разныхъ лицъ, нерѣдко евреевъ и р. католиковъ,—дабы земли эти, при предстоящей повѣрочной коммиссіи, предоставлены были въ пользованіе причтовъ, на вышеозначенномъ пространствѣ,—или по крайней мѣрѣ были защитаны усадьбами церковными и очищены отъ стороннихъ построекъ.

По окончаніи единодушныхъ совѣщаній и разсужденій о вышеизложенныхъ предметахъ (они окончились въ 6 часовъ по полудни), примирены были три священника, отчасти враждовавшіе между собою. Потомъ представлены были собору священниковъ дьячекъ и пономарь, нерадивые по должности, грубые и ослушники (къ тому же любящіе и выпить лишнее), и по уличеніи мѣстными священниками ихъ поступковъ, въ

лицѣ всѣхъ священниковъ, испросивъ (у своихъ мѣстныхъ настоятелей) прощеніе—дали мѣстному благочинному подписки исправиться, поблагодаривъ соборъ іереевъ за отеческое вразумленіе.

Единодушное и братолюбивое совѣщаніе священниковъ (при коемъ, кромѣ двухъ молодыхъ людей, окончившихъ курсъ семинарскихъ наукъ, никого изъ постороннихъ не было) заключено было пѣніемъ священной пѣсни: Нынѣ отпущаеши и проч. и взаимнымъ другъ друга лобзаніемъ. По предложеніи хозяиномъ,— (осчастливленнымъ, какъ онъ самъ выразился, присутствіемъ въ его домѣ, единовременно 12 священниковъ, столь знаменательнымъ по своему апостольскому числу, и составленіемъ перваго многоплоднаго и благопотребнаго акта въ домѣ его) хлѣба и соли, всѣ священники того же дня разъѣхались къ мѣстамъ своего пребыванія пользуясь удобнымъ расположеніемъ благочинія, въ которомъ самымъ дальнимъ двумъ священникамъ приходилось ѣхать отъ мѣста собранія домой 20 верстъ а одному только 55 верстъ, который, по приглашеніи отца Зморовича, остался ночевать въ его домѣ.

Съ настоящаго акта, каждый священникъ благочинія, для руководства въ его исполненіе, долженъ имѣть копію, подлинный же актъ, послѣ подписанія его всѣми священниками, представить посредствомъ мѣстнаго благочиннаго его высокопреосвященству, на его архипастырское разсмотреніе и утвержденіе, испрашивая при семъ его архипастырское благословеніе, да поможетъ намъ Господь Богъ—осуществить на дѣлѣ единодушные обѣты наши, на пользу церкви православной и любезнаго нашего русскаго отечества.

Подлинный актъ подписали:

Предсѣдатель совѣщанія, *брагинскій* благочинный, священникъ *Максимъ Эремичъ*.

Подвѣдомые священники:

1. Села Алексичь, Николаевской церкви священникъ *Константинъ Сулковскій*.

2. Села Загалья, Троицкой церкви священникъ *Николай Зморовичъ*.

3. Мѣстечка Хойникъ, Покровской церкви священникъ *Іоаннъ Лисевичъ*.

4. Села Стреличева, Михайловской церкви священникъ *Іаковъ Зморовичъ*.

5. Села Бабчина, Кресто-воздвиженской церкви священникъ *Василій Сахновичъ.*

6. Села Остроглядовичъ, св. Троицкой церкви священникъ *Григорій Лелявскій.*

7. Села Микуличъ, Богоявленской церкви священникъ *Іоаннъ Козляковскій.*

8. Села Глуховичъ, Михайловской церкви священникъ *Петръ Козляковскій.*

9. Села Чиколовичъ, Воскресенской церкви священникъ *Кириллъ Подольскій.*

10. Села Брагино-Сельца, Преображенской церкви священникъ *Андрей Петельчицъ.*

11. Мѣстечка Брагиня, Рождество-Богородицкой церкви священникъ *Іуліанъ Мигай.*

Съ подлиннымъ вѣрно брагинскій благочинный, священникъ *Максимъ Эремичъ.*

Отъ редакціи »Вѣстника«.

Разсуждая «о характерѣ и дѣятеляхъ народнаго образованія» (Вѣстн. 1863 г. книга 8, отд. IV, стр 115—182) и изыскивая средства къ поднятію нравственно-религіознаго состоянія народа, „Вѣстникъ" невольно остановилъ свой взглядъ на *пресвитеріяхъ* и *конференціяхъ* (или *конгрегаціяхъ*) протестантскихъ и англиканскихъ. Громадное вліяніе этихъ учрежденій на объясненіе религіозныхъ интересовъ, рѣшеніе сомнительныхъ вопросовъ, догматику, случаевъ и обстоятельствъ практики церковной и, наконецъ, на улучшеніе нравственности и благосостоянія народа,—заставило »Вѣстникъ« такъ выразиться объ этихъ учрежденіяхъ: „Послѣ краткаго очерка пресвитерій и конференцій, нужно ли еще выражать желаніе, чтобы привить ихъ тамъ подобнаго рода *благодѣятельныя* учрежденія. Впрочемъ вопросъ объ учрежденіи пресвитерій (нашихъ братствъ) уже на ходу; желалось бы, чтобы подобное сочувствіе встрѣтилъ и вопросъ о *конференціяхъ малыхъ*, похожихъ на бывшіе *соборцы* западнаго края Россіи (тамъ же, стран. 147, см. примѣч.)„ Это было сказано назадъ тому почти полтора года. Братства вездѣ почти возникаютъ въ западномъ краѣ [1]) Россіи;

[1]) Мы не видимъ причины, почему бы нельзя было открывать и въ великой Россіи братства собственно церковныхъ прихо-

а вотъ мы имѣемъ счастіе заявить предъ публикой и актъ одного собранія пастырей церкви со всей околицы, для обсужденія разныхъ вопросовъ, касающихся внутренней и внѣшней стороны православія въ краѣ, не разъ испытавшемъ зловредныя дѣйствія латинопольской пропаганды. Честь и благодареніе отцу благочинному Эремечу и его сотрудникамъ. Да поможетъ имъ Богъ осуществить на дѣлѣ ихъ предначертанія и обѣты! Да произраститъ посѣянное ими зерно плодъ многи, и соборъ ихъ (или *малая конференція*) да будетъ иниціативою безконечнаго ряда подобныхъ ему! Польза подобныхъ собраній и совѣщаній, важность и обязательность формулированныхъ цѣлыми корпораціями обѣтовъ и улучшеній, вліяніе ихъ на поднятіе религіозно-нравственной стороны народа, на противодѣйствіе враждебной Россіи и православію пропаганды, не могутъ, конечно, быть намѣчены и указаны въ этой бѣглой замѣткѣ.

РУСЬ ЗАБУЖНАЯ.

Тяжелое время, переживаемое Русью, должно послужить наукою на будущее. Но для того, чтобы не пропали безплодно всѣ наши ошибки и разочарованія, чтобы горькій опытъ, пріобрѣтаемый нами теперь, вывелъ насъ на прямой путь, извлекъ изъ коснѣнія и заставилъ, безбоязненно, изучая дѣйствительность, приняться за неторопливую, но безостановочную работу въ пользу своего народа, мы должны счесть свои силы и беречь ихъ отъ уклоненій съ праваго пути; мы должны безъ устали бодрствовать, оберегая великое отечество отъ козней и происковъ тайныхъ и явныхъ враговъ его.

Много враговъ у Руси, и самые опасные ея враги—враги внутренніе, ставящіе свои выгоды выше выгодъ отечества. Лицемѣры готовятъ Руси великія бѣдствія въ будущемъ, предавая землю нашу ея явнымъ врагамъ. Я считаю обязанностію способствовать, на сколько могу, уясненію въ общественномъ самосознаніи истиннаго значенія дѣятельности хохломановъ.

Тяжело обличать,—но надо же разъясненіемъ темнаго дѣла помочь обществу, дабы дальнѣйшія событія не повлекли за собою неисчислимыхъ несчастій.

жанъ, имѣющихъ такое огромное вліяніе на улучшеніе умственной и нравственной стороны прихода, на устройство человѣколюбивыхъ заведеній, благолѣпіе храмовъ Божіихъ и обезпеченіе церковныхъ причтовъ.

Всѣмъ извѣстно, что повидимому совершенно невинные хохломаны говорятъ о своей горячей любви къ Руси; но, быть-можетъ, и сами эти народолюбцы не знаютъ, что, посѣвая раздоръ въ лонѣ великой земли, готовятъ ей въ недалекомъ будущемъ, если осуществятся ихъ *невинныя* затѣи, междоусобіе болѣе грозное и гибельное, нежели вѣковая ея борьба съ Польшей.

Намъ могутъ возразить, что хохломаны не думаютъ *въ настоящее время* объ отдѣленіи юга и юго-запада «Руси» отъ «Россіи,» что они добиваются только, чтобъ имъ дозволили и помогли воспитать 15,000,000 русскихъ людей и, разумѣется, воспитать, какъ хочется *невиннымъ* людямъ.

Но въ этомъ вся и вина. Хохломаны, сочиняющіе Малороссію въ Новороссіи и воронежской губерніи и готовые сочинить ее въ новгородской и псковской, отбиваютъ дѣло народнаго образованія въ юго-западной Руси, освободившейся уже изъ-подъ иноземнаго ига, отбиваютъ это дѣло у людей, которые сохранили свою родину для Руси, и кровью и мученическими вѣнцами запечатлѣли свою вѣрность къ ней, отбиваютъ за тѣмъ, чтобъ *отдѣлить* отъ великой отчизны области, стремившіяся къ соединенію съ нею цѣлыя столѣтія. Хохломаны принимаютъ участіе въ народномъ движеніи въ австрійской Руси за тѣмъ, чтобы склонить тамошнее русское уніатское и католическое духовенство къ союзу съ поляками и къ враждѣ съ «россіянами.»

Всякому извѣстно, что вездѣ, гдѣ трудятся хохломаны, не говоря уже о положительномъ вредѣ, ихъ дѣятельность совершенно неумѣстна, потому что безполезна, не нужна. Но тамъ, гдѣ хохломаны могли бы принести хотя относительную пользу, гдѣ Русь еще не возстановлена въ своемъ правѣ— учиться, молиться и управляться по русски,—въ польской Руси, [1]) они не дѣлаютъ ничего и, кажется, не хотятъ ее и знать. А будь теперь Люблинъ или Бяла въ такомъ безопасномъ положеніи отъ враговъ, какъ Харьковъ или Полтава, тамъ непремѣнно въ пшеницѣ завелись бы плевелы.

Въ люблинской губерніи, гдѣ всего только два какія-то

[1]) Разумѣемъ Русь въ люблинской и августовской губерніяхъ.

убогія училища русскія, въ Яблочинскомъ монастырѣ (въ радзинскомъ уѣздѣ) и въ Дрогичинѣ, заведенное православнымъ священникомъ Гинтовтомъ (сѣдлецкаго уѣзда), гдѣ языкъ русскій сохраняется только по деревнямъ и маленькимъ мѣстечкамъ, уступивъ въ большихъ городахъ польскому, гдѣ все соединилось къ скорому и окончательному искорененію русскаго языка и русской народности, хохломаны не заводятъ училищъ, не печатаютъ книгъ и азбукъ для народа, да даже и не посылаютъ книгъ сюда изъ Петербурга, Кіева и Львова.

Не въ правѣ ли мы назвать сорною травой то, что растетъ только тамъ, гдѣ растетъ пшеница и, притомъ, растетъ на счетъ послѣдней и во вредъ ей?

Но снова возразятъ намъ добродушные «россіяне,» какъ величаютъ ихъ *русскіе,* то-есть народолюбцы,—тамошніе жители, вѣроятно, до того осчастливлены чужеземными панами, что хохломаны только поэтому и не заботятся о люблинцахъ, не желая препятствовать сліянію ихъ съ поляками.

Я хорошо знаю бѣдность и страданія здѣшняго простонародья, но чтобы не заподозрѣли меня наши *великодушные* космополиты, мѣряющіе все на свой аршинъ, въ пристрастіи, беру цѣликомъ изъ № 150 газеты Tygodnik Illustrowany за 1862 г. слѣдующія строки:

«Надбужные крестьяне вовсе не отличаются красотой и стройною полнотой. Цвѣтъ лица обыкновенно блѣдный и смуглый, станъ сгорбленный. Женщины тоже не красивы. Надбужный крестьянинъ, съ дѣтства пріученный къ тяжкому труду, часто во всю жизнь не удаляется и на нѣсколько верстъ отъ своего села. Воскресенья въ церкви, праздники, крестины, свадьбы въ его маленькомъ мірѣ—вотъ всѣ событія въ его жизни. Иногда доставка хлѣба, когда наймется бурлакомъ въ Данцигъ, дѣлается для него средствомъ къ познанію свѣта и людей. А когда старость убѣлитъ его волосы, согнетъ тѣло и отниметъ силу, тогда онъ сдаетъ дѣтямъ свое хозяйство, и самъ, не желая быть имъ въ тягость, отростивъ бороду, беретъ торбу на плечи и палку въ руки и, добровольно идя по-міру, проситъ милостыню при церкви своего села и таскается по окрестнымъ деревнямъ.....»

Не въ правѣ ли общество, читая это далеко не полное обличеніе, это описаніе мужицкой бѣды, съ презрѣніемъ отнес-

тись къ недобросовѣстнымъ увѣреніямъ лицемѣровъ, что они заботятся о благѣ своего народа, когда имъ нѣтъ дѣла до народа бѣдствующаго?

Возможно еще одно возраженіе. Быть-можетъ, здѣшніе крестьяне, истомленные тяжкою долей, принужденные на старости лѣтъ *добровольно* идти по міру,—не земляки хохломановъ? Это правда; здѣшнее простонародное нарѣчіе, не взирая на то, что оно такъ долго подвергалось вліянію польщизны, гораздо ближе къ общерусскому языку, нежели особый русскій, сочиняемый хохломанами *языкъ*.

Еще могутъ сказать, что въ люблинской губерніи русская народность не подвергается опасности, что ей не грозитъ скорое уничтоженіе. Поэтому я считаю не лишнимъ привести слѣдующія цифры, собранныя съ величайшимъ трудомъ уѣздными начальниками и доказывающія, какъ близко здѣсь къ погибели русское дѣло.

Уѣзды.	Народонаселеніе и вѣроисповѣданіе.				
	Правосл. и стар.	Уніяты.	Еванг.	Катол.	Евреи.
Сѣдлецкій	107	4,971	3,698	91,701	17,515
Бяльскій	29	43,721	19	23,723	11,515
Радзинскій	9	57,857	564	42,082	22,055
Красноставскій	526	26,816	31	67,967	11,124
Всего *)	671	183,365	4,512	225,473**)	82,357

Изъ этой таблицы видно, что даже въ уѣздахъ, сопредѣльныхъ съ освободившеюся отъ польскаго ига Русью, р. католики

---

*) Свѣдѣнія, доставленныя изъ самаго южнаго по Бугу уѣзда люблинской губерніи, до того сомнительны, что я не рѣшаюсь привести ихъ здѣсь.

**) Р. католиковъ менѣе. Но, при истребленіи войтами гминъ, при помощи окольной шляхты, подъ видомъ неизвѣстныхъ актовъ народной перепеси, listow ludności, уніяты перечисляются цѣлыми десятками въ р. католиковъ. Духовенство уніятское, большею частію слѣпо-послушное панамъ и ксендзамъ, не смѣетъ и не хочетъ заявить объ этомъ.

превышаютъ числомъ уніатовъ. Внутренніе же уѣзды совершенно окатоличены. Но и р. католики здѣшніе все-таки русскіе люди, хотятъ русскаго образованія и тѣмъ болѣе имѣютъ права на участіе, чѣмъ большая опасность ополячиться и стать врагами Руси угрожаетъ имъ.

Н. Виноградовъ.

24 марта 1864 г.
Сѣдльце.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ.

Въ редакцію «Вѣстника» прислано недавно изъ одного мѣста юго-западнаго края Россіи слѣдующее замѣчательное письмо, содержаніемъ котораго мы считаемъ себя обязанными подѣлиться съ читателями «Вѣстника».

Милостивый Государь

Ксенофонтъ Антоновичъ!

Простите меня, что я рѣшился безпокоить васъ этимъ письмомъ, въ которомъ заключается всепокорнѣйшая просьба къ вамъ.

По обязанности и сочувствію къ доброму дѣлу, я давно уже устраиваю въ казенныхъ имѣніяхъ школы, для крестьянскихъ дѣтей. Слава Богу, есть уже выстроенныхъ въ этомъ округѣ 54 школы, всѣ онѣ снабжены: и мебелью, и книжками, и ученіе идетъ по не многу. Ученіе начато по старинному: отъ букварей, молитвенниковъ, часослововъ и псалтырей, причемъ упражняются мальчики и дѣвочки и въ чтеніи такъ называемой гражданской печати, но вотъ какое случилось горе: на бѣду выписалъ я для школъ своихъ Исторію Россіи въ картинахъ. Говорю на бѣду, — потому что хотя это изданіе и не дурное, историческія картины хороши, и для дѣтей привлекательны, но въ одномъ текстѣ, именно: 2-го выпуска № 11 (прилагаю этотъ нумеръ), мнѣ сильно не понравились тѣ слова, которыя, какъ вы сами изволите замѣтить, мною подчеркнуты. Здѣсь въ отношеніи Галиціи, завоеванной Владиміромъ якобы у ляховъ, нынѣшнихъ *поляковъ*, какъ мнѣ кажется, допущено искаже-

ніе исторической истины; впрочемъ я не силенъ въ историческихъ изысканіяхъ, потому не смѣю положительно сказать: правиленъ ли мой взглядъ? Но я все-таки нахожу, что не слѣдовало бы пускать въ ходъ идеи, какъ бы нарочно для поддержанія мнѣнія поляковъ, будто Галиція искони была древнимъ достояніемъ Польши.

Но другое обстоятельство,—именно, комментарій на картину страшнаго суда, меня, признаться, уже возмутило. Ну посудите: какъ можно давать читать дѣтямъ такую сентенцію, »*что картина страшнаго суда есть изображеніе нелѣпое, выдуманное для устрашенія,*« тогда, какъ въ тоже время дѣти читаютъ въ Евангеліи описаніе страшнаго суда, вполнѣ согласное съ изображеніемъ его на картинѣ. Богъ его знаетъ, какимъ образомъ проскользнуло въ печать это порожденіе нигилизма!

Смѣю умолять васъ, не найдете ли возможнымъ повліять хоть путемъ гласности на остановку дальнѣйшаго распространенія картины № 11, съ ея нелѣпымъ комментаріемъ, могущимъ поколебать утвердившіяся въ народѣ, христіанскія вѣрованія во второе пришествіе нашего Спасителя, въ раздѣленіе на страшномъ судѣ праведныхъ отъ грѣшныхъ и въ блаженство первыхъ и вѣчныя муки послѣднихъ?

Нужно знать: что остальныя картины съ текстами исторіи довольно хороши, и въ нихъ, уже нигдѣ не встрѣчается никакихъ безбожныхъ намековъ, могущихъ повести къ подрыву религіозныхъ вѣрованій, потому я и намѣренъ разослать ихъ по своимъ школамъ, но не иначе, какъ перемаравъ тушью подчеркнутыя мною слова. Засимъ тѣмъ прошу вашего совѣта въ настоящемъ дѣлѣ.

Я забылъ сказать, что Исторія Россіи и пояснительныя картинки составлены В. Золотовымъ, а изданы Н. Дементьевымъ; продажу этого изданія приняла на себя въ С.-Петербургѣ контора товарищества »Общественная польза«; хороша польза!

Примите увѣреніе и проч.

ОТВѢТЪ РЕДАКЦІИ «ВѢСТНИКА».

На счетъ Галиціи мы знаемъ, что червенскіе города (Галиція) точно были отняты Владиміромъ у Мечислава I; но мы знаемъ и то, что св. Владиміръ только возвратилъ Россіи, а не пріобрѣлъ путемъ завоеванія какую либо чужую область; такъ какъ Галиція издревле населена была Русью, державшею славяно-восточный обрядъ. Но эти историческія тонкости и давности безполезны для народа и даже вредны, по той, конечно простой причинѣ, которую вы помѣтили.

Что касается толкованія той *не страшной* картины страшнаго суда, которую держитъ предъ Владиміромъ греческій мудрецъ (его нужно было назвать иначе), оно производитъ на душу всякаго христіанина то самое чувство, какое произвело на вашу, именно: «возмущаетъ душу» и возбуждаетъ негодованіе къ толковнику. Мы довольно пригляделись и прислушались къ глумленію надъ убѣжденіями православія, но не больше васъ знаемъ его причины и пути, какими оно проскользаетъ въ нашу прессу. Ваша картина—безъ пропуска цензуры; поэтому нельзя ли ее причислить къ одному изъ подпольныхъ произведеній герценовской формы? Во всякомъ случаѣ, вы прекрасно поступите, уничтоживъ посредствомъ плотнаго слоя туши подчеркнутыя вами: нелѣпость и богохульство.

МОЗЫРСКІЯ ПИСЬМА.

VII.

Вотъ—вотъ у насъ въ Мозырѣ будетъ открыто женское, народное училище! Точно не могу пока передать тѣхъ основаній, по которыхъ оно будетъ устроено; скажу только, что открытіе его несомнѣнно: о немъ гласитъ объявленіе за подписью военнаго начальника.—Ежели гдѣ, такъ это въ уѣздныхъ городкахъ западно-русскаго края открывать православно-русскія, женскія, народныя училища, право, есть насущная потребность. Извѣстно, что здѣшніе «*женскіе пансіоны*» и не доступны

большенству населенія по своей дороговизнѣ и опасны по своему *иногда* безразличному характеру въ національно-религіозномъ отношеніи..... Куда же дѣваться нашимъ бѣднымъ дѣвочкамъ, желающимъ учиться?... Bon gré—moa gré—родители обыкновенно дѣлали, по большей части, такъ: отдавали своихъ крошекъ какой-нибудь *пани* или *паннѣ*, которыя учили нашихъ единовѣрокъ *всему*, особенно польской грамотѣ. Этого мало: кто поручится, что такія воспитательницы не напояли сердца своихъ ученицъ презрѣніемъ ко всему православно-русскому и благоговѣніемъ предъ импровизированной «*ойчизною польскою,*» а главное дѣло—предъ *костеломъ*, *ксендзами* и т. д и т. д.? Все это факты, неподлежащіе сомнѣнію. А кто, скажите, можетъ усумниться въ томъ незримомъ, но сильномъ вліяніи, какое имѣетъ женщина на общество? Чего же ожидать добраго отъ тѣхъ женъ, матерей, сестеръ, тетокъ и пр., которыя всосали въ себя съ малолѣтства то убѣжденіе, что быть православно-русскою стыдъ и срамъ! Возблагодаримъ же Господа, что нашъ Мозырь, древній городокъ нѣкогда туровскаго княжества, первый подаетъ такой хорошій примѣръ. Пожелаемъ новоучреждаемому училищу прочности, простоты и отсутствія всего того, что называется блесками. Пусть въ стѣнахъ этого училища, вмѣстѣ съ грамотою, дѣти поучаются словомъ и примѣромъ любить Бога и ближняго, любить Царя и нашу дорогую Россію!

Кажется, г. директоръ и нѣкоторые изъ г.г. учителей мѣстной гимназіи принимаютъ на себя пріятный трудъ преподаванія въ новоучреждаемомъ училищѣ.

Вмѣстѣ съ этого новостью спѣшу сообщить слухи, будто бы скоро выйдетъ запрещеніе говорить по-польски во всѣхъ общественныхъ мѣстахъ и что р. католики лишатся права держать дворовую прислугу изъ православныхъ. Русскихъ чиновниковъ все прибываетъ къ намъ. Остается желать, чтобы вообще всѣ истинно-русскіе у насъ тѣснѣе сблизились и подали другъ другу руки для взаимной поддержки и усерднаго служенія своей святой и великой миссіи.

Григорій Кулжинскій.

25 апрѣля 1864 г.

Г. Мозырь.

ПРИМИРИТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА.

(Басня).

Шакалы съ зайцами въ одномъ оврагѣ жили,—
Шакалы-пришлецы, а зайцы старожилы.
Но пришлецы были такой лихой народъ,
Что всякъ изъ нихъ вотъ-такъ и рвется и реветъ,
Вотъ-такъ и лѣзетъ все впередъ,
Чтобъ игемонію надъ зайцами присвоить.
И—сколько слезъ все это зайцамъ стоитъ!
Какихъ они не натерпѣлись бѣдъ!...
Одно изъ двухъ: или стереть ихъ слѣдъ,
Иль *ошакалить* зайцевъ замышляли
Разбойники-Шакалы;
Хоть такъ, хоть этакъ, но оврагомъ завладѣть—
Единственный Шакаловъ былъ предметъ.

Нѣтъ, зайцы говорятъ: мы ихъ не пересилимъ,—
Давай—перехитримъ, и цѣлый свѣтъ удивимъ,—
Въ недоумѣніе поставимъ всѣхъ звѣрей
Искуствомъ и народностью своей;
Попробуемъ *систему примиренья*!
Уступками—своихъ враговъ мы побѣдимъ!
Противъ любви вѣдь нѣтъ сопротивленья!
Шакаламъ мы отпоръ любовію дадимъ!
Тогда... «въ бореньи падшій невредимъ;
«Тогда мы не напомнимъ имъ
«Того, что древнія скрижали
«Хранятъ въ преданіяхъ своихъ
О подлости и звѣрствѣ ихъ;
Но скажемъ такъ: всѣ прежніе шакалы,
Вотъ, на примѣръ, шакалъ-Ѳадей. шакалъ-Адамъ,
И прочіе, что шли по ихъ слѣдамъ,
Не только злобой къ намъ себя не запятнали
Въ исторіи своей страны,
Но имя громкое еще себѣ стяжали
И образцомъ для внуковъ быть должны.
Враги опомнятся и устыдятся,
Шакалы въ зайцевъ превратятся,

И мы, какъ братья, съ ними заживемъ;
Начнемъ! начнемъ!—
И зайцы начали *систему примиренья*
Вводить во всѣ къ шакаламъ отношенья;
Изъ зайцевъ кто-то даже основалъ
Въ оврагѣ примирительный журналъ,
И пренаивно приглашалъ
Шакаловъ къ чувству единенья....
Шакалы, выслушавъ весь добродушный бредъ,
Который расточалъ имъ журналистъ-сосѣдъ,
На цѣлый свѣтъ захохотали:
«Дадимъ же знать, что мы не зайцы, но шакалы!»—
И зайцевъ начали совсѣмъ искоренять;—
А зайцы сами имъ старались помогать
Въ своемъ конечномъ истребленьи,
Забывши вѣковое наставленье:
Шакалъ всегда и былъ, и будетъ хищный звѣрь,—
Бѣги его, и никогда ему не вѣрь.

И. К.

ИЗВЛЕЧЕНІЯ ИЗЪ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ.

Прекращеніе мятежа въ Польшѣ и на западѣ Россіи.—Польскій мятежъ окончательно подавленъ. Тяжкія смуты, волновавшія Царство Польское и наши западныя губерніи, прекращены, и теперь повсюду водворяются миръ и тишина. Несчастныя населенія того края, перенесшія такъ много въ теченіи грознаго для нихъ 1863 года, начинаютъ вздыхать свободнѣе, и со всѣхъ сторонъ шлютъ молитву къ Богу и благодарность къ Царю за новую жизнь, которая открывается имъ въ будущемъ.

Да, положеніе западнаго края было ужасно. Сколько невинныхъ жертвъ революціоннаго изувѣрства пало подъ ножами убійцъ! Сколько погублено свѣжихъ, крѣпкихъ силъ! Въ какое жалкое положеніе приведенъ край, богато награжденный дарами природы! Всякое движеніе, всякая жизнь остановились въ немъ. Только однѣ разбойничьи шайки

слонялись цѣлый годъ изъ одного угла въ другой, и распространяли ужасъ между мирными населеніями селъ и деревень.

Благодаря энергіи и мудрой распорядительности лицъ, поставленныхъ во главѣ мѣстнаго управленія, столь тяжкое положеніе наконецъ прекращено. Порядокъ возстановленъ повсемѣстно, и, въ довершеніе благодѣяній краю, сельскимъ населеніямъ дарованы права свободныхъ гражданъ и собственниковъ.

Ясно, что новый порядокъ вещей долженъ дать совершенно отличный отъ прежняго характеръ и совершенно другую физіономію странѣ. Но горькій опытъ прошедшаго года доказалъ, что для полнаго умиротворенія края, для предупрежденія даже возможности новой смуты, нужно обратить вниманіе еще на одно, важное обстоятельство—на сильное распространеніе польскаго элемента въ правительственныхъ сферахъ Царства Польскаго и нашихъ западныхъ губерній, и на необходимость замѣнить его русскимъ элементомъ, расширивъ этотъ послѣдній въ Польшѣ, укрѣпивъ его въ губерніяхъ западнорусскихъ.

Царство польское присоединено къ Россіи актомъ вѣнскаго конгресса (1815 года), и съ этого времени началось въ немъ быстрое развитіе внутренняго благосостоянія. Торговля, земледѣліе, промышленность, просвѣщеніе распространились, и къ 1830 году достигли весьма удовлетворительнаго состоянія. Къ несчастію, все это было употреблено во зло. То что служило источникомъ благоденствія для края, было обращено революціонными партіями въ средство къ мятежу противъ Россіи.

Казалось, что мѣры, принятыя противъ Польши тотчасъ послѣ подавленія мятежа, должны были пріучить поляковъ къ мысли, что никакія революціонныя попытки съ ихъ стороны не поведутъ къ ожидаемымъ ими послѣдствіямъ, и что только въ нераздѣльномъ союзѣ съ Россіею они могутъ найти источникъ своего благосостоянія и внутренняго преуспѣянія своей страны. Но на дѣлѣ вышло не такъ.

При самомъ восшествіи своемъ на престолъ, Государь Императоръ Александръ Николаевичъ обратилъ свою отеческую попечительность на польскій народъ. Рядъ Высочайшихъ повелѣній, непрерывно слѣдовавшихъ съ 1855 года до самой эпохи мятежа, далъ новую жизнь всѣмъ учрежденіямъ, изъ которыхъ слагается администрація края или въ которыхъ чуствовалась потребность улучшенія и измѣненія.

Въ самый день восшествія на престолъ, подписанъ былъ указъ объ амнистіи лицамъ, принимавшимъ участіе въ мятежѣ 1830 — 1831 года. Почти всѣмъ этимъ лицамъ возвращены были гражданскія и политическія права, дозволено возвратиться въ отечество.

Р. католической религіи оказывалось самое полное покровительство; конкордатъ съ папскимъ дворомъ, заключенный въ 1847 г., былъ выполняемъ во всѣхъ своихъ подробностяхъ; р. католическое духовенство было окружено всевозможнымъ уваженіемъ, и всѣмъ справедливымъ просьбамъ и жалобамъ прелатовъ, по дѣламъ касающимися церковныхъ дѣлъ и имуществъ, было оказано законное удовлетвореніе.

Лицамъ, имѣвшимъ право на пенсіи, но потерявшимъ его за участіе въ возстаніи 1830 года, право это было возвращено, и содержаніе чиновниковъ значительно увеличено; приняты мѣры въ обезпеченію правильнаго распредѣленія налоговъ; значительныя улучшенія введены въ благотворительныхъ заведеніяхъ, и учреждено много новыхъ госпиталей и другихъ богоугодныхъ заведеній.

Улучшены и расширены пути сообщенія; открыты желѣзныя дороги; приняты мѣры къ улучшенію рѣчной навигаціи; національной промышленности приданы новыя силы.

Реформы, касающіяся политическихъ и административныхъ учрежденій, были особенно важны. Этими реформами Польшѣ дарованы такія учрежденія, которыми обезпечивались выгоды страны, и которыя способствовали, мирнымъ ходомъ отдѣльной администраціи, развитію народнаго благосостоянія. Такимъ образомъ въ провинціяхъ, округахъ и городахъ учреждены избирательные совѣты, на которые возложено было попеченіе объ улучшеніи сельскихъ, промышленныхъ и торговыхъ дѣлъ, путей сообщенія, благотворительныхъ заведеній, — однимъ словомъ, всего, что касается мѣстныхъ интересовъ земства.

Въ то же время, вмѣсто собраній варшавскихъ департаментовъ сената, возстановленъ государственный совѣтъ, съ правами и сферою дѣйствія, гораздо обширнѣйшими, нежели какія были предоставлены ему даже до 1831 года. Государственному совѣту дано право подвергать обсужденію новые проекты законовъ, преобразованія, касающіяся различныхъ отраслей общей администраціи страны, и годовой бюджетъ приходамъ и расходамъ царства. Вмѣстѣ съ тѣмъ, возстановлены ком-

миссія духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія и римско-католическій духовный совѣтъ.

Относительно народнаго просвѣщенія принято много мѣръ, способствующихъ умственному развитію: расширены программы гимназій, основаны медицинская академія, нѣсколько заведеній для дѣвицъ, школы: лѣсная, политехническая, земледѣльческая, сельскаго хозяйства, наконецъ, высшая школа въ Варшавѣ, равняющаяся по правамъ и программѣ университетамъ. Вообще, просвѣщенію даны широкія, либеральныя начала; оно сдѣлалось доступнымъ для всѣхъ, безъ различія сословій и религій.

Отношенія между землевладѣльцами и арендаторами поставлены въ болѣе нормальное положеніе; различныя части общественной администраціи, бывшія дотолѣ соединенными, отдѣлены и обращены въ самостоятельныя управленія; таковы: управленіе почтъ, путей сообщенія, военная ревизія; предпринятъ пересмотръ уголовныхъ законовъ; составлены нѣкоторые другіе законодательные и административные проекты; и наконецъ, что составляетъ капитальную важность, государственный и административный совѣты составлены исключительно изъ поляковъ; всѣ высшія гражданскія должности, всѣ мѣста губернаторовъ провинцій также поручены были исключительно полякамъ.

Нельзя не видѣть, что правительство не пожалѣло ни какихъ доказательствъ попечительности о своихъ польскихъ подданныхъ, и между тѣмъ описанными реформами поляки воспользовались только для достиженія своихъ революціонныхъ цѣлей. Такимъ образомъ, лица, возвращенныя изъ изгнанія или бѣгства за-границу, усилили собою численное количество революціонеровъ, и вели дѣятельныя сношенія съ коноводами мятежа, оставшимися за-границей. Духовенство, пользуясь неприкосновенностью своихъ правъ, обезпеченною имъ правительствомъ, играло до такой степени важную роль въ мятежѣ, что возстаніе, по общему признанію, имѣло почти исключительно клерикальный характеръ. Улучшеніе промышленныхъ способовъ страны и развитіе разныхъ отраслей общественнаго благоустройства было употреблено во зло, и обращено на поддержаніе мятежа. Въ учебныхъ заведеніяхъ было или потворство, или явное подстрекательство, со стороны нѣкоторыхъ начальствующихъ, къ участію въ возстаніи, и многимъ молодымъ людямъ были даваемы отпуски въ лѣса. Въ за-

дельческой коммиссіи затрогивались политическіе вопросы, и многіе члены государственнаго совѣта вышли въ отставку, въ самомъ началѣ возстанія, съ явною цѣлію давать ему нравственную или матеріальную поддержку. Наконецъ, замѣщеніе всѣхъ должностей поляками повело къ тому, что мятежъ задумывался и созрѣвалъ въ административныхъ сферахъ, и между чиновниками всѣхъ вѣдомствъ находилъ себѣ опору и средства. Крестьянское населеніе нигдѣ не принимало дѣятельнаго, добровольнаго участія въ мятежѣ: его участіе было только страдательное, вынужденное насиліемъ; но чиновники оказывали мятежу всю помощь, какая могла находиться въ ихъ распоряженіи, вслѣдствіе занятія ими должностей въ разныхъ отрасляхъ администраціи. Въ судахъ, казначействахъ, полиціи, въ вѣдомствахъ телеграфномъ, почтовомъ, путей сообщенія, въ военныхъ госпиталяхъ, въ сельскомъ управленіи, даже въ тюрьмахъ, — вездѣ мятежъ имѣлъ единомышленниковъ, потому что вездѣ всѣ должности были заняты поляками. Вотъ этотъ то опытъ и долженъ былъ послужить доказательствомъ, что развитіе русскаго элемента въ Царствѣ Польскомъ составляетъ настоятельную необходимость.

Мятежное движеніе 1863 года, принесшее такъ много зла несчастной странѣ, не могло остановить разъ принятой по отношенію къ Польшѣ системы. „Сохраняя дарованныя царству установленія во всей ихъ силѣ“, сказано въ Высочайшемъ манифестѣ 31 марта 1863 года, „мы предоставляемъ себѣ, когда они будутъ испытаны на самомъ дѣлѣ, приступить къ дальнѣйшему ихъ развитію, соотвѣтственно нуждамъ времени и страны“. Въ самомъ дѣлѣ, вѣрныя населенія царства никогда неоставались лишенными благодѣяній, излитыхъ на всѣхъ его обитателей. Всѣ установленія, введенныя въ царствѣ до мятежа, продолжаютъ дѣйствовать и теперь. Только въ различныхъ отрасляхъ мѣстной администраціи должности ввѣрены природнымъ русскимъ, которые, не имѣя никакихъ побужденій мирволить адептамъ революціонной партіи, видятъ въ службѣ на новомъ мѣстѣ исполненіе своего долга, и остаются вѣрными обязательствамъ, принятымъ на себя вмѣстѣ съ занятіемъ должностей. Ихъ заслуги не составляютъ тайны. Быстрое успокоеніе края свидѣтельствуетъ, что труды ихъ имѣютъ осязательную дѣйствительность. Пожелаемъ имъ успѣха въ ихъ примирительномъ назначеніи; но пожелаемъ также и того, чтобы рус-

скій элементъ ширился и укрѣплялся въ Царствѣ Польскомъ. До тѣхъ поръ, пока останутся въ царствѣ стихіи смутъ и безпорядковъ, до тѣхъ поръ, пока поляки не отрезвятся отъ революціоннаго охмѣленія, нагнаннаго на нихъ несчастнымъ 1863-мъ годомъ,—до тѣхъ поръ русскій элементъ будетъ служить зерномъ дальнѣйшаго умиротворенія края и задаткомъ его внутренняго преуспѣянія. Но усиленіе этого элемента важно и въ другомъ отношеніи. Оно сблизитъ между собою два народа, между которыми историческія судьбы провели столь рѣзкую черту. Услуги русскихъ, ихъ служеніе законнымъ интересамъ самихъ поляковъ, заставятъ этихъ послѣднихъ ближе узнать своихъ собратій, съ большимъ довѣріемъ и уваженіемъ относиться къ нимъ и уничтожить вѣковую преграду, служившую между ними источникомъ столь долгой и столь неразумной вражды. Сближеніе обоихъ народовъ сольетъ воедино ихъ разобщеные доселѣ интересы, а въ этомъ—залогъ мира и общаго ихъ благополучія.

Отзывы «Московскихъ Вѣдомостей» и виленскаго корреспондента «Дня» о порицаніи газетою «Голосъ» благоразумныхъ дѣйствій генералъ отъ инфантеріи М. Н. Муравьева [1]).

Москва 28-го апрѣля. Недѣли три тому назадъ въ газетѣ „Голосъ“ появилась статья, имѣвшая цѣлью вывести насъ изъ заблужденія и исправить погрѣшности, будто бы вкравшіяся въ наши показанія объ администраціи сѣверо-западнаго края. Такова была высказанная цѣль статьи, но въ сущности имѣлись въ виду не столько мы, сколько воскреситель русскаго духа въ сѣверо-западномъ краѣ, генералъ отъ инфантеріи М. Н. Муравьевъ. Посредствомъ лживаго изображенія фактовъ, къ счастію всѣмъ извѣстныхъ, газета Голосъ старалась доказать, что все дѣйствительно важное было сдѣлано въ сѣверо-западномъ краѣ до прибытія туда генерала Муравьева: и мятежъ по-

---

[1]) Раздѣляя вполнѣ справедливое негодованіе противъ этого порицанія, выраженное въ приводимыхъ здѣсь отзывахъ, мы съ своей стороны прибавимъ, что кто осмѣлится унижать безсмертныя заслуги генерала Муравьева, оказанныя недавно западной Россіи, того смѣло можно назвать измѣнникомъ нашего отечества. Ред.

давленъ, и русскій духъ поднятъ, и народныя школы открыты, и наконецъ даже русская сцена въ Вильнѣ приведена въ блистательное положеніе. Такъ какъ газета **Голосъ** по видимому была весьма озабочена тѣмъ, что скажутъ читатели на подобнаго рода статью, то для вящщаго доказательства своей добросовѣстности, она окончила эту куріозную діатрибу слѣдующею не менѣе куріозною тирадой, обращенною къ намъ въ видѣ выговора за то, что мы, вмѣстѣ со всею Россіей, отдавали справедливость заслугамъ генерала Муравьева. „Ни одинъ истинно русскій, писала газета **Голосъ**, не дозволитъ себѣ играть общественнымъ мнѣніемъ Россіи и особенно въ дѣлѣ, съ которымъ такъ тѣсно связаны интересы дорогаго намъ отечества. Сами „**Московскія Вѣдомости**“, безъ сомнѣнія, не пожелаютъ быть поставленными на одну параллель съ иностранною прессой, которая, не гнушаясь распространяемою ею ложью, справедливо названа московскимъ публицистомъ „**закупленною печатью.**“ Прочтя фразу, читатели сами поймутъ, почему мы оставили безъ возраженія статью газеты **Голосъ**. Презрительное молчаніе казалось намъ умѣстнѣе разсужденій о томъ, что русская газета, не гнушающаяся распространяемою ею ложью въ дѣлѣ, съ которымъ связаны интересы отечества, никакъ не можетъ быть поставлена въ параллель съ закупленною иностранною печатью, лживо разсуждающею о польскомъ дѣлѣ въ ущербъ интересамъ нашимъ, а не своего отечества.

Но почтенный авторъ помѣщенной ниже статьи, подписавшійся псевдонимомъ „Военный“, счелъ нужнымъ обличить лживость показаній газеты **Голосъ**, и возстановить истину, по скольку дѣло касается военныхъ дѣйствій. Открывая столбцы нашей газеты для этой статьи съ тѣмъ радушіемъ, котораго она заслуживаетъ, мы сочли не лишнимъ коснуться и съ своей стороны того дѣла, которое она возстановляетъ въ его истинномъ свѣтѣ. Многія соображенія побуждаютъ насъ къ тому.

Споръ идетъ о различіи между временемъ послѣ-майскимъ и до-майскимъ. Газета **Голосъ** не замѣчаетъ этого различія, и тѣмъ, кто съ нею не согласится, заранѣе возражаетъ сентенціей, что оцѣнка дѣйствій государственныхъ людей не принадлежитъ современникамъ. Жалкое лицемѣріе! Имъ прикрывается желаніе провести одинъ уровенъ по всѣмъ государственнымъ людямъ, смотрѣть равнодушно на всякія

заслуги, большія и малыя. Но такою нивеллировкой возмущается чувство справедливости.

Мы далеки отъ мысли осуждать людей, управлявшихъ сѣверозападнымъ краемъ прежде, нежели былъ назначенъ туда генералъ Муравьевъ. Мы говоримъ о дѣйствіяхъ, о системѣ. Мы не утверждаемъ, чтобъ и система, вступившая въ силу вмѣстѣ съ назначеніемъ генерала Муравьева, заключала въ себѣ все, чего можно было бы желать, но она заключала въ себѣ все возможное при данныхъ обстоятельствахъ. Она имѣла въ виду ясную цѣль и цѣль эта въ рукахъ сильныхъ и способныхъ повела къ немедленнымъ блистательнымъ результатамъ. Весь край преобразился почти мгновенно, и только злоба или зависть могутъ отрицать это. До мая мѣсяца 1863 года, не смотря на то, что край былъ объявленъ въ военномъ положеніи, русскіе мирные граждане ежедневно трепетали за свою жизнь; жены и дѣти ихъ, за родную русскую рѣчь и даже за цвѣтное платье, подвергались грубымъ и дерзкимъ оскорбленіямъ; ни полъ, ни возрастъ, ни званіе не спасали отъ этихъ оскорбленій; они наносимы были высшимъ свѣтскимъ и духовнымъ лицамъ въ самомъ Вильнѣ, гдѣ сосредоточивалась главная военная и гражданская власть, среди бѣлаго дня, и проходили безнаказанно... Что же дѣлалось въ уѣздныхъ городахъ, въ деревняхъ, въ глуши? Объ этомъ могутъ разсказать тамошніе православные священники, народные учителя и другіе русскіе люди, которые въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ постоянно мѣняли мѣсто своего ночлега.... Администрація была тогда въ польскихъ рукахъ; въ присутственныхъ мѣстахъ гнѣздилась измѣна и предательство, такъ что всѣ распоряженія правительства, даже секретныя, подземная власть знала прежде, чѣмъ доходили онѣ до мѣста своего назначенія. Учебныя заведенія, столь щедро разсыпанныя по краю, проникнуты были полонизмомъ насквозь; большинство преподавателей состояло изъ поляковъ; въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ инспекторы и директоры были поляки, и каково было служить русскому учителю подъ начальствомъ завзятаго поляка, объ этомъ надобно разузнать отъ тѣхъ, кто испыталъ на себѣ это несчастіе. Русскій элементъ въ гимназіяхъ игралъ самую жалкую роль: на русскихъ преподавателей и директоровъ писали пасквили, подбрасывали имъ угрожающія письма, въ квартирахъ ихъ били стекла. Нѣкоторыхъ учителей даже выгоняли изъ классовъ.

Преподаваніе, по закону, должно было совершаться на русскомъ языкѣ, но учителя и начальники-поляки съумѣли ввести польскую рѣчь и въ классы и въ педагогическіе совѣты. Оставалось только вытѣснить изъ гимназій немногихъ русскихъ учителей, къ чему уже дѣлались дружныя попытки. Положеніе православнаго духовенства, въ особенности сельскаго, было ужасно: бѣдное, загнанное, преслѣдуемое и притѣсняемое панами и мѣстными польскими властями, живя бокъ-о-бокъ съ хорошо обезпеченными безсемейными латинскими ксендзами, оно являлось здѣсь представителемъ какой-то какъ бы не признанной государствомъ церкви, а не господствующей въ имперіи православной вѣры.

Русскимъ людямъ извѣстно многознаменательное посланіе высокопреосвященнаго Іосифа, митрополита литовскаго и виленскаго, отъ 28-го декабря н. г., къ его паствѣ, изъ котораго видно, что даже во многихъ священно-служительскихъ православныхъ семействахъ польскій языкъ былъ до того времени въ употребленіи: „имѣя въ виду опасеніе, какъ сказано въ посланіи, чтобъ употребленіе польскаго языка не уронило самихъ священно-служителей въ мнѣніи собственныхъ ихъ прихожанъ, искони русскихъ, говорящихъ русскимъ языкомъ, по бѣлорусскому, или малорусскому нарѣчію, митрополитъ Іосифъ предлагалъ, дабы въ тѣхъ священнослужительскихъ семействахъ, гдѣ еще въ употребленіи бываетъ польскій языкъ, приложено было самое тщательное стараніе къ изученію языка русскаго." Рускимъ людямъ извѣстно также, какъ шли тамъ дѣла по управленію временно-обязанными крестьянами, и кто тамъ были назначены мировыми посредниками. Чтобъ и тутъ не все возлагать на лица, приведемъ признаніе покойнаго графа І. И. Ростовцова, что „Положеніе 19-го февраля не распространило на сѣверозападныя губерніи тѣхъ облегченій въ крестьянскихъ повинностяхъ, какія сдѣланы для прочихъ мѣстностей имперіи" и что эта неуравнительность „была слѣдствіемъ того печальнаго обстоятельства, что въ составѣ редакціонныхъ коммиссій не находилось лицъ, знающихъ подробно сѣверо-западный край, и не принадлежащихъ въ то же время польской помѣщичьей стихіи".

Итакъ, вопреки всѣмъ показаніямъ свидѣтелей-очевидцевъ „Голоса", состояніе православія и русской народности въ сѣверозападномъ краѣ до мая 1863 года было самое печальное. Русская власть тамъ опира-

лась только на войско. Если кто-нибудь думалъ, то кто энергически заботился тогда о томъ, чтобъ ободрить православное духовенство и дать ему то значеніе, какое оно давно уже должно было бы имѣть,— о томъ, чтобы поднять и укрѣпить въ народѣ, подавленномъ польскимъ гнетомъ, сознаніе его русской народности,—чтобы доказать ему на дѣлѣ, что сѣверо-западный край есть исконная русская земля, что польское шляхетство составляетъ тамъ элементъ пришлый? Въ до-майскія времена для разрѣшенія этой задачи, въ сущности, ничего сдѣлано не было; только православное духовенство старалось научить крестьянскихъ дѣтей славянскимъ молитвамъ, да бывшимъ попечителемъ виленскаго учебнаго округа открыто было въ 1862 году 135 русскихъ народныхъ школъ (остальныя школы были открыты имъ позднѣе, именно въ ноябрѣ и декабрѣ прошедшаго 1863 года). Этими 135 школами, учрежденными при содѣйствіи православнаго духовенства, князь Ширинскій-Шихматовъ принесъ краю несомнѣнную услугу. Но вотъ и все! А теперь? Теперь узнать нельзя, тотъ ли это край, въ которомъ годъ тому назадъ такъ безобразничала и изуверствовала латино-польская пропаганда. Не имѣли ли мы полное право сказать, что „русская народность въ краѣ, въ короткое время управленія генерала Муравьева, стала наконецъ правдою, стала дѣйствительностію“? Это видитъ, чувствуетъ и сознаетъ тамъ каждый русскій.

Нѣтъ надобности подробно исчислять всѣ мѣры, какими ознаменовала себя неусыпная дѣятельность генерала Муравьева въ усмиреніи мятежа и прочномъ водвореніи тамъ русскаго элемента. Достаточно указать на послѣдствія: возстановлено значеніе русскаго правительства и уваженіе къ нему; край успокоенъ; крамола раскрыта; крестьянскому дѣлу данъ твердый ходъ; администрація освобождена изъ польскихъ рукъ и передана въ русскія; въ губернскихъ городахъ учреждены русскія двукласныя училища; по деревнямъ и селамъ постоянно открываются новыя школы на мѣстныя средства, и русскій языкъ становится въ странѣ господствующимъ; русскія книги распространяются во множествѣ; въ прошедшемъ году ассигнованно 25000 руб. для содѣйствія распространенію въ народѣ русскаго образованія; учреждена русская книжная лавка въ самомъ центрѣ полонизма, въ Вильнѣ, гдѣ до того времени нельзя было купить ни одной русской книги; строятся новые православные храмы, а древніе, протерпѣвшіе

многолѣтній позоръ и униженіе, возобновляются. Все русское и православное ожило. И все это совершилось — кто въ силахъ скрыть правду?—благодаря уму, непреклонной энергіи и самоотверженнымъ трудамъ одного человѣка, который въ продолженіи цѣлаго нынѣ истекающаго года, день въ день, безъ устали, съ ранняго утра до глубокой ночи, съ энергіей юноши, работалъ для русскаго дѣла, почтенный высокимъ довѣріемъ Монарха и всеобщимъ восторженнымъ сочувствіемъ русскаго народа.

Изъ Вильна въ газету „День" пишутъ о томъ же:—Сегодня одинъ услужливый полякъ, съ сіяющимъ отъ радости лицомъ подсунулъ мнѣ подъ руку 93 № петербургской газеты **„Голосъ"**. Никогда не читая, какъ и большая часть здѣшнихъ русскихъ [1]), этой газеты, я попросилъ услужливаго поляка предложить свой **„Голосъ"** кому нибудь другому; но убѣдительныя просьбы: „пожалуйста, прочитайте, прекрасная статья" заставили меня взяться за №. Я прочиталъ передовую статью въ 93 № и сердце во мнѣ сжалось. Боже мой! и есть же еще люди, которые, будто бы во имя истины, отваживаются гласно въ русской газетѣ морочить публику въ дѣлѣ громаднаго для цѣлой Россіи значенія! Статья, по видимому, направлена противъ 54 № **Московскихъ Вѣдомостей**, которыя конечно не замедлятъ всѣ ея хитросплетенія, извороты и не литературный намекъ на „подкупленную печать" вывести на свѣжую воду; но въ сущности не на **Московскія Вѣдомости** она бьетъ: она силится, на основаніи оффиціальныхъ свѣдѣній и извѣстій, полученныхъ отъ людей, „близко знакомыхъ съ литовскимъ краемъ и его администраціею, бывшихъ очевидцами всѣхъ совершившихся въ краѣ, въ послѣднее время, событій", доказать, что „гидра мятежа раздавлена была въ самомъ зародышѣ" до **мая мѣсяца 1863 года**, т. е. до назначенія настоящаго генералъ-губернатора, что до того времени и русская народность стояла здѣсь крѣпко, и русскій языкъ господствовалъ въ школахъ, и православное духовенство никогда не подвергалось угнетенію, и руссская сцена только-что не процвѣтала въ Вильнѣ,— однимъ словомъ, господство русскаго элемента было полнѣйшее, такъ

[1]) У насъ и въ Кіевѣ тоже никто изъ русскихъ и въ руки не беретъ этой весьма двусмысленнаго направленія, газеты, а только читаютъ и восхищаются ею одни поляки, да отчасти хохломаны. Ред.

что людямъ, трудящимся нынѣ на пользу русскаго дѣла въ сѣверо-западномъ краѣ, остается только пожинать плоды отъ сѣмянъ, посѣянныхъ въ до майскія времена. Мы, прожившіе въ западныхъ губерніяхъ болѣе двадцати лѣтъ и видѣвшіе хорошо, что творилось здѣсь до мая мѣсяца 1863 года, сравнивая прошедшее съ настоящимъ, говоримъ прямо, что нелѣпицу явную голоситъ „Голосъ", которой могутъ повѣрить только люди—или совершенно незнакомые съ положеніемъ нашихъ дѣлъ, или намѣренно закрывающіе глаза на правду. Я не буду опровергать мнѣній „Голоса" о военныхъ дѣйствіяхъ и о крестьянскомъ дѣлѣ въ здѣшнемъ краѣ; объ этомъ, по всей вѣроятности, скажутъ вѣрное слово лица, болѣе меня въ томъ свѣдущія; но не могу умолчать о томъ, что хорошо мнѣ извѣстно и о чемъ „Голосъ" также проповѣдуетъ вопіющую ложь. „Голосъ„ прикидывается какъ бы незнающимъ, что не въ вооруженныхъ шайкахъ заключалась главная сила мятежа, а въ революціонной организаціи, въ латино-польской пропагандѣ, которою, какъ сѣтью ядовитаго паука, покрыта была цѣлая страна. Польская пропаганда, въ лицѣ ксендзовъ, помѣщиковъ, мировыхъ посредниковъ, чиновниковъ-поляковъ и другихъ многочисленныхъ ихъ клевретовъ, не гнушаясь никакими средствами, ни грабежами, ни убійствами, осмѣивая, презирая, оскорбляя и проклиная все, что только носило на себѣ русское имя, работала неутомимо надъ ополяченіемъ исконнаго русскаго края и надъ возбужденіемъ народа противъ русской власти, а благодѣтельная реформа 19-го февраля примѣнялась къ дѣлу съ неслыханною безсовѣстностію. До мая мѣсяца 1863 года, не смотря на то, что край былъ объявленъ на военномъ положеніи, русскіе мирные граждане ежедневно трепетали за свою жизнь, жены и дѣти ихъ за свою родную русскую рѣчь и за цвѣтное платье,—подвергались со стороны достолюбезной, нѣкоторымъ, польской интеллигенціи такимъ грубымъ и дерзкимъ оскорбленіямъ, на которыя способна только одна разъѣденная нетерпимостію польская шляхта. Тысячу фактовъ готовы мы представить въ подтвержденіе нашихъ словъ: ни полъ, ни возрастъ, ни званіе, не спасали отъ этихъ оскорбленій; они наносимы были высшимъ свѣтскимъ и духовнымъ лицамъ здѣсь, въ Вильнѣ, гдѣ сосредоточивается главная военная и гражданская власть, среди бѣлаго дня, и проходили безнаказанно.... Что же дѣлалось въ уѣздныхъ горо-

дахъ, въ деревняхъ, въ глуши? Объ этомъ спросите тамошнихъ православныхъ священниковъ, народныхъ учителей и другихъ русскихъ людей, которые въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ постоянно мѣняли мѣсто своего ночлега..... но эти страдальцы ничего въ газетахъ не пишутъ.... До мая 1863 года администрація была въ польскихъ рукахъ; въ присутственныхъ мѣстахъ гнѣздились измѣна и предательство, такъ что всѣ распоряженія правительства, даже секретныя, подземная власть знала прежде, чѣмъ доходили они до мѣста своего назначенія. Учебныя заведенія, столь щедро разсѣянныя по краю и содержимыя на русскія деньги, проникнуты были полонизмомъ насквозь; большинство преподавателей состояло изъ поляковъ; въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ инспекторы и директоры были поляки, а каково служить здѣсь русскому учителю подъ начальствомъ директора-поляка, объ этомъ никогда не забудетъ тотъ, кто испыталъ на себѣ это несчастіе; русскій элементъ въ гимназіяхъ игралъ самую жалкую роль: на русскихъ преподавателей и директоровъ писали пасквили, подбрасывали имъ угрожающія письма, на квартирахъ ихъ били стекла и даже нѣкоторыхъ учителей выгоняли изъ классовъ; и хотя преподаваніе, по закону, должно было совершаться на русскомъ языкѣ, но учителя и начальники поляки съумѣли ввести польскую рѣчь и въ классы, и въ педагогическіе совѣты.... оставалось только вытѣснить изъ гимназій этихъ немногихъ русскихъ учителей, къ чему уже дѣлались дружныя попытки со стороны учащихся, учителей и начальниковъ-поляковъ, чтобы превратить эти заведенія въ чисто польскіе разсадники просвѣщенія. Положеніе православнаго духовенства, въ особенности сельскаго, было ужасно: бѣдное, загнанное, за усердіе къ вѣрѣ и къ Россіи, преслѣдуемое и притѣсняемое панами и мѣстными польскими властями, живя бокъ-о-бокъ съ хорошо обезпеченными безсемейными латинскими ксендзами, оно являлось здѣсь представителемъ какой-то какъ бы не признанной государствомъ церкви, а не господствующей въ Россіи православной вѣры: о страданіяхъ его во время мятежа извѣстно всѣмъ читателямъ русскихъ газетъ. Съ разбитіемъ шаекъ Рогинскаго, Нарбута, Сѣраковскаго и Колышко, эти страданія не прекратились,—напротивъ они усилились еще больше: это знаютъ всѣ, знаетъ очень хорошо и „Голосъ"; но что ему за дѣло до страждущаго православнаго духовенства! Священни-

ковъ нашихъ оскорбляютъ, мучаютъ, вѣшаютъ; многіе изъ нихъ живутъ въ нищетѣ, въ храмахъ нашихъ непокрытая бѣдность, древнія святыни наши опустошены, разрушены, опозорены, вѣру нашу называютъ еретическою, схизматическою, хлопскою, собачьею,—не можетъ же не знать этого „Голосъ“ и, не смотря на то, повернулся же у него языкъ сказать, что православное духовенство (въ сѣверозападномъ краѣ) также никогда не подвергалось угнетенію?!... Такую возмутительную ложь не удивительно было бы встрѣтить въ краковскомъ „Часѣ“ или въ другихъ, подобныхъ ему, заграничныхъ газетахъ, но изъ русскихъ газетъ ни одна, кромѣ „Голоса“, не отважится такъ дерзко попирать истину. Далѣе. Говоря о театрѣ, ловкій авторъ утверждаетъ, что „исполненіе русскихъ піесъ на виленской сценѣ никогда не прекращалось“, что, „по волѣ покойнаго Императора Николая Павловича, отпускалось ежегодно, на поддержаніе русской сцены, по 3,000 рублей, изъ городскихъ доходовъ“ и „московскій артистъ Живокини игралъ вмѣстѣ съ поляками-актерами. Вотъ въ какомъ положеніи (восклицаетъ „Голосъ“) была русская сцена.“ Что и говорить, процвѣтала! Не годится мертвую букву выставлять вмѣсто живаго дѣла; если вы, въ самомъ дѣлѣ, пишете со словъ людей, „бывшихъ очевидцами всѣхъ совершившихся въ краѣ, въ послѣднее время, событій,“ то вы намѣренно вводите публику въ обманъ, потому что очевидцы ваши должны же знать, что эти 3,000 р. никогда, кромѣ конца прошедшаго и начала настоящаго года, не употреблялись согласно своему назначенію, т. е. исключительно на поддержаніе русской сцены. Какія русскія піесы ставилъ виленскій театръ? Изготовлялись ли для нихъ новыя декораціи, новые костюмы, выписывались русскіе актеры? Ничего этого не бывало; за исключеніемъ двухъ-трехъ большихъ піесъ, которыя давались очень рѣдко, играли, и то не въ каждый спектакль, пустѣйшіе русскіе водевили для разъѣзда пановъ, которые при началѣ ихъ выходили изъ театра, отплевываясь. Не вѣрите—справьтесь въ афишахъ или въ „Виленскомъ Вѣстникѣ“. Беру на удачу эту газету за апрѣль 1860 года. Оказывается, что въ продолженіи этого мѣсяца было въ Вильнѣ 9 спектаклей, изъ нихъ 6 прошли безъ русскихъ піесъ, и въ остальные три сыграны были три глупѣйшіе русскіе водевильчика; вотъ вамъ живые-то факты, вотъ какъ поддерживалась здѣшняя русская сцена! Нѣтъ, милостивые го-

судари, не на русскую сцену шли эти деньги, а на постановку трескучихъ шляхетскихъ драмъ съ кунтушами да конфедератками, имѣвшихъ цѣлію возбуждать и поддерживать въ польской публикѣ то настроеніе, которое разыгралось впослѣдствіи мятежомъ. Впрочемъ, мы очень благодарны вамъ за эту замѣтку о 3,000 руб.: она даетъ намъ поводъ сообщить вамъ, что нынѣшняя виленская театральная дирекція загладитъ недобросовѣстность прежняго управленія, и воля покойнаго Государя будетъ исполнена въ точности, т. е., эти 3,000 руб. не пойдутъ уже болѣе на кунтуши и конфедератки, но будутъ употреблены исключительно, и не на бумагѣ, а на самомъ дѣлѣ, на поддержаніе русской сцены въ г. Вильнѣ.

Однимъ словомъ, вопреки всѣмъ показаніямъ „Голоса„, состояніе православія и русской народности въ сѣверозападномъ краѣ до мая 1863 года представляло картину страшнаго угнетенія; дѣйствія и распоряженія высшей мѣстной власти потеряли значеніе и силу,—между прочимъ, вслѣдствіе предательства исполнителей-поляковъ,—русскіе люди, не видя для себя защиты, только въ домашнемъ кругу, въ дружеской бесѣдѣ, изливали накипѣвшую въ груди скорбь и негодованіе. Русская власть опиралась только на войско, какъ будто забывъ, что громадная русская мощь крылась въ угнетенномъ православномъ духовенствѣ и народѣ.... Правительству прежде всего нужно было показать, что въ краѣ есть сильная, энергическая русская власть, которая найдетъ и покараетъ виновнаго и защититъ невиннаго, которая съумѣетъ охранить мирныхъ гражданъ отъ террора подземной революціонной власти; нужно было ввести въ дѣйствительную жизнь Положеніе 19 февраля, неизвѣстное крестьянамъ, обманутымъ польскими помѣщиками, нужно было раскрыть польскую организацію, подкопаться подъ самый корень ея, развязать всѣ ея путы, вывести агитаторовъ на Божій свѣтъ и поставить крамольную шляхту въ невозможность произвести какое либо противоправительственное движеніе; нужно было ободрить православное духовенство и дать ему то значеніе, какое оно давно уже должно было бы имѣть, нужно было поднять и укрѣпить въ народѣ, подавленномъ польскимъ гнетомъ, сознаніе его русской народности, короче сказать, нужно было доказать на дѣлѣ, что сѣверозападный край есть исконная русская земля, наслѣдіе потомковъ Владиміра св.—Въ до-майскія времена,

для разрѣшенія этой задачи, въ сущности, ничего сдѣлано не было; только православное духовенство заводило кое-гдѣ на свои скудныя средства домашнія школы, да бывшимъ попечителемъ виленскаго учебнаго округа открыто было въ 1862 году 135 русскихъ народныхъ школъ (остальныя школы были открыты княземъ Ширинскимъ-Шихматовымъ позднѣе, именно въ ноябрѣ и декабрѣ минувшаго 1863 г.). Этими школами, учрежденными при содѣйствіи православнаго духовенства, князь Ширинскій-Шихматовъ принесъ услугу, которую никто оспорить не можетъ. Имя его за это дѣло останется навсегда памятнымъ въ исторіи просвѣщенія западнаго края. Но вотъ и все. А теперь? Теперь узнать нельзя—тотъ ли это край, въ которомъ годъ тому назадъ такъ безобразничала и свирѣпствовала латино-польская шляхта. „Московскія Вѣдомости сказали истину", крайне непріятную полякамъ и „Голосу", что „русская народность въ краѣ, въ короткое время управленія генерала Муравьева, стала, наконецъ, правдою, стала дѣйствительностію." Да, это такъ, это видитъ, чувствуетъ и сознаетъ здѣсь каждый русскій. Исчислять всѣ мѣры, коими ознаменовала себя неусыпная дѣятельность нынѣшняго главнаго начальника края въ дѣлѣ усмиренія мятежа и прочнаго водворенія здѣсь русскаго элемента, было бы въ легкой газетной статьѣ неумѣстно, да у насъ и данныхъ нѣтъ подъ рукою для такого труда; достаточно указать на послѣдствія: возстановлено значеніе русскаго правительства и уваженіе къ нему, край успокоенъ, крамола раскрыта, революціонная интрига распутана, крестьянскому дѣлу данъ правильный ходъ, администрація выхвачена изъ польскихъ рукъ и передана въ русскія; въ губернскихъ городахъ учреждены двухклассныя русскія училища, по деревнямъ и селамъ постоянно открываются новыя школы на мѣстныя средства, русскій языкъ становится господствующимъ и проникаетъ даже въ темную массу евреевъ, русскія книги распространяются во множествѣ; главнымъ начальникомъ края въ прошломъ году ассигновано 25,000 руб. для содѣйствія къ распространенію въ народѣ русскаго образованія, учреждена русская книжная лавка въ самомъ центрѣ полонизма, въ Вильнѣ, гдѣ до того времени нельзя было купить ни одной русской книги; строятся новые православные храмы, а древніе, претерпѣвшіе многолѣтній позоръ и униженіе, возобновляются; все русское православное ожило и ободрилось, мы чувствуемъ теперь на самомъ дѣлѣ,

что живемъ въ своей родной, русской землѣ; каждый мирный гражданинъ теперь спокойно занимается своимъ дѣломъ, зная, что жизнь его ограждена отъ покушеній тайныхъ убійцъ. И все это совершилось,—къ чему скрывать правду?—благодаря уму, непреклонной волѣ и трудамъ одного человѣка, нынѣшняго начальника края. Вотъ уже скоро годъ, какъ день въ день, безъ устали, съ ранняго утра до глубокой ночи, съ энергіею безпримѣрною, работаетъ онъ для русскаго дѣла: не сказать объ этомъ правдиваго слова съ нашей стороны было бы, по меньшей мѣрѣ, безчестно; не признавать его заслугъ можетъ только полякъ, желающій возврата до-майскихъ порядковъ въ западномъ краѣ для возобновленія своихъ крамолъ и козней. А „Голосу", какъ газетѣ, издаваемой на русскомъ языкѣ, по меньшей мѣрѣ, не прилично печатать на своихъ столбцахъ статьи, подобныя передовой 93-го № [1])....

Русскій.

Вильно
6-го апрѣля 1864 г.

Еще **„Московскія Вѣдомости" о генералѣ Муравьевѣ 2**.—Въ 54 № **„Моск. Вѣдомостей" читаемъ**:—Исторія оцѣнитъ заслуги государственнаго человѣка, который, въ концѣ своего долгаго поприща, призванный къ управленію обширнымъ краемъ, въ самый разгаръ крѣпко организованнаго мятежа, вспомоществуемаго иностранными правительствами и закупленною печатью, обнаружилъ столько патріотизма, энергіи и способовъ въ борьбѣ съ величайшими трудностями, и умѣлъ преодолѣть ихъ съ такою

[1]) Мы обязаны занести на страницы нашей журнальной лѣтописи, что статья 93 № **«Голоса»** возбудила сильнѣйшее единодушное негодованіе во всемъ сѣверозападномъ краѣ (т е. въ русскомъ его населеніи) и подала поводъ къ протестамъ, изъ которыхъ одинъ былъ посланъ для напечатанія въ редакцію **«Голоса»**, гдѣ наконецъ и помѣщенъ. Подписавшіе протестъ послали копіи съ него въ редакціи всѣхъ журналовъ и газетъ. Все это, вмѣстѣ съ письмомъ г. Русскаго, есть замѣчательный историческій фактъ, который необходимо принимать въ соображеніе, съ которымъ по неволѣ обязанъ считаться всякій—при сужденіи о заслугахъ нынѣшняго начальника въ сѣверозападномъ краѣ, какія бы ни были его личныя воззрѣнія на принципъ и характеръ русской начальственной энергіи вообще. Ред.

славою; исторія засвидѣтельствуетъ также, сколько политической зрѣлости обнаружило при этомъ русское общество, во время поддержавъ живымъ одобреніемъ и сочувствіемъ генерала Муравьева въ этой борьбѣ. Заслуги М. Н. Муравьева состоятъ не только въ томъ, что онъ сломилъ мятежъ, но еще болѣе въ томъ, что онъ нанесъ могущественный ударъ коренному злу, которымъ страдалъ этотъ край и которое издавна было источникомъ его бѣдствій. Онъ положилъ конецъ тому двусмысленному положенію вещей, которое дѣлало этотъ край ни русскимъ, ни польскимъ. Чтобы ни говорили порицатели и хулители его дѣйствій, несомнѣнно то, что именно благодаря его стойкости, непреклонности и энергіи, въ этомъ краѣ не пролилось столько крови, сколько навѣрно пролилось бы при другихъ обстоятельствахъ, при другомъ способѣ дѣйствій. На него возлагаютъ отвѣтственность за нѣкоторыя общія мѣры, принятыя въ западномъ краѣ, каковы обязательный выкупъ крестьянскихъ земель и контрибуція, которая пала на всѣхъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ безъ изъятія: но эти мѣры были вызваны исключительными обстоятельствами, въ которыхъ находился край, и во всякомъ случаѣ не были распоряженіемъ мѣстной власти. Онъ былъ безпощаденъ къ мятежу, къ революціонному жонду; но чѣмъ рѣшительнѣе дѣйствовалъ онъ противъ этого зла, тѣмъ благотворнѣе были результаты его дѣйствій для края, даже для самихъ поляковъ. Въ этомъ краѣ, искони русскомъ и населенномъ по преимуществу русскимъ народомъ, генералъ Муравьевъ не счелъ возможнымъ вступать въ какія бы то ни было сдѣлки съ польскою національностью,—и русская народность здѣсь, въ краткое время его управленія, стала наконецъ правдою, стала дѣйствительностью. Всѣ, кому случалось проѣзжать въ послѣднее время черезъ Вильно, единогласно свидѣтельствуютъ, что край получилъ вполнѣ русскую физіономію. Слѣдуетъ при этомъ вспомнить, что генералъ-губернаторъ могъ дѣйствовать только тѣми способами управленія, какія находятся въ распоряженіи русскаго правительства. Вездѣ утвердилась тишина и полная безопасность. Православное духовенство ожило; все русское ободрилось и подняло голову. Повсюду теперь господствуетъ русскій языкъ. Въ селеніяхъ открыто около 400 народныхъ школъ. Городскія учи-

лища преобразовываются, открываются еврейскія народныя училища. Языкъ преподаванія въ еврейскихъ школахъ—русскій. Евреи заговорили даже между собою по-русски, дѣти ихъ съ ревностію учатся русскому языку въ школахъ, и русскія книги разбираются ими на расхватъ. Книжная лавка, недавно открытая въ Вильнѣ и находящаяся въ завѣдываніи г. Гусева, астронома тамошней обсерваторіи, какъ намъ пишутъ, ведетъ свои дѣла очень бойко. Актеры изъ поляковъ играютъ русскія народныя піесы, и театръ всегда полонъ.

Но, какъ бы то ни было, задача правительства въ западномъ краѣ—очень тяжела; содѣйствовать торжеству русскаго начала тамъ, гдѣ почти все высшее и образованное общество состоитъ изъ людей, причисляющихъ себя къ чуждой и притомъ непріязненной національности, гдѣ русское начало живетъ только въ бѣдномъ духовенствѣ, да въ простомъ народѣ, запуганномъ, угнетенномъ и подавленномъ. Для того, чтобъ окончательно укрѣпить нашу западную границу и успокоить Россію, для того, чтобы навсегда покончить съ враждебными ей въ этомъ краѣ притязаніями, недостаточно ума и энергіи одного государственнаго человѣка. Все, что можетъ сдѣлать способная и распорядительная власть, дѣлалось и дѣлается. Нужны были русскіе люди по всѣмъ частямъ управленія: генералъ-губернаторомъ края призвано болѣе 1000 чиновниковъ изнутри Россіи, и не его вина, если въ этомъ числѣ, между многими дѣльными и честными людьми, оказались люди падкіе до незаконной поживы, люди ни къ чему неспособные, а также со всѣмъ мирящіеся космополиты, такъ что начальству пришлось нѣкоторыхъ изъ числа наѣхавшихъ въ западный край чиновниковъ выпроваживать обратно. Потребность въ людяхъ тамъ все еще очень большая, и всякій честный и дѣльный человѣкъ принимается тамъ, какъ дорогое пріобрѣтеніе, и всякій такой человѣкъ можетъ смѣло отправляться туда, въ полной увѣренности, что нигдѣ нельзя принести теперь большей пользы добросовѣстною службою какъ въ западномъ краѣ въ настоящее время. Всякій найдетъ себѣ здѣсь и службу по нраву, и удовлетворительное положеніе. Особенно чувствуется здѣсь потребность въ учителяхъ. Достаточно сказать, что въ виленскомъ учебномъ округѣ, въ

гимназіяхъ и прогимназіяхъ, даже и теперь на 240 (примѣрно) учителей изъ поляковъ оказывается только 80 русскихъ и нѣмцевъ; въ семи уѣздныхъ училищахъ процентъ польскихъ учителей такой-же, а въ приходскихъ училищахъ почти всѣ учители изъ поляковъ; всѣ женскія частныя учебныя заведенія и теперь еще содержатся поляками. Только въ устроенныхъ въ послѣднее время (главнымъ образомъ въ виленской, минской и гродненской губерніяхъ, и лишь отчасти въ ковенской) народныхъ сельскихъ школахъ учители—русскіе, но этихъ четырехсотъ школъ на весь край еще слишкомъ недостаточно, и отъ крестьянскихъ обществъ безпрестанно поступаютъ прошенія объ открытіи новыхъ. Дѣйствительно, школы въ настоящее время всего болѣе могутъ поднять нравственныя силы въ здѣшнихъ народонаселеніяхъ. Школы сдѣлаютъ болѣе чѣмъ военное положеніе, да и дешевле обойдутся государству. Говоря о народныхъ школахъ, которыя заводятся въ западномъ краѣ, одинъ мѣстный польскій помѣщикъ замѣтилъ весьма основательно: „Штыки усмирили насъ, а школы убьютъ.“

Но одни правительственные способы, даже при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, все-таки недостаточны. Сколько бы ни наѣхало въ западныя губерніи способныхъ и дѣльныхъ людей, однихъ наѣзжихъ дѣятелей недостаточно. Рѣшительно необходимо, чтобы землевладѣльческіе классы здѣсь значительно пополнились чисто русскимъ элементомъ. Земли въ западномъ краѣ теперь дешевы и ищутъ покупателей; но у насъ, къ сожалѣнію, мало свободныхъ капиталовъ, а еще менѣе предпріимчивости и духа начинанія въ людяхъ; поэтому необходимы дѣятельныя правительственныя мѣры, которыя могли бы не только облегчить для русскихъ людей пріобрѣтеніе земли въ этомъ краѣ, но и возбудить въ нихъ желаніе къ тому.

Въ высшей степени важно также дать въ этомъ краѣ полный ходъ нѣкоторымъ начинающимся въ немъ попыткамъ свободной общественной организаціи. Мы разумѣемъ устройство „церковныхъ братствъ,“ которыя въ западномъ краѣ имѣютъ давнія преданія, относящіяся къ борьбѣ православія съ латинствомъ.

Приказъ по полиціи виленскаго полиціймейстера — Въ Вил. Пол. Листкѣ напечатанъ слѣдующій приказъ по полиціи виленскаго полиціймейстера, отъ 25-го апрѣля: „По виленской городской полиціи объявляется, что ежели въ какой-либо изъ частей будетъ обнаруженъ какой-либо безпорядокъ, преимущественно въ политическомъ отношеніи, то частный приставъ и его помощникъ, допустившіе этотъ безпорядокъ, будутъ немедленно удалены отъ должности и преданы суду; въ извѣстности этого предлагаю росписаться гг. частнымъ приставамъ и помощникамъ ихъ.

„На первый разъ обязываю: 1) Всѣ билеты, выданные на трауръ, пересмотрѣть: тѣ изъ нихъ, которымъ кончился, или кончается срокъ, представить ко мнѣ. Затѣмъ, слѣдить неусыпно, чтобъ лица, не имѣющія билетовъ, не носили траура, и таковыхъ представлять ко мнѣ тотчасъ же. 2) Всѣ лавки, магазины, заѣзжіе дома, трактиры, кандитерскія, аптеки и гостинницы вновь осмотрѣть, и если еще гдѣ-нибудь отыщется веденіе счетовъ на польскомъ языкѣ, или же замѣчены будутъ разговаривающіе на этомъ чуждомъ странѣ языкѣ, то о всѣхъ тотчасъ же донести мнѣ. 3) Вывѣски, до этой поры не замѣненныя новыми (я говорю о тѣхъ, на которыхъ были иностранныя польскія надписи и лишь замараны невполнѣ удачно краскою), тотчасъ уничтожить и таковыя мастерскія или гостинницы запереть и запечатать до той поры, пока вывѣска новая не будетъ выставлена. 4) Производить разновременно постепенные обыски въ домахъ преимущественно заѣзжихъ, дабы никто изъ лицъ безъ вида законнаго не могъ скрыться, и о домовладѣльцахъ, осмѣлившихся держать безпаспортнаго, тотчасъ доносить. 5) Посѣщать костелы, гулянья и наблюдать, чтобъ, при богослуженіи и на гуляньяхъ, равно на улицахъ, отнюдь не было нарушаемо порядка; равно, чтобъ не было допускаемо какой-либо одежды, имѣющей хотя тѣнь революціонной пропаганды. 6) Тщательнѣйше смотрѣть, чтобъ въ ночное время отнюдь и никто не ходилъ безъ фонарей. 7) Чтобъ у всѣхъ кабаковъ, заѣзжихъ домовъ, трактировъ и питейныхъ домовъ горѣли фонари во всю ночь; — тоже у экипажей извощиковъ. 8) Ни одного изъ проѣзжихъ изъ Царства Польскаго, или изъ-за границы, не оставлять безъ осмотра его бумагъ и вещей; всѣхъ этихъ лицъ представлять ко мнѣ въ день пріѣзда, оставляя безъ осмотра только·

тѣхъ, которыя занимаютъ высшія мѣста по администраціи гражданской, или военной. Всѣ вышеизложенныя приказанія были уже отданы, но я нахожу полезнымъ подтвердить ихъ вновь, дабы никто не смѣлъ сказать впослѣдствіи, что забылъ, или упустилъ изъ виду приказанное“.

ПИСЬМО ИЗЪ ПРУЖАНЪ. (Гродн. губ.) Пишутъ въ мѣстныя Вѣдомости отъ 4-го апрѣля:

Въ этомъ письмѣ я намѣренъ, прежде всего, сказать нѣсколько словъ о переходѣ у насъ многихъ р. католиковъ въ православіе. Собственно въ Пружанахъ считается теперь на 100 мѣщанскихъ семействъ не больше 15 католическихъ; остальныя всѣ или православныя съ давнихъ поръ, или перешли въ православіе въ настоящее время. Можно думать, что недалеко то время, когда католичество, а съ нимъ вмѣстѣ и полонизмъ исчезнутъ въ здѣшнемъ краѣ окончательно. Цѣлыя волости изъявляютъ желаніе перейдти въ православіе—и переходятъ.

Польскій языкъ изгнанъ уже въ нашемъ городѣ изъ всѣхъ присутственныхъ мѣстъ. Словомъ, вездѣ у насъ уже „Русью пахнетъ“.

У насъ открыты двѣ школы, одна для христіанскихъ мѣщанскихъ дѣтей, другая для еврейскихъ. Ученіе въ обѣихъ идетъ успѣшно. Въ христіанской школѣ, кромѣ предметовъ обыкновенныхъ, дѣти обучаются церковному пѣнію. Относительно пѣнія въ церкви нужно замѣтить, что крестьянамъ очень нравится общее пѣніе въ церкви. Во многихъ церквахъ введено уже у насъ общее пѣніе, по крайней мѣрѣ главныхъ молитвъ, какъ-то: „Отче нашъ“, „Вѣрую“ и др. Впрочемъ, необходимо замѣтить, что еврейская школа средствами богаче христіанской. Здѣшніе мѣщане такъ бѣдны, что поддерживать школу собственными срадствами почти не въ состояніи. Учителями въ ней пока здѣшніе духовные. Школы посѣщаютъ и дѣвочки, впрочемъ въ количетсвѣ очень ограниченномъ. Обученіемъ ихъ, кромѣ закона Божія, занимается жена одного русскаго чиновника. Нельзя не пожелать отъ души процвѣтанія этой школѣ.

Въ проѣздъ свой по пружанскому уѣзду, въ истекшемъ мартѣ мѣсяцѣ, генералъ Крижановскій осматривалъ въ мѣстечкѣ Картузъ-Березѣ развалины извѣстнаго картезіянскаго монастыря. Случаемъ этимъ удалось воспользоваться и мнѣ, чтобы посмотрѣть на руины

кляштора, сооруженнаго благочестіемъ Сапеговъ, на одно изъ тѣхъ убѣжищъ средневѣковаго подвижничества, гдѣ человѣкъ окончательно умиралъ для міра и еще въ здѣшнемъ мірѣ дѣлался добровольно и буквально жильцомъ могилы. Уставъ картезіанскихъ монаховъ извѣстенъ своею необыкновенною строгостію. Монахи жили почти замурованные, въ отдѣльныхъ кельяхъ; самую пищу получали изъ невидимыхъ рукъ, посредствомъ небольшаго отверстія, продѣланнаго изъ кельи въ корридоръ въ толстой стѣнѣ. Отверстіе это имѣло видъ зигзака, такъ что подвижникъ не могъ видѣть ни лица, ни руки, подающей ему пищу. Къ монастырю прилегаетъ съ восточной стороны садъ, обведенный высокою стѣною. Въ этотъ садъ выдаются изъ главнаго зданія кельи монаховъ, въ свою очередь обведенныя, каждая отдѣльно, высокою стѣною, то есть, войдя даже въ садъ, вы не увидите ни келій, ни монаховъ, одиночно живущихъ въ нихъ. Внутри стѣнъ, скрывающихъ каждую келью отдѣльно, разведены тоже садики при каждой кельѣ на пространствѣ небольше двухъ квадратныхъ саженей; только въ этотъ садикъ, прилегающій къ самой кельѣ, монахъ могъ выходить и заниматься разрыхленіемъ земли и воспитываніемъ деревьевъ. Въ церковь монахи ходили на молитву особыми ходами, скрытыми отъ посторонняго глаза, въ самой церкви оставались тоже никѣмъ невидимые и никого не видя, примѣнительно къ чему устроена внутри и самая церковь, состоящая какъ-бы изъ двухъ отдѣльныхъ церквей: въ одну допускались благочестивые міряне, въ другую собирались подвижники. Унылое, гробовое пѣніе ихъ неслось будто изъ другаго міра. Съ окончаніемъ молитвы, живые мертвецы, никѣмъ невидимые, снова невидимо расходились по своимъ темнымъ кельямъ, куда достигалъ лишь слабый лучь вешняго солнца и залеталъ случайно легкій вѣтерокъ изъ окрестныхъ полей. Это были единственные гости изъ міра, имѣвшіе доступъ въ живую могилу отшельника. Нынѣ, это убѣжище крайняго католическаго аскетизма представляетъ однѣ развалины и производитъ на душу тяжелое впечатлѣніе. Въ стѣнахъ вездѣ видны трещины, потолокъ и куполъ готовы обрушиться. Остались еще слѣды роскошной внутренней отдѣлки, превосходной рѣзной работы изъ дерева и другихъ богатыхъ украшеній. Въ придѣлѣ церковномъ до сихъ поръ виситъ портретъ Сапеги, основателя монастыря, а въ склепѣ лежатъ останки его и

его семейства, заброшенные, забытые, въ гробахъ безъ крышъ, въ безпорядкѣ и запустеніи!....

О чемъ же заботятся, чего смотрятъ ксендзы? Или для нихъ дороги лишь живые богачи и магнаты? Оставить тѣла основателей монастыря въ такомъ пренебреженіи — это по меньшей мѣрѣ кощунство. Русское сердце генерала Крижановскаго было очевидно задѣто видомъ такого пренебреженія къ памяти прошлаго. Тутъ же отдано было приказаніе уставить въ порядкѣ гробы, исправить на нихъ покрышки и замуровать склепъ.

По отъѣздѣ генерала, въ два часа по полудни, намъ захотѣлось осмотрѣть православную церковь. Въ сопровожденіи мѣстнаго священника и двухъ русскихъ чиновниковъ отправились мы въ мѣстечко Березу [1]). Церковь уже ветха, стѣны еще довольно прочны, но потолокъ грозитъ обрушиться. Военный нашъ начальникъ, дѣятельный, любимый и уважаемый, капитанъ Эллисъ, взошелъ на верхъ, и мы видѣли снизу, какъ поперечныя перекладины зашатались, едва держась на карнизѣ. Между тѣмъ, тутъ же рядомъ католическій костелъ — богатый и прочный. Бѣдные храмы литовскіе! Въ нихъ подъ-часъ и свѣчъ восковыхъ не увидите, а горятъ стеариновыя, освѣщая часто крайне бѣдное внутренное убранство, а вѣтеръ такъ и сквозитъ и гуляетъ между молящимися, пробираясь свободно внутрь храма чрезъ многочисленныя щели и трещины. Въ дождливое же время вода ручьями льется вдоль стѣнъ, сверху внизъ, и съ потолка, на книги, образа и молящихся. Да, есть такіе храмы на Литвѣ.

Вопросъ польскій въ западномъ краѣ нельзя еще считать положительно оконченнымъ. Дѣйствуя во имя развитія здѣсь русскаго начала, необходимо обратить вниманіе на православные храмы, берегущіе и охраняющіе въ здѣшнемъ краѣ русскую народность отъ всякихъ враждебныхъ вліяній. Русское общество обязано объ этомъ подумать, что историческая отвѣтственность за правильное рѣшеніе роковаго вопроса главнымъ образомъ падетъ на него же, на русское общество..... А литовскіе священники? Вѣдь все время они боролись одни, совершенно одни, съ польскою пропагандою, защищая всѣми мѣрами, даже жизнію, свою паству отъ польскаго и католическаго вліяній — и борьбу эту они вынесли съ безропотною твердостію. Честь имъ и уваженіе отъ лица земли русской!

— **Письмо изъ Вилейки.** —Съ умиротвореніемъ края, съ возстановленіемъ законности и порядка здѣшнее дворянское сословіе возвратилось къ прямому своему долгу; оно довѣряетъ и всего надѣется единственно отъ своего законнаго правительства. Прошло уже то время, и, слава Богу, прошло безвозвратно, когда здѣшній помѣщикъ боялся, чтобы его имя не было предано гласности, какъ человѣка, преданнаго законной власти. Нынѣ всѣ съ омерзеніемъ вспоминаютъ прошлое, стыдятся своихъ горькихъ заблужденій, и благословляютъ тѣ мудрыя начала, кои въ послѣдніе 10 мѣсяцевъ возвратили ихъ на путь чести и долга, кои, къ сожалѣнію такъ поздно, открыли имъ глаза и разоблачили всю низость и ничтожность агитаторовъ, успѣвшихъ ихъ запутать въ свои ядовитыя сѣти. Исполняя въ точности и безропотно всѣ распоряженія правительства, нѣкоторые частные случаи доказываютъ совершенно измѣнившееся направленіе умовъ; такъ, напр., въ январѣ мѣсяцѣ, вилейскій благочинный протоіерей Балицкій, всѣми уважаемый и любимый пастырь, имѣлъ несчастіе сильно пострадать отъ пожара, лишившаго его почти всего имущества. Какъ скоро распространилось это печальное извѣстіе, сосѣдніе помѣщики тотчасъ же поспѣшили съ возможною помощію, а въ особенности помѣщикъ Иванъ Любанскій, г. Свидзинскій, господа Тукалло, Гечевичь и др

Приготовленія къ предположенной постройкѣ православной церкви въ г. Вилейкѣ и заготовленіе матеріала—идутъ весьма успѣшно. Мѣстный военный начальникъ подалъ мысль устроить городскіе часы и въ нѣсколько дней на этотъ предметъ собрано добровольныхъ приношеній болѣе 300 р. с. Кромѣ того предложено построить новый причтъ для священника, такъ какъ его помѣщеніе нынѣ весьма скудно. Г. Любанскій и г-жа Тукалло отпустили лѣсной матеріалъ на постройку народныхъ училищъ; г-жа Чеховичъ въ имѣніи Бѣсяды пожертвовала весь лѣсной матеріалъ, какъ для училища, такъ и для волостнаго правленія.

Характеръ и дѣятельность прежнихъ мировыхъ посредниковъ въ западномъ краѣ.

Какъ служили въ западномъ краѣ мировые посредники польскаго происхожденія великому дѣлу освобожденія крестьянъ и улуч-

шенія ихъ быта, предначертанныхъ Высочайшею волею, уже неоднократно было заявляемо въ оффиціальныхъ и частныхъ сообщеніяхъ. Повѣрочныя коммиссіи, тотчасъ же по вступленіи въ кругъ своей дѣятельности въ этомъ краѣ, встрѣтили рѣзко бросающіяся въ глаза и нерѣдко самыя возмутительныя злоупотребленія бывшихъ здѣсь мировыхъ посредниковъ. Дальнѣйшими работами коммиссіи и дѣятельностію мировыхъ посредниковъ новаго состава разоблачено множество подобныхъ злоупотребленій. Оказалось, что бывшіе здѣсь мировые посредники польскаго происхожденія поставили своей задачей—совершенно парализировать силу положеній 19-го февраля, какъ въ отношеніи экономическомъ, такъ и относительно развитія самаго управленія краемъ, систематически подавить русскую народность, раззоривши крестьянъ и убивши ихъ духъ. Вмѣсто дарованнаго крестьянамъ самоуправленія, они вводили здѣсь, подъ видомъ законности, въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, личное свое самоуправство: должностныхъ лицъ вопреки положенію выбирали сами и обращали ихъ въ своихъ и помѣщичьихъ прикащиковъ; не только не старались разъяснить дарованныхъ крестьянамъ правъ, но даже нерѣдко старались отъ нихъ скрывать самыя книги положеній; были примѣры, что крестьянскія денежныя суммы расходовали единственно по своему личному усмотрѣнію и даже держали не въ сундукахъ волостныхъ правленій, а въ своихъ собственныхъ карманахъ; были примѣры, что подвергали жестокому тѣлесному наказанію не только тѣхъ крестьянъ, которые не являлись на панскія работы, но даже и тѣхъ, которые отказывались ходить на работы къ самимъ посредникамъ; старались устроивать училища въ польско-латинскомъ духѣ для воспитанія молодого поколѣнія, къ православному же духовенству показывали полнѣйшее презрѣніе. Были посредники, которые на сходахъ говорили крестьянамъ, что они ихъ паны, ихъ посредники, ихъ губернаторы. Это все факты безъ всякихъ преувеличеній. Мы уже не будемъ много распространяться, что многіе мировые посредники польскаго происхожденія своими подписями закрѣпили самыя возмутительныя неправды въ уставныхъ грамотахъ какъ по отношенію къ количеству и качеству земли, такъ и по отбыванію крестьянами непомѣрныхъ повинностей въ пользу помѣщиковъ. Если бы эти уставныя грамоты были приведены въ исполненіе, то крестьяне, вмѣсто

ожидаемаго правительствомъ улучшенія ихъ быта, были бы окончательно раззорены въ самое короткое время и сдѣлались бы совершенно безгласными и покорными орудіями въ рукахъ польской пропаганды. Основы такой злотворной дѣятельности мировыхъ посредниковъ прежняго состава послѣ бывшаго мятежа сдѣлались уже совершенно очевидными: они служили не русскому правительству и не русскому народу, а подпольному мятежному польскому правительству. Значительная часть этихъ дѣятелей предана въ руки правосудія, а нѣкоторые изъ нихъ вовсе удалены изъ края. Освобожденіе крестьянъ ускорило давно готовившійся мятежъ, въ подготовленіи и выполненіи котораго мировые посредники принимали самое дѣятельное и живое участіе.

Что именно на этихъ основаніяхъ опиралась дѣятельность прежнихъ мировыхъ посредниковъ въ западномъ краѣ, вотъ новое тому доказательство. Мы имѣемъ совершенно достовѣрныя извѣстія изъ кіевскаго генералъ-губернаторства, что тамъ при обыскахъ пановъ нашли слѣдующій формальный, оффиціально писанный отзывъ посредника къ пану, на бланкѣ, отпечатанный по польски:

„Украина. Воеводство такое то. Выдѣлъ такой то. №

„По просьбѣ пана Н. я составилъ грамоту, дѣло рѣшили до того не въ пользу хлоповъ, что отъ нихъ утаено земли 250 десятинъ, и они въ силу такого документа навсегда уже лишаются права возвратить эту землю. Надѣюсь, что и вы, и наши будутъ довольны моими дѣйствіями“. Мировые посредники всюду выбирались изъ лучшихъ людей. Каково же то общество, живымъ представителемъ котораго служитъ этотъ наглый измѣнникъ правительству и народу. Онъ гордится своими плутнями и расчитываетъ на благодарность всѣхъ своихъ единомышленниковъ. Мы теперь очень хорошо знаемъ, кто эти наши, о которыхъ говоритъ почтенный мировой дѣятель: это все его сотрудники, главные распространители мятежа.

Если намъ не достаточно было узнать польскій катихизисъ, то этотъ безсмертный документъ, кажется, въ состояніи убѣдить самыхъ отчаянныхъ скептиковъ въ характерѣ польской дѣятельности, хотя бы она прикрывалась самою благовидною для насъ внѣшностью.

Этотъ же польско-іезуитскій документъ, какъ нельзя болѣе ясно и убѣдительно, доказываетъ всю необходимость повѣрочныхъ коммис-

сій, противъ которыхъ польская интрига начинаетъ распускать внутри Россіи самые нелѣпые слухи, расчитывая на наше простодушіе и довѣрчивость. Никто лучше помѣщиковъ польскаго происхожденія, воспитанныхъ въ правилахъ отца Игнатія, не съумѣетъ сыграть роль угнетенной невинности. До насъ уже доходятъ изъ внутренней Россіи отголоски, что мы здѣсь ихъ систематически раззоряемъ, неразбирая ни праваго, ни виноватаго, чтобы ихъ отсюда только вытѣснить. Пусть добрые и довѣрчивые люди, если они забыли польскій катихизисъ, хоть не забываютъ выше приведеннаго нами документа, характеризующаго честность польской дѣятельности и указывающаго, насколько мы ей должны вѣрить. Z.

1864 года 5 апрѣля. Вильно.

— **Письмо изъ Ченстохова въ „Русскій Инвалидъ"**.—У католиковъ, въ нынѣшнемъ году, Пасха праздновалась 15-го (27-го н. с.) марта. Въ этотъ день въ Ченстоховѣ была превосходная, теплая погода. Солнце ярко обливало весенными лучами Ясную гору, на вершинѣ которой возвышается знаменитый монастырь съ чудотворною иконой Ченстоховской Божіей Матери. Народъ со всѣхъ сторонъ тянулся по дорогамъ въ костелъ. Экипажи, не затѣйливые, правда, сновали у подъѣзда монастырскаго. По пріѣздѣ въ костелъ командира Колыванскаго пѣхотнаго полка, флигель-адъютанта, полковника Власова, президентъ города сообщилъ ему, что здѣшніе монахи намѣрены заявить Государю Императору чувство вѣрноподданнической преданности и желаютъ вручить адресъ полковнику Власову, какъ флигель-адъютанту Его Величества. Для врученія полковнику адреса монахи назначили 17-е число, т. е. третій день Пасхи. Въ назначенное время полковникъ Власовъ съ частью своего штаба и городскимъ полиціймейстеромъ прибылъ на Ясную гору. Мы прошли длинные, настоящіе старинные, монастырскіе корридоры. При входѣ въ помѣщеніе главныхъ лицъ ордена, внизу, у лѣстницы, насъ встрѣтилъ настоятель монастыря; на верхней ступенькѣ дожидались бывшій генералъ ордена, ксендзъ Зѣмба, и провинціялъ, кс. Кубарскій. (Генералъ у нихъ выбирается на шесть лѣтъ. Зѣмба былъ уже разъ генераломъ; теперь скоро у нихъ будутъ опять выборы и, кажется, всѣ монахи этого ордена

опять намѣрены избрать своимъ генераломъ этого же Зѣмбу. Провинціяла обязанность—ревизовать всѣ монастыри своего ордена въ Польшѣ). Послѣ обычнаго привѣтствія, насъ провели въ квартиру генерала Зѣмбы. Здѣсь уже были собраны городскія власти и представители польскаго управленія ордена паулиновъ. Въ 4 часа подали закуску, послѣ которой наступило усаживанье за обѣденный столъ. Полковника Власова пригласили сѣсть на одномъ концѣ стола, а на другомъ помѣстился хозяинъ квартиры. Подлѣ полковника, съ правой стороны, сидѣлъ провинціялъ, по бокамъ усѣлись гости и монахи. Начался обѣдъ,—длинный, польскій обѣдъ, съ его многочисленными блюдами, хорошими винами и неизбѣжнымъ трактованіемъ. Когда бокалы наполнились шампанскимъ, генералъ всталъ и обратился ко всѣмъ присутствовавшимъ съ краткою, но сильною и живою рѣчью. Онъ говорилъ дѣльно, не рисовался краснорѣчіемъ проповѣдника, но спокойно и съ большимъ умѣньемъ высказалъ вѣрноподданническія чувства ордена паулиновъ къ Государю Императору. Въ рѣчи его развиты были слѣдующія главныя мысли. Во все время настоящаго польскаго возстанія, орденъ паулиновъ, по его словамъ, велъ себя, какъ прилично монахамъ, и не смотря на окружавшее его волненіе умовъ, сохранилъ себя безупречнымъ относительно русскаго правительства. Собственно къ Особѣ Государя Императора и Его Августѣйшаго семейства паулины всегда были душевно преданы, какъ могутъ быть преданными только настоящіе русскіе подданные. Обитель ченстоховская, которую посѣщали часто польскіе короли, имѣла счастіе принимать у себя Императора Александра I и Великихъ Князей, Августѣйшихъ братьевъ Императора Александра Николаевича, и удостоилась пользоваться ихъ царскими милостями. Орденъ паулиновъ не сомнѣвается, что Государь Императоръ вѣритъ ихъ преданности; но братья паулины не могутъ не высказать наполняющихъ ихъ чувствъ благоговѣнія передъ справедливостію и великодушіемъ Его Императорскаго Величества, и желаютъ выразить эти чувства особымъ адресомъ, а потому, оцѣнивъ въ флигель-адъютантѣ Его Величества, полковникѣ Власовѣ—человѣка съ истинно-рыцарскими убѣжденіями и безукоризненно справедливаго администратора, считаютъ его за самаго

достойнаго посредника и просятъ осчастливить этотъ орденъ принятіемъ адреса для представленія Его Императорскому Величеству. Монахи вышли въ другую комнату и сейчасъ же вернулись оттуда и поднесли полковнику на серебрянномъ блюдѣ, приготовленный ими заранѣе, всеподданнѣйшій адресъ. Полковникъ взялъ адрессъ съ подноса, и просилъ прочитать его. Адрессъ написанъ по польски. Вотъ его переводъ:

„Августѣйшій Монархъ! Скоро совершится пятьсотъ лѣтъ, какъ орденъ нашъ, неусыпно бодрствующій у чудотворнаго образа Божіей Матери, на Ясной Горѣ, въ Ченстоховѣ, постоянно молится о благоденствіи края и его Царей. Такія же чистосердечныя молитвы изъ глубины души возсылаемъ мы каждодневно и теперь, о благоденствіи и долголѣтіи Вашего Императорскаго Величества, въ твердомъ упованіи, что Всевышній Творецъ, по предстательству Матери Божіей, услышитъ наши мольбы для счастія народовъ, находящихся подъ скипетромъ Вашего Императорскаго Величества. Державнѣйшій Государь! Благоволите принять эти слова покорныхъ служителей алтаря, какъ выраженіе нашихъ вѣрноподданническихъ чувствъ и непоколебимой преданности Престолу, и не оставьте насъ Своимъ Всемилостивѣйшимъ Монаршимъ покровительствомъ.—Вашего Императорско-Царскаго Величества всеподданнѣйшіе монахи ордена св. Павла, на Ясной Горѣ, въ Ченстоховѣ.“—Адрессь подписали всѣ представители управленія ордена. По прочтеніи адресса, полковникъ сказалъ монахамъ, что онъ считаетъ за особенное счастье для себя представить Государю Императору этотъ адрессъ и благодарилъ монаховъ за честь, которую оказали они ему, выбравъ его посредникомъ для представленія адресса. За тѣмъ, хозяинъ предложилъ тостъ за драгоцѣнное здоровье Государя Императора; громкое троекратное „ура“ огласило монастырскій пріютъ генерала. Слѣдующій тостъ—за здоровье Георгія Петровича Власова, который, въ свою очередь, б... арилъ хозяевъ за ихъ гостепріимство и предложилъ тостъ ...ровье ордена братьевъ паулиновъ. Обѣдъ кончился въ вось... асу. Послѣ обѣда, между гостями и хозяевами завязались ...ные разговоры, сужденія, объясненія. Особеннымъ распо...ъ монаховъ пользовался командиръ 3-й стр. роты, квар-

тирующей въ самомъ монастырѣ. Братья-паулины офицера этого называютъ своимъ комендантомъ. Слышны были между бесѣдовавшими языки: русскій, польскій, нѣмецкій и даже латинскій. Любезные хозяева угощали насъ очень радушно, напоили чаемъ и въ половинѣ 10-го часа вечеромъ рѣшились отпустить насъ. Провожаніе и прощаніе сопровождались изъявленіемъ самаго искренняго расположенія.

Православная церковь въ Царствѣ Польскомъ.—Варшавскій корреспондентъ „Русскаго Инвалида" сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія объ исторіи православной церкви въ Царствѣ Польскомъ. До 1790 года въ Царствѣ не было православныхъ церквей и значительное число грековъ, жившихъ по торговымъ дѣламъ въ Варшавѣ, Люблинѣ, Калишѣ, Піотрковѣ и другихъ городахъ, принуждены были сходиться просто у своихъ единовѣрцевъ и въ домахъ совершать богослуженіе. Въ 1790 году, король Станиславъ-Августъ Понятовскій особою грамотой дозволилъ грекамъ имѣть церкви. Греки сдѣлали складчину, и около 1796 года устроили домашнюю церковь сначала въ сапѣжинскомъ дворцѣ, а потомъ на Козьей улицѣ. Послѣ 1815 г., покровительствуемые русскимъ правительствомъ, греки задумали построить каменную церковь. Въ короткое время они собра и 47,313 злотыхъ, купили 3-хъ этажный домъ на Подвальной улицѣ и въ каменномъ корпусѣ устроили въ 1818 году нынѣшнюю церковь во имя святой Троицы. Покупка дома и устройство церкви стоили 146,780 злотыхъ. Это собственно и есть православная церковь въ Польшѣ, за исключеніемъ посольской церкви въ брилевскомъ дворцѣ, разграбленной въ революцію 1793 года. Сначала греческія церкви зависѣли отъ буковинскихъ епископовъ и управлялись такъ называемою кураторіею изъ самихъ грековъ; въ 1825 году они подчинены вѣдомству минскаго архіепископа, а 1828 году послѣдовало назначеніе благочиннаго надъ всѣми церквами въ Царствѣ Польскомъ. Наконецъ, въ 1834 году учреждена въ Варшавѣ епископская каѳедра въ качествѣ викаріатства волынской епархіи, а въ 1840 году оно преобразовано въ особую варшавскую епархію и викарій Антоній, впослѣдствіи митрополитъ петербургскій, назначенъ былъ первымъ архіепископомъ варшавскимъ и новогеоргіевскимъ. Послѣ 1834 года замѣтно стало увеличиваться число православныхъ церквей въ Польшѣ. Въ настоящее

время въ одной Варшавѣ 7 православныхъ церквей и кромѣ того въ варшавской губерніи —4, въ радомской губерніи—3, въ люблинской губерніи—8, въ плоцкой губерніи—1 и въ августовской губерніи—4. Крѣпостныя церкви содержатся на суммы коммиссаріатскаго вѣдомства, таможенныя—департаментомъ внѣшней торговли, а прочія на счетъ казны Царства Польскаго. По бюджету 1862 года, отпущено изъ казны царства на содержаніе православнаго духовенства—460,505 р. 2 коп. сер. (Бирж. Вѣд.)

Поляки-чиновники въ югозападномъ краѣ.—Россія всегда умѣла извлекать полезные уроки изъ водоворота политическихъ событій, волнующихъ этотъ міръ. Самыя бѣдствія, постигавшія по волѣ судебъ, отъ времени до времени, наше отечество, постепенно приводили его на высшую ступень величія и могущества. Мы были зрителями и отчасти участниками громадной внутренней обновительной дѣятельности, которая закипѣла на всемъ протяженіи безмѣрной Россіи вслѣдъ за уроками, преподанными намъ крымскою войною. Увы! намъ было также суждено пережить безразсудное возстаніе единоплеменныхъ поляковъ, которое пріостановило наше шествіе ко храму незыблемаго благоденствія и прочной славы. Но, господа, и въ этотъ разъ прогрессъ замедленъ не безъ будущей пользы. Смиривъ враговъ внутреннихъ, Россія стала изучать и устранять причины, ихъ породившія, чтобы затѣмъ съ новою силою безпрепятственно продолжать славный путь, указанный ей Всемогущимъ Провидѣніемъ. И такъ поляки-чиновники здѣшняго края прежде всего обратили вниманіе общества и администраціи. Нѣкоторые изъ этихъ должностныхъ лицъ приняли прямое участіе въ мятежѣ, другіе участвовали въ немъ косвенно, остальные ограничились заявленіемъ болѣе или менѣе гласнымъ своего сочувствія къ возстановленію стараго порядка вещей. Гдѣ же кроется корень такаго недоброжелательства? Не заключаетъ-ли онъ въ себѣ свойствъ долговѣчности? Наконецъ, какъ уврачевать, или, по крайней мѣрѣ, облегчить язвы, отъ времени до времени насъ обезпокоивающія? Вотъ вопросы, разрѣшеніями которыхъ занято общество и администрація! Они породили самые разнообразные, самые противоположные толки, и, какъ всегда бываетъ въ годину общественныхъ потрясеній, крайности въ сужденіяхъ столкнулись. И такъ, одни отвергали возможность возобновленія нашихъ общественныхъ ранъ;

другіе, напротивъ, придавая имъ свойства заразы, предлагали для быстраго врачеванія средства, основанныя на пружинахъ простоты и грубости Должна же быть середина, mezzo termina, какъ говорятъ италіянцы, въ ультрированныхъ разглагольствованіяхъ. Въ чемъ состоитъ эта средина? Вотъ предметъ, въ который мы постараемся, по мѣрѣ нашихъ силъ, войти въ настоящей статьѣ. Прежде всего бросается въ глаза то обстоятельство, что всѣ почти поляки-чиновники, обнаружившіе недоброжелательство Россіи, получили воспитаніе въ тѣхъ же общественныхъ заведеніяхъ нашего отечества, въ которыхъ русскіе питомцы утверждаются въ совершенно противуположныхъ чувствахъ. Отъ чего происходятъ столь разныя послѣдствія? Отъ того, что наша школа не властна посѣять, но только возрастить и укрѣпить посѣянное. Семя зарождается въ семейной закваскѣ, которая въ польскихъ домахъ намъ враждебна. Здѣсь, едва появляется на свѣтѣ дитя, какъ оно уже погружается исключительно въ польскіе звуки. Особенною заботливостью родителей устраняется всякаго иного рода примѣсь въ эту купель. По мѣрѣ развитія сознательныхъ силъ въ дитяти, оно исключительно складаетъ молитвенникъ на польскомъ языкѣ, читаетъ краткую польскую исторію, разыгриваетъ на фортепіанѣ или слышитъ игру маршей Бема, въ честь косиньеровъ, на казнь Канарскаго и т. п. Вотъ та почва, изъ которой дитя получаетъ соки для своего роста и для своей внутренней полноты. На этой почвѣ государственные преступники становятся великими личностями, и русская народность—монгольскою Конечно, общественное заведеніе не властно изгладить могущественныхъ и вѣчныхъ впечатлѣній младенчества Притомъ, рядомъ съ образованіемъ, которое получаютъ въ школахъ дѣти поляковъ, безостановочно идетъ воспитаніе ихъ въ кругу семействъ; два или три часа, проведенныхъ питомцомъ, въ промежутокъ между классами, среди своихъ родственниковъ, нѣсколько недѣль вакаціоннаго времени, уничтожаютъ въ немъ сухіе оффиціальные уроки педагоговъ, которые онъ слушаетъ изъ скамьи. Эти уроки проносятся для подобнаго рода учениковъ какъ далекіе звуки, не касаясь ума и сердца. Такимъ образомъ, съ враждебными, по большей части, чувствами къ государственному строю, вступаетъ молодой полякъ на поприще граждан кой службы. Доселѣ нерасположеніе его къ существующему порядку вещей основывалось на при-

зрачныхъ,—такъ сказать—представленіяхъ. Но отнынѣ, несбыточность надеждъ, треволненія и неудачи практической жизни, постоянно поддерживаютъ и укрѣпляютъ въ немъ тоскованіе по прошедшей позабытой рѣчи. Прилежно наблюдая это всеобщее патріотическое тоскованіе нашихъ поляковъ-чиновниковъ, иначе называемыхъ—н а д з ѣ е ю к р а я, нельзя не отличить въ немъ двухъ оттѣнковъ. Въ воображеніи поляковъ, не получившихъ высшаго образованія, древнее государство польское, бывшее, по мѣткому выраженію одного французскаго писателя, не болѣе какъ р а е м ъ е в р е е в ъ, представляется въ родѣ баснословнаго золотого вѣка, когда люди, живя за одно съ богами, наслаждались полнымъ невозмутимымъ счастіемъ. Но полякъ-чиновникъ, основательно знакомый съ язвами, которыми страдала политически независимая Польша, стремится всѣми своими пожеланіями къ ея воскресенію, для осуществленія идеальнаго государственнаго строя. Эти два разряда должностныхъ лицъ, обыкновенно разрозненные при каждомъ болѣе или менѣе значительномъ потрясеніи въ Европѣ, смыкаются въ общемъ ожиданіи. Такимъ образомъ рядъ значительныхъ побѣдъ, одержанныхъ въ началѣ настоящаго столѣтія генераломъ французской республики Бонапартомъ, затѣмъ возвышеніе наполеоновской имперіи, война въ 1812 году, іюльская революція, наконецъ освобожденіе Италіи, возбудивъ въ большей или меньшей мѣрѣ политическія страсти массы обитателей такъ называемой Великой Польши, въ то-же время находили отклики въ верхнихъ слояхъ народонаселенія юго-западной Россіи. Изъ всего вышеизложеннаго явствуетъ несообразность мнѣнія, что настоящимъ возстаніемъ поляки навсегда покончили съ прошедшимъ. Грядущее, безъ сомнѣнія, хранитъ въ себѣ еще много событій, которыя зашевелятъ враждебныя намъ массы. Но, съ другой стороны, намъ кажется, что многіе придаютъ ужъ черезчуръ большое значеніе сочувствію поляковъ-чиновниковъ революціи. Вся выгода ихъ управленія здѣшнимъ краемъ состоитъ именно въ томъ, что въ мирное время оно властно пріучить массу народонаселенія руссиновъ къ безразличію русскаго правительства отъ польскаго, ибо здѣшній простолюдинъ чуждъ возвышенныхъ патріотическихъ ощущеній; [1]) для него изба совмѣщаетъ отечество, но,

[1]) Исторія юго-западнаго края Россіи и настоящее, живое участіе крестьянъ въ усмиреніи мятежа доказываютъ противное. Ред.

что всего грустнѣе—для него полякъ есть истинный господинъ, иначе панъ; напротивъ, великороссъ не болѣе какъ москаль, т. е. воинъ. Конечно, индиферентизмъ получаетъ опасное значеніе въ случаѣ быстраго переворота при пособіи могущественнаго завоевателя, но распространяться объ этомъ значило бы становиться на почву фантазіи. Нелѣпо допускать возможность рѣшительнаго переворота; но можетъ быть, какъ мы уже сказали, еще много поводовъ къ временнымъ, тѣмъ не менѣе сильнымъ безпорядкамъ, оскорбительнымъ для величія государства и, вмѣстѣ съ тѣмъ, замедляющимъ общественное благосостояніе. Пламенное усердіе, съ которымъ всѣ предались изысканію предохранительныхъ мѣръ отъ будущихъ злоключеній, не есть ли прочный залогъ стремленія къ безостановочному прогрессу. Мы надѣемся поговорить объ этихъ мѣрахъ въ болѣе досужное время. (Кіевс. Тел.)

ПОЛЬСКІЯ МЕЧТЫ И ДѢСТВИТЕЛЬНОСТЬ.

(окончаніе).

ГЛАВА IV.

Быть можетъ спросятъ, какимъ образомъ какое-бы то ни было правительство, благонамѣренное или неблагонамѣренное, можетъ видѣть и терпѣть подобный порядокъ вещей? Почему оно, обладая властью, могущество которой не можетъ быть отрицаемо во многихъ случаяхъ, не посвятило всего своего вниманія и всѣхъ своихъ усилій на предотвращеніе бѣдствій, долженствовавшихъ возникнуть какъ для него, такъ и для той націи, судьбы которой были ему ввѣрены?

Не нужно было удостоиваться высокаго довѣрія Императора Александра I и Императора Николая I, ни быть посвященнымъ въ тайну высокихъ думъ того Государя, котораго Россія провозглашаетъ теперь своимъ освободителемъ, чтобъ отвѣчать на вопросы, сами по себѣ возникающіе при чтеніи всего предыдущаго. Было бы достаточно спокойно и безпристрастно прослѣдить ходъ событій съ 1815 года и составить себѣ ясное понятіе о затрудненіяхъ, возникшихъ для русскаго правительства, вслѣдствіе нео-

бходимости согласовать иногда противоположные интересы Имперіи и Царства польскаго, а также вслѣдствіе требованій внѣшней политики; достаточно не терять изъ виду ни одного изъ этихъ соображеній и имѣть нѣкоторое понятіе о мѣстныхъ условіяхъ, чтобы объяснить себѣ и добросовѣстно оцѣнить политику, которой слѣдовала Россія въ Польшѣ съ 1815 года.

Нѣтъ надобности возвращаться къ историческимъ даннымъ, бѣглый обзоръ которыхъ сдѣланъ былъ выше. Недоброжелательство, исполненное неблагодарности и отличающееся безтактностью, которымъ поляки отвѣчали на великодушныя намѣренія Императора Александра I, составляютъ фактъ, признанный исторіею. Не менѣе достовѣрно и то, что такой незаслуженный пріемъ не поколебалъ намѣреній Императора, который твердо рѣшился настоять на своемъ.

Ему, слѣдовательно, невозможно было усложнить уже и безъ того довольно серіозныя затрудненія, противъ которыхъ ему предстояло бороться, затрогивая привилегіи сословія, хотя и весьма малочисленнаго, но которое, по свидѣтельству одного изъ извѣстнѣйшихъ польскихъ патріотовъ, было твердо увѣрено, что составляетъ собою всю польскую націю.

„Земледѣліе и мануфактурная промышленность выигрывали—писалъ въ 1827 году графъ Михаилъ Огинскій по поводу мѣръ, принятыхъ въ Великомъ Герцогствѣ Познанскомъ, то есть „единственнаго сословія, составлявшаго въ прежнее время время польскую націю. Нѣтъ сомнѣнія—говоритъ онъ далѣе, возвращаясь къ этой мысли съ настойчивостью, доказывающею, до какой степени онъ былъ ею проникнутъ—нѣтъ сомнѣнія, что не существуетъ никакого различія между поляками и литовцами, преимущественно въ дворянскомъ сословіи, которое одно только и составляетъ, такъ сказать, всю націю. Могъ ли Императоръ Александръ I, въ виду столь глубоко вкоренившагося предразсудка и въ такую эпоху, когда вліяніе великихъ потрясеній, вызванныхъ революціями и наполеоновскою политикою, проявлялось въ Европѣ въ судорожныхъ движеніяхъ,-могъ ли онъ предпринять реформы въ Польшѣ и совершенно измѣнить не вполнѣ упрочившіяся основы такого общества, которое постоянно оказывало упорнѣйшее сопротивленіе подобнымъ же попыткамъ своихъ собственныхъ государей„.

Въ эту эпоху можно было только положить начало будущему и создать въ государственныхъ имуществахъ образцы новаго порядка, которыми могли бы воспользоваться польскіе землевладѣльцы, для улучшенія быта земледѣльческихъ сословій.

Въ этомъ отношеніи, ничто не было упущено какъ въ царствованіе Императора Александра I, такъ и въ царствованіе его преемника. Съ 1816 года, положеніе крестьянъ, водворенныхъ на казенныхъ земляхъ, было значительно измѣнено. Земли, которыми они пользовались, были объявлены неотчуждаемыми, что гарантировало крестьянамъ ихъ осѣдлость и обезпечивало ихъ будущность.

Барщины были сначала уменьшены, а впослѣдствіи отмѣнены окончательно и замѣнены денежнымъ оброкомъ, весьма умѣреннымъ и соотвѣтствующимъ качеству земель. Всѣ безъ исключенія чрезвычайныя повинности и даремщины были отмѣнены. Въ маіоратахъ, впослѣдствіи правительствомъ въ видѣ награжденій, государство предоставило себѣ право ввести контроль, и владѣтелей ихъ подчинило нѣкоторымъ условіямъ, въ интересахъ крестьянскаго сословія.

Эти доводы подтверждаются слѣдующими цифрами и фактами· изъ 109,576 крестьянскихъ домовъ, находящихся на земляхъ, принадлежащихъ къ помянутымъ тремъ разрядамъ, только 362 отбываютъ барщинную повинность, тогда какъ въ частныхъ имѣніяхъ до сихъ поръ еще существуетъ до 5,145 домовъ, обязанныхъ барщиною, и до 52,537 домовъ, отбывающихъ смѣшанную повинность, т. е. состоящихъ на барщинѣ и оброкѣ.

Въ государственныхъ имуществахъ средняя величина оброка составляетъ 3 франка 50 сантимовъ съ гектара; въ земляхъ, принадлежащихъ благотворительнымъ учрежденіямъ, 3 франка 60 сант., тогда какъ помѣщичьи крестьяне платятъ, среднимъ числомъ, до 11 франк. 50 сант. съ гектара, и нерѣдко оброкъ ихъ достигаетъ еще большаго размѣра,—87 франк. 87 сант.

Подобныя мѣры должны были стоить государству значительныхъ жертвъ и уменьшить его доходы. Оно могло бы вознаградить себя посредствомъ учрежденія новыхъ налоговъ или увеличенія податей, платимыхъ преимущественно поземельными собственниками и которыя легко могутъ быть усилены. Такъ,

размѣръ поимущественной подати, извѣстной въ Польшѣ подъ названіемъ офяры, установленъ былъ еще въ 1789 году. Съ того времени цѣнность недвижимыхъ имуществъ удесятирилась, доходы увеличились еще въ большихъ размѣрахъ, и не смотря на то, поимущественная подать взимается и донынѣ на основаніи разцѣнки, составленной почти сто лѣтъ тому назадъ. Вообще Польша принадлежитъ къ числу государствъ, наименѣе обложенныхъ налогами, ибо на долю каждаго плательщика приходится по 10 франковъ 40 сант., тогда какъ во Франціи взыскивается 35 фр. 50 сант., въ Англіи—50 фр. 50 сант., а въ Россіи 13 франковъ 76 сант.

Этотъ идеалъ дешеваго государственнаго управленія, за которымъ гонятся новѣйшіе экономисты, осуществляется преимущественно въ такой странѣ, которая не обязана удовлетворять ни расходовъ по содержанію арміи и флота, ни по дипломатическимъ издержкамъ, и которая доставляетъ на расходы Императорскаго двора только 1,200,000 франковъ. Польское казначейство расходуетъ ежегодно не болѣе 12,600,000 франковъ; но такъ какъ оно получаетъ съ другой стороны 14,154,416 франк., то изъ этого слѣдуетъ, что Россія покрываетъ всѣ расходы по управленію Царства Польскаго и кромѣ того ежегодно даритъ ему 1,554,416 франковъ.

Въ числѣ вспомоществованій, даваемыхъ Царству Польскому, одно заслуживаетъ особеннаго вниманія, какъ носящее исключительный характеръ. Акцизъ съ соли былъ слишкомъ обременителенъ для бѣднаго класса; правительство рѣшилось въ 1850 году придти ему на помощь, и съ этой цѣлью значительно уменьшило акцизъ. Польская финансовая коммиссія протестовала противъ этой мѣры, какъ причиняющей ущербъ казнѣ; тогда государственное казначейство имперіи приняло на свой счетъ возмѣщеніе убытковъ. Происшедшій по этому случаю дефицитъ въ бюджетѣ Царства Польскаго простирается ежегодно до 8,797,512 франковъ; вслѣдствіе чего русскія податныя сословія вынуждены были платить ежегодно до 9 милліоновъ франковъ въ облегченіе польскаго народа.

Уничтоженіе таможенной линіи между имперіею и Царст-

вомъ польскимъ въ особенности благопріятствовало польской промышленности, какъ свидѣтельствуетъ о томъ англійскій писатель Смитъ. Находя множество средствъ къ сбыту своихъ произведеній не только внутри Имперіи, но даже и въ Азіи, мануфактурная промышленность въ Польшѣ стала быстро развиваться, и ничтожные городишки, въ двѣ или три тысячи жителей, превратились въ цвѣтущіе города, въ промышленные центры. Городъ Лодзь, напримѣръ, число жителей котораго простирается теперь до 32,000, едва заключалъ въ себѣ, четверть столѣтія тому назадъ, 1,500 жителей.

Нерѣдко эти выгоды серіозно вредили интересамъ Имперіи, ибо русскимъ фабрикамъ было трудно выдерживать соперничество польской производительности, и тотъ же англійскій писатель, о которомъ мы только что упомянули, утверждаетъ, что въ 1831 году русскіе фабриканты и купцы предложили правительству внести въ казну 15 милліоновъ рублей (60 милліоновъ франковъ), съ тѣмъ, чтобы таможенная линія между Польшею и Россіею была возстановлена.

Изъ всѣхъ этихъ данныхъ видно, что одно русское періодическое изданіе, служащее вѣрнымъ отголоскомъ національнаго мнѣнія, имѣло полное право говорить въ началѣ нынѣшней революціи:

„Всѣ эти утописты воображаютъ, что обладаніе Польшею „доставляютъ одну лишь радость и выгоды.... Всякій здравомы„слящій польскій патріотъ, способный оцѣнить дѣйствительные „интересы Польши, долженъ быть убѣжденъ, что для Царства, „въ его теперешнихъ предѣлахъ, несравненно выгоднѣе оста„ваться присоединеннымъ къ Россіи, нежели отдѣлиться отъ нея „и сдѣлаться второстепеннымъ государствомъ, окруженнымъ мо„гущественными сосѣдями, а слѣдовательно и неспособнымъ пріобрѣсти важнаго европейскаго значенія.“ Къ несчастію, всѣ эти „благіе примѣры, всѣ эти великодушныя и безкорыстныя дѣла не „достигли никакихъ результатовъ. За всякое благодѣяніе, посѣян„ное въ Польшѣ, русское правительство собираю обильную жатву „неблагодарности. Революціонный взрывъ 1830 года заставилъ его „отказаться отъ всякой попытки ввести реформы.“

Чтобы снова приступить къ столь важному дѣлу, требовавшему полнаго вниманія правительства, а также и благороднаго содѣйствія самаго общества, необходимо было ожидать прекращенія мятежа и успокоенія умовъ.

Открытый мятежъ былъ вскорѣ подавленъ русскими войсками и энергическими мѣрами, принятыми Императоромъ Николаемъ I; но что касается нравственной стороны его, то не такъ легко было побѣдить ее.

Для успокоенія умовъ необходимо было прежде всего отклонить отъ поляковъ внѣшнія поощренія и подстрекательства. Но этого не было достигнуто. Нигдѣ пламень раздора не былъ такъ усердно поддерживаемъ, какъ въ Польшѣ. Эта несчастная страна вѣчно была обманута и становилась жертвою людей, называвшихъ себя ея друзьями. Не заботясь о тѣхъ бѣдствіяхъ, которымъ она могла подвергнуться, старались только волновать ее непрестанными воззваніями къ неуловимому призраку національной самостоятельности. Одни имѣли въ виду образовать изъ Польши нѣчто въ родѣ резервуара революціонныхъ элементовъ, которыми бы они могли располагать въ удобную минуту. Другіе— пользовались ею какъ политическимъ средствомъ противъ внутреннихъ затрудненій. Забавлялись либеральничаньемъ издали и провозглашали на берегахъ Вислы такіе принципы, отъ примѣненія которыхъ всячески уклонялись на берегахъ Сены и Ганга. Такимъ-то образомъ, во все время царствованія Лудовика-Филиппа, французскія палаты провозглашали въ каждой сессіи безсмертіе польской націи; а съ согласія одного изъ министровъ іюльской монархіи, нѣсколько милліоновъ франковъ назначалось ежегодно на содержаніе польскихъ эмигрантовъ, и почти царскія почести отдаваемы были одной фамиліи, которая, по словамъ самихъ поляковъ, работала только для себя. Правительство, встревоженное такими явно враждебными манифестаціями, принужденное бороться противъ вѣчно возобновляющихся затрудненій, не имѣетъ времени думать объ общественныхъ реформахъ.

Не должно упускать изъ виду, что въ Россіи существовало крѣпостное право и что пора уничтоженія его еще не наступала. Нація находилась въ состояніи неподвижности, нравственной онѣ-

мѣлости, не благопріятствовавшихъ общественному перерожденію, осуществленіе котораго ускорилъ кризисъ 1854 года и сигналомъ котораго былъ послѣдній пушечный выстрѣлъ въ Севастополѣ.

Освобожденіе земледѣльческаго населенія въ Польшѣ и надѣленіе его землею не совершились бы безъ того, чтобы не отразиться на Россіи.

Великія реформы, въ особенности когда онѣ основаны на началахъ строгой справедливости, распространяются съ неудержимою силою.

Поэтому весьма понятно, что Императоръ Николай не рѣшился сдѣлать въ Польшѣ то, чего онъ не могъ еще сдѣлать въ Россіи.

Не смотря на то, важныя обстоятельства 1846 года заставили его дѣйствовать иначе. Кровопролитіе, театромъ котораго была Галиція.

Вслѣдствіе этого былъ обнародованъ указъ 26 мая (7 іюня).

Этотъ актъ, служившій исходной точкой всѣхъ мѣръ, которыми русское правительство безплодно, но искренно стремилось къ возрожденію польскаго общества, такъ важенъ, что необходимо выписать изъ него, слово въ слово, главныя статьи [1]).

„Принимая въ соображеніе, что въ Нашемъ Царствѣ Поль„скомъ, крестьяне-земледѣльцы, послѣ дарованной имъ свободы, „видѣли, съ 1831 года, въ принадлежащихъ казнѣ имуществахъ, „значительное облегченіе своего положенія, тогда какъ, напро„тивъ того, крестьяне, находящіеся въ частныхъ владѣніяхъ, „зависятъ единственно отъ произвола помѣщиковъ, и что законъ „не опредѣляетъ въ точности свойства ихъ обязанностей;

„Принимая въ соображеніе, что, пользуясь этимъ положе„ніемъ дѣлъ, помѣщики удаляютъ крестьянъ и измѣняютъ или „уменьшаютъ, по своему усмотрѣнію, участки земли, находивші„еся съ незапамятныхъ временъ въ пользованіи послѣднихъ, изъ „чего оказывается, что число крестьянъ, не владѣющихъ имѣні„ями, возрастаетъ въ неопредѣленныхъ размѣрахъ, и что ихъ

[1]) Dziennik Praw, томъ 38, № 118, стр. 4.

„частыя выселенія производятъ вредное вліяніе на благоденствіе „и нравственность сословія, столь существенно полезнаго;

„Принимая въ соображеніе, наконецъ, что крестьяне, водворенные на частныхъ земляхъ, опасаясь лишиться участковъ, которыми пользовались съ незапамятныхъ временъ, очень часто находятся вынужденными принимать на себя и исполнять по произволу помѣщика, или же въ силу древнихъ обычаевъ, обременительныя повинности,—

„Мы сочли необходимымъ, до обнародованія общаго закона, „долженствующаго устроить положеніе крестьянъ, установить теперь же его предварительныя основанія. На этотъ конецъ повелѣваемъ слѣдующее:

Статья первая. „Крестьяне-земледѣльцы, водворенные въ мѣстечкахъ или деревняхъ, принадлежащихъ частнымъ лицамъ, и „пользующіеся участками земли не менѣе трехъ морговъ, сохранять, доколѣ будутъ въ точности исполнять всѣ свои обязанности относительно помѣщика, неотъемлемое пользованіе этими „землями и соединенными съ ними выгодами. Помѣщики не могутъ удалить ихъ изъ своихъ владѣній, ни отнять или уменьшить участки и сопряженныя съ ними выгоды, ни увеличить „повинности. Въ замѣнъ того, крестьяне могутъ переходить изъ „одного имѣнія въ другое, соблюдая однако установленный порядокъ, и предварительно извѣщая объ этомъ помѣщика, за три „мѣсяца до начала экономическаго года.

Статья 2. „Помѣщики обязаны, въ двухмѣсячный срокъ, „найдти и водворить новыхъ поселянъ на оставленныхъ земляхъ „и участкахъ, которые имъ строго воспрещается включать въ „черту господскихъ владѣній.

Статья 3. „Всѣ дополнительныя повинности, извѣстныя подъ „общимъ названіемъ даремщины, равно какъ и всякая особая барщина, не опирающаяся на законныя основанія, будутъ отмѣнены правительственнымъ совѣтомъ царства—для земель, состоящихъ „въ пользованіи самихъ помѣщиковъ, начиная съ 1-го января „1847 года, а для имѣній, отданныхъ въ аренду—по минованіи „сроковъ обязательствъ, заключенныхъ по 1-е января 1846“.

Основныя соображенія этого указа были столь же строги,

сколько положителей и самый текстъ его. Закономъ этимъ полагался конецъ отнятія земель у крестьянъ. Онъ излагалъ основанія надѣла ихъ землями и отмѣны исключительныхъ повинностей. Этимъ истреблялось зло въ его тройственномъ корнѣ, и прекращалось истощеніе народныхъ массъ дворянствомъ.

Сопротивляться открыто столь могучей, энергической волѣ, какъ воля Императора Николая I, было тѣмъ труднѣе, что онъ могъ ожидать благодарнаго содѣйствія со стороны сельскаго населенія. Поэтому, дворянской кастѣ не оставалось другаго исхода, какъ только тайномъ противудѣйствовать этому закону и избѣгать его исполненія; это она тотчасъ же и сдѣлала, воспользовавшись сообщничествомъ администраціи, къ несчастію слишкомъ самоправной и составленной изъ лицъ, которыя, происходя изъ среды дворянства, были совершенно преданы его выгодамъ.

Фазисы этой глухой, но упорной борьбы, веденной съ правительствомъ при посредствѣ его собственныхъ дѣятелей, чтобы воспрепятствовать ему удовлетворить самымъ настоятельнымъ общественнымъ требованіямъ страны, имѣютъ столь необыкновенный, и въ то же время столь поучительный характеръ, что нельзя долѣе умолчать о нихъ.

Указъ 26-го мая (7-го іюня) 1846 г. далеко не имѣлъ той опредѣленности и ясности, какихъ требовалъ столь важный актъ.

Во многихъ отношеніяхъ онъ подавалъ поводъ къ произвольнымъ толкованіямъ и представлялъ подлежавшимъ его дѣйствію возможность уклоняться отъ его исполненія.

Ничего не постановляя, въ статьѣ первой, о крестьянахъ, надѣленныхъ землею въ размѣрѣ менѣе трехъ морговъ, онъ устранялъ отъ благотворнаго дѣйствія закона значительную часть сельскаго населенія Царства.

Не упоминая о томъ, что подъ „крестьянами-земледѣльцами" въ законѣ разумѣются всѣ лица, посвятившія себя земледѣльческимъ работамъ, безъ различія разрядовъ или особыхъ наименованій, указъ этотъ открывалъ широкій доступъ къ кляузнымъ толкованіямъ.

Наконецъ, предписывая отмѣну дополнительныхъ повинностей, не опиравшихся на законныя основанія, статья 3 заключала от-

ронный пробѣлъ, такъ какъ въ ней не опредѣлялось, что именно слѣдуетъ разумѣть подъ „законными основаніями“, и указаніе этихъ оснований отдавалось на произволъ правительственнаго совѣта, составленнаго по большей части изъ дворянъ и собственниковъ польскихъ.

Этого было болѣе, чѣмъ достаточно для представленія возможности уклоняться отъ закона и уничтожать его дѣйствіе.

Надобно было прежде всего замедлить его примѣненіе; и на нѣкоторое время оставить крестьянъ въ неизвѣстности объ его постановленіяхъ, чтобъ имѣть возможность отнять земли у сколь возможно большаго числа ихъ или поставить другихъ подъ условія, устраняющія ихъ отъ выгодъ, предоставляемыхъ указомъ.

Съ этой цѣлью, административный совѣтъ Царства, подъ тѣмъ предлогомъ, что неудобно было бы, въ экономическомъ отношеніи, отрывать крестьянъ отъ работъ въ лѣтнее время, чрезъ обнародованіе закона такого рода, успѣлъ добыть желаемую отсрочку.

Въ постановленіи, изданномъ въ іюнѣ 1846 г., вскорѣ послѣ отъѣзда Императора Николая изъ Варшавы, значилось:

Что указъ будетъ припечатанъ въ Дневникѣ Законовъ Царства только 1-го сентября;

Что воспрещается обнародовать его, до этого срока, въ журналахъ и объявить его въ приходахъ.

Но, что всего важнѣе, здѣсь было именно сказано, что, въ избѣжаніе всякаго ошибочнаго толкованія текста закона крестьянами, слѣдуетъ принять мѣры къ тому, чтобъ они узнали о немъ не иначе, какъ чрезъ посредство **правительственныхъ властей**.

А эти **правительственныя власти** были большей частью, не кто иной, какъ гминныя войты, а слѣдовательно, собственники, и можно легко представить себѣ употребленіе, какое они сдѣлали изъ даннаго имъ совершеннаго полномочія, равно какъ и изъ трехмѣсячной отсрочки, допущенной въ исполненіи указа.

Прежде всего употреблено было въ пользу невѣдѣніе, въ которомъ преднамѣренно оставлены были крестьяне, чтобъ отнять земли у значительнаго числа ихъ и противопоставить совершившіеся факты благотворнымъ намѣреніямъ законодателя. Эти по-

спѣшныя похищенія, будучи рѣшительнымъ подлогомъ, должны были ускользнуть отъ статистической повѣрки. Поэтому, число ихъ не могло быть засвидѣтельствовано; но объ ихъ многочисленности свидѣтельствуютъ внезапное усиленіе земледѣльческаго пролетаріата около этого времени и постановленія, исторгнутыя у правительственнаго совѣта необходимостью положить, по крайней мѣрѣ для вида, предѣлъ столь позорнымъ злоупотребленіямъ.

Послѣ того, цѣлымъ рядомъ мѣръ, искусно принаровленныхъ и облеченныхъ во всевозможныя формы законности, приступлено было къ постепенному ограниченію круга дѣйствія указа 26-го мая (7-го іюня) 1846 г., такъ, чтобъ устранить отъ его дѣйствія значительную часть сельскихъ обывателей.

Всѣ крестьяне, занимавшіеся какимъ-нибудь промысломъ, мельники, кузнецы, содержатели постоялыхъ дворовъ, цѣловальники, были изъяты отъ выгодъ, предоставляемыхъ этимъ закономъ, подъ тѣмъ благовиднымъ предлогомъ, что они не земледѣльцы въ строгомъ значеніи этого законнаго термина.

Тоже было и съ крестьянами, водворенными на землахъ мелкихъ помѣщиковъ, которые пользовались кодексомъ Наполеона, объявляя, при этомъ случаѣ, что они сами не болѣе какъ „земледѣльцы“.

Одобренные этими первыми успѣхами, собственники предъявили теорію, благопріятствовавшую ихъ видамъ въ гораздо болѣе обширныхъ размѣрахъ.

Крестьяне, говорили они, съ которыми мы имѣемъ срочные контракты и которые платятъ денежный оброкъ, не земледѣльцы въ собственномъ смыслѣ. Это—фермеры или арендаторы. Законъ вовсе не ихъ разумѣлъ. Къ тому же, онъ не можетъ имѣть обратнаго дѣйствія, ограничивая или расширая сроки контракта.

Послѣ нѣкоторыхъ затрудненій, эта коварная теорія, наконецъ, восторжествовала. Вышло, что указъ былъ сочтенъ распространяющимся только на ограниченный разрядъ крестьянъ, водворенныхъ на господскихъ земляхъ, въ силу словесныхъ сдѣлокъ, и подлежавшихъ барщинѣ.

Что касается до исключительныхъ повинностей, то мы сказали,

что правительственному совѣту Царства было поручено отмѣнить всѣ тѣ изъ нихъ, которыя не опираются на законныя основанія.

Чтобъ опредѣлить эти основанія, не нашли ничего практичнѣе, справедливѣе какъ обратиться къ самимъ помѣщикамъ съ просьбой—занести въ особые списки (престаціонныя табели) всѣ повинности, барщинныя и другія обязательства, существовавшія въ ихъ владѣніяхъ.

„Эти списки — гласило постановленіе—должны быть составлены помѣщикомъ и засвидѣтельствованы войтомъ гмины, даже и въ томъ случаѣ, если войтомъ будетъ самъ помѣщикъ“ (буквально).

Другимъ постановленіемъ возлагалась на правительственныя власти обязанность хорошенько внушить крестьянамъ, что уничтожены только „повинности, не имѣющія законнаго основанія, и что вовсе не ихъ дѣло входить въ разбирательство того, что законно и что нѣтъ“.

Когда начальникъ августовской губерніи донесъ правительственному совѣту, что крестьяне имѣнія Жизе жалуются на престаціонную табель, составленную ихъ помѣщикомъ, то ему отвѣчали, отъ 3-го (15-го) апрѣля, за № 11,538, формальнымъ запрещеніемъ давать ходъ этой жалобѣ.

Эти табели должны были служить основаніемъ къ исчисленію будущихъ денежныхъ повинностей, предназначенныхъ заступить ихъ мѣсто: можно себѣ представить заботливость, съ какою старались пополнять ихъ и безнаказанно увеличивать цифру повинностей, зная, что за этимъ не послѣдуетъ никакого контроля и даже никакого возраженія съ противной стороны.

Семнадцать тысячъ списковъ, въ короткое время, стеклось въ правительственный совѣтъ, выказавшій при этомъ случаѣ ревность въ самомъ дѣлѣ удивительную, потому что эти семнадцать тысячъ списковъ были повѣрены, утверждены и отправлены по принадлежности въ двадцать дней, что подтверждается другимъ отношеніемъ, носящимъ неслыханный въ бюрократическихъ лѣтописяхъ № 59,981.

Такимъ образомъ, нечему удивляться, если указъ 26-го мая (7-го іюня) 1846 г. не имѣлъ, въ теченіе двадцати двухъ лѣтъ, иного дѣйствія, кромѣ того только, что онъ опредѣлилъ, да и то довольно шаткимъ образомъ, положеніе крестьянъ, водворенныхъ въ двухъ своихъ владѣніяхъ.

Приступая къ освобожденію земледѣльческаго сословія въ Россіи, правительство Императора Александра II не могло остаться бездѣйственнымъ въ Польшѣ. 16-го декабря 1858 г. былъ обнародованъ новый законъ, называемый разцѣночнымъ и предназначенный къ утвержденію крестьянъ во владѣніи занятою ими землей, съ условіемъ уплаты денежной повинности, расчитанной, смотря по производительной цѣнности этихъ земель.

Особыя коммисіи, составленныя изъ депутатовъ отъ дворянства, должны были приступить, въ каждомъ округѣ, къ предварительной оцѣнкѣ и къ разсмотрѣнію контрактовъ между заинтересованными сторонами.

Тѣмъ не менѣе, этотъ законъ не былъ обязателенъ, и польскіе помѣщики не преминули воспользоваться предоставленной имъ свободой, чтобъ уклониться отъ него.

Надобно сказать, что вскорѣ за обнародованіемъ этого закона, послѣдовали первыя польскія манифестаціи противъ русскихъ властей въ Царствѣ, заявленія, если угодно, отрицательныя и выказывавшіяся подъ формами мистическими и національными, но имѣвшими неоспоримо враждебный характеръ.

Между тѣмъ, сближеніе партіи аристократической съ революціонною, сближеніе, котораго подробности изложены выше, готовилось подъ вліяніемъ подстрекательства извнѣ и успѣховъ, пріобрѣтенныхъ первыми, такъ называемыми народными заявленіями.

Чтобъ ускорить это сближеніе, революція не щадила ни совѣтовъ, ни угрозъ, обращенныхъ къ дворянской партіи, и между многочисленными документами тайной польской прессы, есть одинъ, изъ котораго необходимо выписать нѣсколько мѣстъ, такъ какъ онъ содержитъ въ себѣ драгоцѣнныя признанія и проливаетъ очень яркій свѣтъ на всѣ вопросы.

Этотъ документъ, обнародованный въ 1851 году, подъ заглавіемъ: „Голосъ народа къ польскимъ землевладѣльцамъ", содержалъ въ себѣ между прочимъ слѣдующее:

„Принимая въ соображеніе доходящіе со всѣхъ сторонъ коро-
„левства прискорбные слухи о враждебномъ расположеніи, выражае-
„момъ крестьянами относительно землевладѣльцевъ, равно какъ и пре-
„скорбныя разногласія послѣдовавшія по важному вопросу о землевла-

„дѣльческомъ сословіи, народъ находится вынужденнымъ потребовать „отъ помѣщиковъ немедленнаго разрѣшенія этого дѣла. Вы смотрите „другъ на друга, и ждете, чего? Чтобы московское правительство „принудило васъ сдѣлать то, что вы должны были бы давно сдѣлать „сами!.... Поколебаются ли помѣщики пожертвовать частью своего „достоянія, для исполненія долга строгой справедливости къ этому „бѣдному сельскому люду, угнетаемому въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ и „часто неимѣющему ни куска хлѣба, тогда какъ паны тратятъ „свои деньги на игру, вино и всевозможныя прихоти? Время летитъ, „свѣтъ смотритъ на насъ, врагъ бодрствуетъ.... Остановимся ли мы „предъ пожертвованіемъ нѣсколькихъ личныхъ интересовъ въ вопросѣ, „касающемся не только нынѣшнихъ поколѣній, но и будущихъ, такъ „что нашимъ внукамъ, быть можетъ, пришлось бы искупить его столь „же тяжко, какъ искупаемъ теперь мы несчастіе нашихъ предковъ? „Мы не спасемъ отчизну одними только просьбами, пѣснопѣніями „и народными знаменами. Обращаемся къ вашему здравому смыслу, „почтенные помѣщики, ко всѣмъ вашимъ христіанскимъ и патріотическимъ чувствамъ: заклинаемъ васъ приняться немедленно за дѣло, „чтобы устроить ваши отношенія къ крестьянамъ, не унывая отъ „народныхъ подозрѣній, которыя, какъ вы сознаетесь сами, оправдываются вѣковыми притѣсненіями..... Принесите на алтарь отечества и святой справедливости жертву матеріяльными интересами, „если хотите быть достойными имени польскихъ гражданъ.

„Пока не пробьетъ часъ возстанія, намъ предстоитъ совершить „великія дѣла, чтобы устроить національный организмъ Польши. Надобно прежде всего разстаться съ пороками, которыми вы отличаетесь; надобно отказаться отъ равнодушія къ общему благу, отъ „страсти ко всему иноземному, отъ вина, картъ и безумной расточительности.

„Да одушевитъ васъ Богъ! Да здравствуетъ Польша! Просятъ „распространять настоящую прокламацію“.

Можетъ быть, что это воззваніе и не осталось безъ дѣйствія на польскихъ помѣщиковъ; надобно надѣяться, что они исправились отъ иныхъ пороковъ, которыхъ печальное преимущество приписывается имъ въ этой прокламаціи, но достовѣрно то, что они остались глухи къ этому столь восторженному воззванію въ пользу бѣднаго

люда, угнетаемаго въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ и часто лишеннаго куска хлѣба.

Доказательствомъ служатъ препятствія, противупоставленныя ими исполненію закона 16-го (28-го) декабря 1858 г., равно какъ и положенію объ обязательномъ превращеніи барщины въ денежныя ренты, обнародованному 14-го (26-го) мая 1861 года.

Не пускаясь въ безполезныя и утомительныя подробности достаточно будетъ сказать, что ни одинъ изъ уѣздныхъ совѣтовъ, въ которыхъ приходилось шестьсотъ помѣщиковъ [1]) на шестьсотъ-пятнадцать уполномоченныхъ, не захотѣлъ согласиться на посылку депутатовъ, обязанныхъ окончательно устроить отношенія между панами и крестьянами, водворенными на ихъ земляхъ.

По этимъ неопровержимымъ фактамъ можно судить о добросовѣстности и правдивости сочиненія, напечатаннаго недавно въ Парижѣ, подъ заглавіемъ: **Польскія дѣла** [2]), гдѣ говорится:

„Въ Царствѣ, гдѣ крестьянскій вопросъ былъ подвинутъ гораздо „далѣе, земледельческое общество, заключавшее въ своей средѣ почти „всѣхъ поземельныхъ собственниковъ страны, трудилось уже нѣсколько лѣтъ, съ постоянствомъ и успѣхомъ, надъ улучшеніемъ „нравовъ и благосостоянія сельскаго народа. Правда, что его „усилія были не разъ сокрушаемы волей русскаго правительства!“

Очевидная и умышленная невѣрность этихъ утвержденій доказывается какъ нельзя яснѣе вышеизложенными фактами.

Однако есть и еще факты и документы, способные убѣдить самыхъ упорныхъ.

Авторамъ означенной брошюры захотѣлось, съ ребяческимъ усердіемъ подражая дипломатическимъ формамъ, собрать нѣсколько документовъ, болѣе или менѣе достовѣрныхъ, между которыми помѣщено подъ № 5 постановленіе земледѣльческаго общества отъ 20-го февраля 1861 г.

Вотъ первыя двѣ статьи этого документа:

---

[1]) То есть 600 помѣщиковъ разныхъ разрядовъ: дворянъ, ксендзовъ и фермеровъ, извѣстныхъ въ Польшѣ подъ именемъ арендаторовъ, и пользующихся всѣми правами и преимуществами самаго помѣщика.

[2]) **Польскія дѣла**. Отчетъ о положеніи ихъ, сопровождаемый документами и объяснительными актами, и сообщенный членамъ сената и законодательнаго корпуса графомъ Чарторижскимъ. Парижъ, декабря 1863 г.

„1. Общее собраніе признаетъ, что самоскорѣйшее обращеніе „повинностей [1]) въ поземельныя ренты есть потребность страны".

„2. Оно признаетъ что добровольное соглашеніе должно будетъ считаться наилучшимъ средствомъ, чтобы измѣнить положеніе крестьянъ „до тѣхъ поръ, пока не будутъ истощены всѣ способы, относящіеся „къ этому принципу. Общее собраніе считаетъ патріотическою обязанностью помѣщиковъ стараться объ изысканіи этихъ способовъ и „объ ихъ разъясненіи".

Изъ этого слѣдуетъ, что основаніемъ настоящему постановленію служило добровольное соглашеніе. Но это же самое основаніе было принято русскимъ правительствомъ съ 26-го мая (7-го іюня) 1846 г. въ самыхъ опредѣлительныхъ формахъ и съ видами, навѣрное, гораздо болѣе искренними и миролюбивыми. Правда, что тутъ рѣчь шла, съ польской точки зрѣнія, какъ писалъ одинъ изъ организаторовъ возстанія [2]), только объ экономической агитаціи для раздраженія массъ.

Въ этомъ же самомъ смыслѣ поняли его и члены земледѣльческаго общества, потому что, обнародовавъ свое постановленіе въ Варшавѣ, они разъѣхались по разнымъ частямъ страны, для возбужденія этой агитаціи всѣми возможными средствами. Такъ въ Ловичѣ, въ сентябрѣ 1861, съ полсотни изъ нихъ возили въ каретахъ крестьянъ изъ сосѣднихъ деревень, и дали имъ обѣдъ, чтобы побрататься съ ними и вынудить у нихъ клятву не мѣшать мятежному движенію.

Такъ, 2-го сентября 1862, близъ одного монастыря въ опатовскомъ округѣ, пятьдесятъ ксендзовъ, раздѣливъ между собою собраніе, состоявшее болѣе чѣмъ изъ 15,000 человѣкъ, проповѣдывали одновременно о возрожденіи Польши и объ истребленіи русскихъ.

Одаренный здравымъ смысломъ и сметливостью, отличительными свойствами славянскаго племени, цѣль этихъ возбужденій, сельскій народъ не далъ себя увлечь въ пользу возстанія.

---

[1]) Во французскомъ переводѣ употреблено слово faisances. Любопытно знать, въ какомъ лексиконѣ почерпнуто это слово, для смягченія феодальной жестокости настоящаго слова, которое есть не больше и не меньше, какъ corvée, т. е. барщина, принужденный трудъ.

[2]) Мѣрославскій. Планъ революціи, отъ 1-го марта 1861 г.

Въ Самовицѣ и люблинской губерніи, въ Оссоликовщизнѣ, въ Станиславовкѣ, въ уѣздахъ сандомирскомъ и стопницкомъ, равно какъ и во множествѣ другихъ мѣстностей, въ 1861 г. также какъ въ 1862 и 1863, крестьяне ловили возмутителей, чтобы выдавать ихъ властямъ, и не подлежитъ сомнѣнію, какъ начинаютъ признавать и сами приверженцы польскаго дѣла [1]), что сельское населеніе Царства осталось враждебнымъ настоящему движенію. Насильственная вербовка и девятьсотъ казней повѣшеніемъ, исполненныхъ агентами жонда, едва послужили къ тому, чтобы сдержать выраженіе этой вражды.

Тѣмъ не менѣе, содѣйствіе поселянъ, или, по крайней мѣрѣ, ихъ нейтралитетъ были необходимы для успѣха революціоннаго дѣла, и чтобы обезпечить ихъ себѣ, надобно было, волей-неволей и хотя бы только для виду, обнародовать о поземельномъ надѣлѣ крестьянъ.

Для этой-то цѣли и былъ распубликованъ центральнымъ комитетомъ декретъ 22-го января 1863. Статья 1-я обезпечивала за арендаторами свободное и полное владѣніе землями, которыя заняты ими; но во 2-й статьѣ было сказано, „что вышеозначенные собственники получатъ вознагражденіе изъ національныхъ фондовъ, посредствомъ капитала, гарантированнаго націей.

Кто долженъ былъ доставить этотъ капиталъ и нести обязательства по его уплатѣ? Ужъ вѣрно не тѣ, кому причиталось вознагражденіе.

Крестьяне понимали это очень хорошо и были обязаны долгому и тяжкому опыту предчувствіемъ, что, по окончаніи кризиса, каковъ бы ни былъ исходъ его, всѣ убытки падутъ на нихъ.

Впрочемъ, самыя дѣйствія народнаго жонда были способны поддерживать въ нихъ сомнѣнія и свидѣтельствовать объ истинномъ значеніи этихъ революціонныхъ уловокъ.

Это мнимо-народное правительство, которое изъ глубины своихъ потаенныхъ притоновъ давало предписанія безпрерывно и при всякомъ случаѣ, указывало цвѣта, платья женщинъ, покрой мундировъ воображаемыхъ полковъ, форму кинжаловъ и количество „оплаге“, которое

---

[1]) См. письма Эмиля Мезона, напечатанныя въ газетѣ «Le Nord», отъ 14-го февраля 1864 года.

слѣдовало закупить за границей; это правительство, отправлявшее къ своимъ „посланникамъ“ депеши, неизъятыя изъ гласности,—не подумало ни на минуту сдѣлать честь своему мишурному либерализму уничтоженіемъ, или хотя бы только смягченіемъ, феодальнаго учрежденія гминныхъ войтовъ.

За то, сколько ни превозглашали они о томъ, что всѣ сыны Польши становятся свободными и равными, крестьяне не хотѣли ничему этому вѣрить, видя себя отданными на произволъ этихъ 5.261 старшихъ братьевъ, не желавшихъ отступиться отъ права сажать въ тюрьмы, сѣчь и истощать всѣми способами эти 3.270.000 сыновъ Польши, состоящихъ подъ ихъ строгой опекой.

Помѣщики, съ своей стороны, давая видъ, будто соглашаются съ повелѣніями тайнаго правительства, не упускали ни одного случая, чтобы тайно взимать денежныя повинности, отъ которыхъ они, по теоріи, освободили крестьянъ. Не мало помѣщиковъ покидало, на время, мятежныя банды, состоявшія подъ ихъ начальствомъ, возвращалось въ свои домы и спокойно вступало въ отправленіе лежащихъ на нихъ обязанностей гминныхъ войтовъ, чтобы воспользоваться приходомъ русскихъ войскъ и собрать свои повинности одновременно съ податями, причитающимися государству.

Всѣ эти факты подтверждаются документомъ, найденнымъ, въ послѣднее время, у адъютанта повстанскаго начальника Крука.

Этотъ новый декретъ народоваго жонда, внушенный вѣроятно, опасеніемъ мѣръ, какія могло принять русское правительство для устройства положенія крестьянъ, изданъ въ Варшавѣ, 22-го сентября 1863.

Первые шесть параграфовъ заключаютъ въ себѣ ходъ мѣръ, предназначенныхъ обезпечить исполненіе декрета объ уступкѣ земель крестьянамъ.

Параграфъ 8-й излагаетъ слѣдующимъ образомъ наказанія, назначаемыя судилищами гражданамъ, преступившимъ декретъ 2-го января:

Статья 1. „Кто взыщетъ съ крестьянъ оброкъ съ земель, добро-„вольно уступленныхъ, тотъ обязанъ отдать имъ взысканную сумму, „и лишается права на вознагражденіе, какое будетъ предоставлено „ему за земли.

Статья 2. „Кто получитъ деньги въ зачетъ оброка или цѣны

„выкупа, или какую бы то ни было сумму подъ видомъ ссуды, дол-
„женъ возвратить соотвѣтственную сумму крестьянамъ и уплатить
„такую же сумму въ уѣздную кассу.

Статья 4. „Кто принудитъ крестьянина, посредствомъ экзекуціи
„административной, судебной или военной, или какимъ-либо другимъ
„способомъ уплатить или отбыть оброкъ, выкупъ или барщину, тотъ
„подлежитъ смертной казни.

§ 9. „Переводъ оброчной суммы на имя третьяго лица долженъ
„считаться и наказываться какъ преступленіе, совершенное прямо
лицомъ, сдѣлавшимъ переводъ."

Разореніе или смерть — таковы, какъ видимъ, единственные исходы, предложенные теперь революціонной партіей классу землевладѣльцевъ въ Польшѣ.

Что касается до земледѣльческихъ классовъ, то положеніе, въ какое они поставлены старинными и современными беззаконіями, опредѣляется какъ нельзя краснорѣчивѣе слѣдующимъ восклицаніемъ, сорвавшимся съ языка у одной старой, 82-лѣтней польской крестьянки, изъ гмины Блендова-Кузница. Находясь, въ послѣднее время, при допросѣ крестьянъ своей деревни, у которыхъ требовались показанія, приходили ли такіе-то люди „возбуждать ихъ къ ополченію для защиты отчизны"—эта женщина вдругъ выпрямилась и вскрикнула голосомъ, полнымъ горькой насмѣшки: „Отчизна! Зачѣмъ говорите вы „намъ о ней? Нашъ братъ, польскій мужикъ, имѣлъ ли когда-нибудь „отчизну? Нечего намъ и защищать ее. Наша единственная и настоя„щая отчизна—та, горняя, которую мы найдемъ послѣ смерти!"

При общемъ разореніи, по собственному признанію крестьянъ польскихъ, смерть предпочтительнѣе того положенія, въ какое поставлены они этимъ, по счастью, ограниченнымъ меньшинствомъ, стремящимся къ невозможному и продолжающимъ общественныя и политическія бѣдствія, отъ которыхъ страдаетъ эта несчастная страна. Ничего не надѣяться и не имѣть ничего въ виду, кромѣ этой плачевной крайности, значило бы сомнѣваться въ божескомъ правосудіи и человѣческой благонамѣренности.

Интересы правъ и обязанности всѣхъ классовъ польскаго общества могутъ быть соглашены между собою. Они должны быть установлены въ предѣлахъ справедливости и практичности, и должно на-

дѣяться, что тѣ, кому Провидѣніе поручило судьбу Польши, не упадутъ духомъ ни отъ какого затрудненія, не отступятъ ни передъ какимъ препятствіемъ, чтобъ исполнить дѣло, о которомъ исключительная забота выпала имъ на долю.

Вышеизложенное имѣетъ цѣлью только разъяснить польскій вопросъ и очистить дѣйствительные факты его отъ всѣхъ вымысловъ, посредствомъ которыхъ онъ былъ до такой степени затемненъ.

Что касается до самаго разрѣшенія задачи, то было бы слишкомъ самонадѣянно хотѣть указать на него въ силу частнаго авторитета.

Все, что можно прибавить къ заключеніе, состоитъ въ томъ, что это рѣшеніе не кажется ни возможнымъ, ни отдаленнымъ.

Голосъ знаменитый, которому внимаетъ цѣлый міръ, всякій разъ, когда онъ раздается — выразилъ, недавно, первое условіе этой задачи.

„Нельзя основать что-либо прочное на почвѣ, лишенной устойчивости и постоянно колеблемой“ — сказалъ императоръ французовъ въ отвѣтъ на адрессъ законодательнаго корпуса.

„Истинно благотворный прогрессъ, прибавилъ его величество, есть плодъ опыта, и ходъ его не будетъ ускоренъ преднамѣренными и несправедливыми нападками.“

Эти прекрасныя слова, выражающія неоспоримую истину, были обращены къ представителямъ націи, занимающей одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ ряду просвѣщенныхъ народовъ и которой политическое и общественное зданіе укрѣпляется, и даже украшается съ каждымъ днемъ, ожидая только своего „увѣнчанія“.

Не гораздо-ли болѣе примѣнимы они къ обществу, опирающемуся на основы столь шаткія и такъ сильно потрясенныя, какъ общество польское?

Таково безъ сомнѣнія, первое условіе этой задачи.

Отрицая его, довольствуясь скороспѣлымъ сооруженіемъ политическихъ подмостковъ на почвѣ, болѣе чѣмъ „колеблемой“, для удовлетворенія минутнымъ требованіямъ и въ угоду докучливому нетерпѣнію, Россія, должно въ томъ сознаться, обнаружила бы странное пренебреженіе къ своимъ собственнымъ интересамъ, также какъ и въ

спокойствію и благоденствію Европы, въ пользу которыхъ ей были адресованы столь настоятельныя представленія.

„Надобно желать для Польши—сказалъ одинъ изъ самыхъ свѣтлыхъ и практическихъ людей своего вѣка, „надобно желать для нея—сказалъ г. Дюпенъ французскому сенату—лучшаго устройства собственности, а также лучшаго личнаго управленія; дворянства болѣе просвѣщеннаго въ лицѣ своихъ бароновъ, менѣе феодальнаго и менѣе средневѣковаго въ своихъ обычаяхъ.

„Надобно желать для нея скорѣе улучшенія общественнаго, нежели преобразованія политическаго.“

Невозможно поставить съ большей ясностью, опредѣлительностью и истиной, втораго и главнаго условія польской задачи.

Сомнѣваться въ ея близкомъ и удовлетворительномъ разрѣшеніи—нельзя, особенно если оглянешься на то, что сдѣлано въ Россіи и Финляндіи, въ царствованіе, которое, съ Божіею помощію, будетъ и для Польши, но для Польши „дѣйствительной“, а не „воображаемой“, эпохой истиннаго освобожденія. (Сѣв. Поч.). **К. К.**

Нѣсколько словъ о православныхъ церковныхъ братствахъ. (Изъ газеты «День»).

Въ періодъ опасностей, грозившихъ православію отъ латинства, эти братства оказали громадныя услуги дѣлу вѣры и народности, смыкая плотнѣе ряды защитниковъ, скрѣпляя тѣснѣйшею связью интересы народа и церкви.... Когда побѣдило латинство когда высшее сословіе землевладѣльцевъ,—которымъ естественно должно было бы принадлежать патронатство надъ братствами,—измѣнило православію, окатоличилось и ополячилось,—только въ нихъ, въ этихъ братствахъ, въ этихъ мелкихъ народныхъ центрахъ, еще теплился огонекъ вѣры, еще тлилась искра народной, русской жизни. Даже, при господствѣ насильственно водворенной уніи, братства, подъ видомъ вѣрности уніатскимъ обычаямъ, тщательно берегли преданія и обычаи православія и охраняли ихъ отъ вторженій католицизма. Латинское духовенство, іезуиты, польскіе паны—употребили всѣ могучія средства, которыми располагали, къ уничтоженію этого древняго непріязненнаго имъ учрежденія; они сломили братства

виленское, львовское и другія не менѣе знаменитыя; но братства въ селахъ, по самому своему малому и невидимому объему, спаслись отчасти отъ разрушенія и продолжали существовать до настоящей поры, храня въ себѣ залогъ жизни для лучшаго времени: широкій потокъ обмелѣлъ до размѣровъ ручья, еле-еле пробирающагося по каменистой ложбинкѣ,—но слава Богу не изсякшаго, но слава Богу еще способнаго стать снова полноводной рѣкою. Древняя, до Петровская Русь вполнѣ понимала значеніе братствъ: уступая вновь Польшѣ свои завоеванія въ Литвѣ и Бѣлоруссіи, царь Алексѣй Михайловичъ требовалъ отъ Рѣчи Посполитой сохраненія правъ и всяческихъ свободъ православнымъ церковнымъ братствамъ,—и эта статья внесена въ точныхѣ и опредѣлительныхъ выраженіяхъ и въ трактатъ 1686 г., заключенный Россіею съ Польшей при царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ, въ малолѣтство Петра. (Полн. Собр. законовъ, т. II, № 1186, п. 9). Такъ отнесловъ русское правительство къ братствамъ 178 лѣтъ тому назадъ. Когда польское возстаніе прошлаго года раскрыло глаза русскому обществу и освѣтило яркимъ свѣтомъ сѣть интригъ, козней и разнообразнѣйшихъ опасностей, опутавшихъ русскую народность въ западныхъ нашихъ губерніяхъ; когда оно убѣдилось, что между туземцами Литвы и Бѣлоруссіи—вѣрнымъ вѣрѣ и народности остается одинъ простой народъ—сирый, бѣдный, слабый, забитый, постоянно совращаемый польскимъ панствомъ и латинскимъ духовенствомъ, но не совратившійся, хотя уже почти изнемогающій въ борьбѣ,—русское общество съ горячимъ сочувствіемъ протянуло ему руку участія и помощи. Изъ всѣхъ концовъ Россіи, люди достаточные стали записываться въ церковныя, преимущественно сельскія и бѣднѣйшія братства Бѣлоруссіи, и такимъ образомъ приняли на себя то «патронатство,» которое, какъ мы выразились, должно было бы естественно принадлежать мѣстнымъ помѣщикамъ,—или, лучше сказать, переняли право защиты и покровительства братствъ у туземнаго панства, измѣнившаго вѣрѣ и народности. Сотни нитей протянулись изъ всѣхъ мѣстностей нашей великой Россіи къ захолустьямъ, къ сельскимъ бѣднымъ приходамъ минской, гродненской, могилевской, виленской губерніи,—сотни жизненныхъ нитей, сотни узловъ закрѣпили связь православной Россіи съ Бѣлоруссіей,—связь самую надежную, прочную, связь обще-

ственную!... Латинскому духовенству такое сочувствіе къ православнымъ братствамъ было, разумѣется, противнее всякаго гоненія на латинство. Нѣтъ сомнѣнія, что оно, проникнутое духомъ іезуитизма, сочло нужнымъ принять всѣ мѣры, пустить въ ходъ всевозможныя интриги—съ цѣлію ослабить это стремленіе и парализировать дѣйствія братствъ. Но парализировать конечно не въ формѣ преслѣдованія,—это было бы не по іезуитски,—а въ видѣ разныхъ пріемовъ попечительства и заботливости: такой коварный совѣтъ, по мнѣнію латинскаго духовенства, (конечно идущій не прямо отъ него, а отъ какихъ-нибудь польскихъ магнатовъ-помѣщиковъ) былъ бы, вѣроятно, скорѣе услышанъ,—особенно, еслибъ еще удалось набросить нѣкоторое подозрѣніе на счетъ демократической основы и формы церковныхъ братствъ... Можно ли было бы предполагать, чтобъ подобная іезуитская интрига обрѣла хоть малѣйшій успѣхъ въ петербургскомъ обществѣ? Конечно нѣтъ. И однакоже есть основаніе вѣрить, что въ петербургскомъ обществѣ нѣкоторыя лица смотрятъ на дѣло братствъ именно такъ, какъ этого могли бы только пожелать польскіе ксендзы и прелаты!...

Развѣ въ петербургской средѣ нѣтъ лицъ, которыя желали бы, чтобы только такому сельскому церковному братству дозволено было имѣть право на существованіе, которое составитъ уставъ, представитъ его по начальству и получитъ не только благословеніе мѣстнаго епархіальнаго начальства (это еще понятно), но и разрѣшеніе .. гражданскаго вѣдомства?... Мы увѣрены, что правительство очень хорошо постигаетъ смыслъ всего дѣла, а потому и не станетъ удовлетворять подобнымъ неразумнымъ желаніямъ; оно знаетъ, что большая часть братствъ существуетъ безъ всякаго устава, на основаніи одного живаго преданія; что никакаго формальнаго устава не нужно тамъ, гдѣ вся дѣятельность состоитъ только въ вспоможеніи храму, въ учрежденіи школы, въ веденіи дѣлъ церковныхъ и школьныхъ; что вмѣшательтство гражданской власти отниметъ у братствъ ихъ характеръ церковный; что введеніе регламента, съ его неизбѣжнымъ формализмомъ бюрократическимъ контролемъ, только отпугнетъ—и русское общество отъ записыванія въ братства, и сельскихъ священниковъ съ крестьянами—отъ поддержки или отъ возобновленія ихъ мѣстныхъ братствъ... Тѣмъ не ме-

ные слухи до сихъ поръ ходятъ весьма тревожные и остаются—неопровергнутыми!...

Разсказываютъ также, что нѣкоторыя лица изъ петербургскаго общества заявляютъ даже такого рода невѣроятное мнѣніе, будто необходимо и вовсе уничтожить братства при западныхъ православныхъ храмахъ, и замѣнить ихъ попечительными совѣтами! Въ подобномъ мнѣніи нельзя ни чего видѣть другаго, кромѣ желанія подорвать въ корнѣ живительную и спасительную для православія и русской народности, силу братствъ,—что совершенно наруку полонизму и іезуитизму.

Но это еще не все. Многіе русскіе люди,—желая, чтобы сочувствіе ихъ къ положенію западнорусскаго населенія и западнорусскихъ церквей—выражалось, не одними разрозненными и одиночными вспомоществованіями, но дружнымъ соединеніемъ силъ и средствъ на пользу православія и русской народности въ Бѣлоруссіи и на Украйнѣ, на борьбу съ полонизмомъ и латинствомъ, и на теснѣйшее, духовное и жизненное, соединеніе западнорусскаго края со всей Россіей,—проэктировали, по разнымъ мѣстамъ, учрежденіе обществъ подъ тѣмъ же названіемъ *братствъ*: названіемъ понятнымъ, дорогимъ русскому народу, историческимъ, старымъ, возбуждающимъ столько славныхъ воспоминаній.... Но наше свѣтское общество, воспитанное на французскомъ языкѣ и понимающее русскую рѣчь только въ переводѣ на французскій, смутилось отъ этого названія «*Братство*—это вѣдь выходитъ fraternite? Гм! понимаемъ, вотъ оно что!» говорятъ глубокомысленно нѣкоторыя особы петербургской среды. На соображенія этихъ господъ мы бы лично и не обратили вниманія, еслибъ подобнаго рода отзывы, повторяясь все чаще и чаще не служили подспорьемъ польско-іезуитскимъ интригамъ и проискамъ, стремящимся къ уничтоженію братствъ.... Впрочемъ изъ всѣхъ проектированныхъ братствъ (виленскаго, кіевскаго, серединнаго и другихъ), проэктъ виленскаго братства встрѣтилъ, какъ говорятъ, наиболѣе сочувствія въ нѣкоторой части петербургскаго общества.

ПИСЬМО ПОВСТАНЦА КЪ КСЕНДЗУ ПРЖИБОЛОВСКОМУ.

Въ № 79 Всеобщаго Дневника напечатано слѣдующее письмо изъ Парижа къ ксендзу Пржиболовскому [1]), найденное при одномъ убитомъ повстанцѣ:

Парижъ 20-го марта 1864 г.

«Laudetur Jesus Cristus».

«Совершенно раздѣляю твое мнѣніе, мой eminentissime, excelentissime et eruditissime vir и достопочтенный товарищъ, что у насъ нѣтъ людей. — Да откуда же намъ и взять ихъ? Миръ, продолжавшійся слишкомъ 30 лѣтъ, сдѣлалъ намъ болѣе вреда, нежели могла бы сдѣлать столько же продолжительная война: мы выродились, изнѣжились, измельчали. Кто трудился надъ развитіемъ силы духа нашего народа, кто внушалъ ему сознаніе своего достоинства и благородство чувствъ? На комъ лежала обязанность заботиться о народномъ образованіи? Не на патріотахъ ли нашихъ? Но чему могли научить народъ эти сумасброды, недоученные цивилизаторы, которые сами получили образованіе, заключающееся въ кое-какомъ знаніи географіи и исторіи Польши до ея раздѣла? Всѣ эти цивилизаторы только и мечтали сдѣлаться Мадзини, Клапками, Кошутами, и пр. У нихъ все на языкѣ отечество, вооруженное возстаніе, независимая Польша! Безумные! они и не подозрѣваютъ,

---

[1]) Передавая это письмо въ буквальномъ переводѣ съ весьма немногими неизмѣняющими смысла сокращеніями, „Русскій Инвалидъ," изъ котораго мы его заимствуемъ, замѣчаетъ, что съ своей стороны онъ не придаетъ значенія заключающимся въ письмѣ свѣдѣніямъ о разныхъ продѣлкахъ польскихъ агитаторовъ за границею. Хотя въ авторѣ письма и нельзя не узнать человѣка весьма интимнаго съ дѣятелями польской справы, но во всякомъ случаѣ, и каково бы ни было наше мнѣніе о польскихъ эмигрантахъ, живущихъ въ Парижѣ, участіе ихъ въ покушеніи на жизнь императора Наполеона III намъ кажется весьма сомнительнымъ. Въ нашихъ глазахъ опубликовываемое письмо представляетъ наиболѣе интереса, какъ новое доказательство того апогея революціонныхъ фантазій, до котораго достигли польскіе агитаторы.

что трудятся вовсе не для того, чтобы воскресла мать-отчизна, а для того, чтобы трупъ ея не покоился въ катакомбѣ, а сгнилъ на воздухѣ!—Но обратимся къ дѣлу. Кто былъ обязанъ заботиться о народномъ образованіи? Весьма просто: мы—пастыри. Но кто же изъ насъ, среди нынѣшнихъ требованій церковныхъ властей, сохранилъ традицію чистой, догматической вѣры Христовой? Кто сохранилъ въ своемъ сердцѣ sancta sanctorum и остался такимъ пастыремъ, какого требуетъ Спаситель? Такого ксендза считали бы у насъ хуже еретика.—Какимъ же образомъ мы можемъ просвѣщать народъ, когда намъ приказываютъ стараться всѣми силами фанатизировать его, жертвуя для этого самыми святыми христіанскими чувствами, профанируя даже храмъ Божій, даже Крестъ Господень, даже Тѣло и Кровь Спасителя. И все это для того лишь, чтобы ученіе Вольтеровъ, Ренановъ и К° все болѣе и болѣе потрясало церковь въ самыхъ ея основаніяхъ. Пора намъ, католическимъ священникамъ въ Польшѣ, понять, что Римъ избралъ наше несчастное отечество орудіемъ своей политики. Римъ хочетъ удержать христіанство въ Польшѣ въ своихъ рукахъ, когда оно ускользаетъ изъ рукъ папы въ самомъ Римѣ! Духовная власть много разсчитываетъ на невѣжество нашего народа: она всѣми мѣрами старается предохранить его отъ господствующаго уже въ Италіи неокатолицизма, и поэтому хочетъ держать нашъ народъ въ вѣчномъ мракѣ, запрещаетъ намъ просвѣщать и приказываетъ занимать умы магическою мечтою—отечества. Не напрасно папа назвалъ насъ передовою стѣною христіанства; ты, вѣдь, знаешь, что въ Италіи христіане-католики безнаказано и публично дѣлаютъ каррикатуры на матерь Божію, на святыхъ угодниковъ и на Спасителя.

Такимъ образомъ нѣтъ людей, нѣтъ просвѣщенія, сама религія запрещаетъ его; нѣтъ отечества, сама религія раздавила и загубила его.

Ты пишешь мнѣ, что щадя кровь несчастныхъ жертвъ нашего фанатизма, которыя слѣпо бросились въ приготовленную имъ нами бездну, скрытую за призракомъ отечества, и, не находя ни одного способнаго человѣка, которому ты могъ бы ввѣрить твоихъ овецъ, ты самъ рѣшился принять начальство надъ ними. И такъ ibis, peribis, non redibis (т. е. пойдешь, погибнешь, не возвратишься)! Поздравляю тебя съ военными

способностями! Фанатикъ! Да ты прежде задай себѣ вопросъ какая будетъ польза для отечества, когда и ты и твои бараны, или, какъ ты ихъ называешь—овцы, погибнете? А въ томъ, что всѣ вы погибнете, нельзя и сомнѣваться. Что же? Вы спасете этимъ отечество? Мнѣ не жаль было бы положить свою голову, если бы я былъ увѣренъ, что этимъ спасу край нашъ: это святая обязанность каждаго патріота. Но зачѣмъ же гибнуть понапрасну? Не двѣ же жизни даны намъ на землѣ. А развѣ лѣсныя банды, составленныя изъ сапожниковъ и портныхъ, за которымя охотятся какъ за дикими звѣрями, способны имѣть statu quo Европы? Не забывай при томъ, что и предъ Богомъ и предъ исторіей придется тебѣ дать отчетъ въ пролитыхъ безплодно крови и слезахъ братьевъ, въ растраченномъ народномъ богатсвѣ. Да уже и теперь мы вправѣ требовать этого отчета отъ руководителей нашего безразсуднаго—ограничусь этимъ словомъ—возстанія, возстанія безъ войска, безъ артиллеріи, безъ интепендантства, безъ госпиталей, безъ денегъ, и начатаго тогда, когда ни Москва, ни Австрія, ни Пруссія не были озабочены внѣшнею войною, и слѣдовательно, когда онѣ могли располагать всѣми своими силамы. Успѣли ли эти сумасброды завоевать въ продолженіе 14 мѣсяцевъ хоть пядь земли? Какіе плоды выросли на почвѣ, напитанной благородною кровью нѣсколькихъ десятковъ тысячъ юношества, потоками слезъ, пролитыми нашими женщинами, матерями польскаго народа? Что же мы пріобрѣли цѣною того, что дорогое намъ отечество разорено до основанія?

Справедливо кто-то сказалъ, что для поляка не нужна тайная полиція: онъ самъ разболтаетъ все, что намѣрэнъ дѣлать, всѣ свои тайны. Увы! это истина, не подлежащая сомнѣнію. За что страдаетъ теперь Галиція отъ военнаго положенія? За что та же самая участь угрожаетъ Познани? За нашъ бабій, невоздержный языкъ, за то, что у насъ нѣтъ политическаго смысла. Заграничная польская пресса поступала весьма благоразумно, стараясь убѣдить нѣмецкія правительства, что возстаніе въ конгрессовой Польшѣ не имѣетъ никакой солидарности съ посягательствомъ на цѣлость австрійскихъ и прусскихъ владѣній, хотя, конечно, истина была ясна и для самой безмозглой головы. Къ несчастію, народный жондъ, въ № 5 (1863 г.) Ruchu, брякнулъ, *что польскій народъ, не же-*

гая имѣть дѣло съ двумя врагами заразъ, долженъ прежде управиться съ москалями, а потомъ уже сведетъ счеты съ нѣмцами! А мало ли погубили людей господа организаторы, сохраняя у себя списки участвующихъ въ заговорѣ —списки, попавшіеся въ руки врага.

Что же изъ этого выиграло въ мнѣніи народа духовенство? Народъ ненавидитъ сегодня своихъ пастырей за то, что мы именемъ Бога обѣщали ему дать свободное и независимое отечество, и ничего не дали: мы провозглашаемъ, что Всевышній услышитъ молитву польскаго народа, а между тѣмъ, наши грѣшныя молитвы были оскорбленіемъ Бога, служили манифестаціею, были просто комедіей, за что Богъ видимо насъ караетъ. Народъ перестаетъ вѣрить намъ, начинаютъ терять должное къ пастырю уваженіе, съ негодованіемъ видя священниковъ, на конѣ, съ крестомъ въ одной и съ пеглей въ другой рукѣ, съ презрѣніемъ видя священниковъ, благословляющихъ невинною кровью Спасителя братоубійственный кинжалъ Мѣрославскаго, это адское орудіе, которому назначено пролить кровь невиннаго человѣка!!!... И эти священники святотатственными своими устами дерзаютъ еще проповѣдывать о любви Христа ко всѣмъ народамъ! Какая же достигнута цѣль? Развѣ та, что партіи попавшихъ въ плѣнъ и обманутыхъ нами повстанцевъ проходя около церквей, сжимаютъ кулаки и угрожаютъ священникамъ, предавая ихъ проклятію! Однимъ словомъ, мы не угодили ни народу, ни Риму, и поколебали религію въ самыхъ ея основаніяхъ.

Образумся, благородный мой другъ! Брось все и пріѣзжай къ намъ. Ничего не бери съ собою, кромѣ твоего сильнаго духа. Скажи: omnia mea mecum porto (т. е., все мое съ собою ношу), перекрестись—fiat voluntus Tua, Domine (т. е., да будетъ воля твоя, Господи), въ путь. Повѣрь мнѣ, что ubi bene, ibi patria (т. е., гдѣ хорошо, тамъ и отечество): это—святая истина. Пощади себя для великихъ подвиговъ; береги твою жизнь—memento mori: vita brevis est (т. е. помни часъ смертный, наша жизнь коротка). Въ XIX столѣтіи не чего думать о воскресеніи индивидуальности страны, которая de facto не существуетъ. Стѣны лбомъ не прошибешь. XIX столѣтіе имѣетъ другую задачу, которая обнимаетъ собою весь міръ, и цѣль которой ниспровергнуть весь существующій въ семъ

порядокъ. Единство Италіи, возстановленіе независимости Венгріи, Польши, все это химеры, мелочь въ сравненіи съ этою задачей, — предлогъ, подъ которымъ скрывается другая цѣль Мадзини, Клапка, Кошутъ, Герценъ, даже и этотъ позоръ человѣчества, уличный варшавскій убійца-кинжальщикъ Мѣрославскій, всѣ они имѣютъ одну цѣль—ниспровергнуть существующій порядокъ, какъ обветшалый и неудовлетворяющій потребностямъ новаго поколѣнія [1]. Если все это совершимъ не мы, то совершатъ, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, послѣ насъ, когда все поколѣніе бросится въ слѣдъ за ними къ реформамъ, и создастъ новый, соотвѣтствующій своимъ потребностямъ порядокъ вещей. Во всякомъ случаѣ заслуга инипіативы будетъ принадлежать намъ, полякамъ, такъ какъ единственно мы шевелимъ легкіе умы вѣтренныхъ французовъ и серьозныхъ—англичанъ. Мы не даромъ сидимъ въ ихъ столицахъ; мы одни, по самой сущности нашей натуры, революціонеры; мы одни служимъ подъ знаменами Венгріи, Италіи, Америки, Турціи и даже черкесовъ; однимъ словомъ, подъ знаменемъ цѣлаго свѣта, хотя и безъ малѣйшей пользы для насъ самихъ. Мы позволяемъ льстить себѣ, что исторія скажетъ когда нибудь: «Поляки ниспровергли старый порядокъ всего свѣта, поляки вынесли общество на своихъ плечахъ; они не даромъ сидѣли въ столицахъ всего свѣта, который и понынѣ оставался бы дряхлымъ и гнилымъ.»

Въ настоящее время мы всѣми силами стараемся дѣйствовать на Францію. Въ Англіи дѣло подвигается немного труднѣе, тамъ мало еще у насъ приверженцевъ въ средѣ государственныхъ людей и публичныхъ органовъ. Но за Англію примемся послѣ; прежде всего намъ нужно съѣсть Францію. Англія поможетъ намъ въ томъ, а тамъ и сама не уйдетъ отъ насъ. Впрочемъ, я говорю только о Франціи; Англія не по моей части. Главное для насъ—расшевелить воинственный духъ во французскомъ народѣ, который подъ вліяніемъ этого духа не трудно будетъ навести на баррикады. Дѣло идетъ хорошо. Разныя манифестаціи, которыя мы устроивали за вино или за

---

[1]) Смѣемъ спросить автора, не есть ли это болтовня, о которой онъ самъ говоритъ выше.

деньги, отлично подѣйствовали на умы парижанъ. Но эмиграція наша—это истинная кара Господня, и для своихъ и для чужихъ. чуть-чуть не испортила всего дѣла неосторожною и преждевременною высылкою 4-хъ неловкихъ италіянцевъ. Народъ французскій все еще дружелюбно расположенъ къ своему императору, и покушеніе на его жизнь болѣе чѣмъ безразсудно. Мы крѣпко боялись, чтобъ императоръ не погибъ, ибо тогда французы, можетъ быть, испугались бы всѣхъ революціонеровъ, а въ числѣ ихъ и поляковъ, какъ самыхъ дѣятельныхъ участниковъ въ этомъ дѣлѣ, что конечно, не замедлило бы ясно обнаружиться, хотя это извѣстно немногимъ лишь французскимъ сановникамъ, принадлежащимъ къ нашей партіи.—Французскій народъ могъ бы потребовать тогда, и весьма справедливо, удаленія изъ Франціи всѣхъ поляковъ. Въ настоящее время эмиграція наша не перестаетъ вредить намъ, стараясь безпрестанно волновать парижское народонаселеніе и довести его до баррикадъ, будто бы изъ за того, что правительство не вступается за Польшу, и такимъ образомъ произвести кровопролитіе, безполезное какъ для Польши, такъ и для нашей великой идеи.

Мы употребили всѣ средства, чтобы схваченнымъ италіянцамъ была предоставлена возможность бѣжать изъ тюрьмы; когда же это намъ не удалось, мы стали хлопотать въ высшихъ сферахъ, чтобъ имъ дарована была жизнь, и въ этомъ вполнѣ успѣли.

Дальнѣйшей работы не оставляемъ. Мы положили склонить друзей нашихъ, французовъ, читать публичныя лекціи въ пользу, будто-бы, поляковъ, въ сущности же для того, чтобы сильнѣе возбудить во французахъ воинственный духъ. Большинство эмиграціи и здѣсь успѣло намъ помѣшать. Для того, чтобы безъ всякаго къ этому основанія парализировать стремленія наши къ достиженію великой цѣли, эмигрція никогда не соглашается на самые благоразумные проекты, и, по старопольскому обычаю, кричитъ во все горло: *не позвалямъ*. Это настоящее non possumus. Однакожъ голосъ Чарторыйскаго, Ордеги, Андрея Замойскаго, Домонтовича, доктора Галензовскаго, мой и некоторыхъ другихъ одержалъ верхъ, и за деньги, или вслѣдствіе высказанной намъ цѣли, мы успѣли привлечь на нашу сторону: Юнга, Мартена, Одильйона-Барро, Легуве,

Венсена и другихъ, которые стали читать лекціи въ залѣ Бартелеми, и сегодня кончили ихъ. Надѣемся, что послѣ святой— лекціи возобновятся. Лекторы отлично исполнили свою роль; они представили всю святость нашей справы. Цѣль достигнута вполнѣ. Лекціи произвели громадное впечатлѣніе. Вся публика была въ восторгѣ. Число недовольныхъ настоящимъ французскимъ правительствомъ, благодаря нашимъ усиліямъ, возрастаетъ ежедневно. Во время лецкій, при каждомъ словѣ о варварствѣ Москвы, понималось французское правительство; при каждомъ словѣ о несчастномъ, бѣдствующемъ, находящемся въ рабствѣ народѣ понимался французскій народъ, а такія слова повторялись тысячи разъ, такъ какъ даже и *дѣва орлеанская* доставила случай обращать все къ Польшѣ: каждое такое слово вызывало крики: *«идемъ на Москву!»* Этого только и нужно было для *спасительнаго общества всемірной реорганизаціи*, какъ справедливо назоветъ насъ потомство.

Лекціи доставили болѣе 70,000 фр. Не знаю, отдадимъ ли мы эти деньги въ пользу безплоднаго польскаго возстанія, или же удержимъ ихъ для великой нашей цѣли? Предвижу, однакожъ, что трудно намъ будетъ сладить съ сумасшедшею нашею эмиграціей; чего добраго, она успѣетъ выманить у насъ и эти деньги, чтобы купить на нихъ оружіе, которое естественно, достанется москалямъ или нѣмцамъ.

Въ нашемъ лагерѣ цѣлая фаланга французовъ съ замѣчательными талантами, имѣющихъ вліяніе на рабочій классъ.— Гг. Геру, Гавенъ и Делямарръ многое сдѣлали для насъ, и не даромъ приказали себѣ такъ дорого заплатить польскими деньгами. Opinion Nationale, Partie, Siècle и другія газеты знаютъ наши сокровеннѣйшія цѣли, и проводятъ нашу спасительную, великую, идею.—Послѣдніе выборы нашихъ друзей, хотя также купленыхъ за деньги,—Гарнье-Пажеса и Карно, произведены были подъ польскимъ вліяніемъ.

Богъ дастъ, придетъ время, когда мы всѣ воскликнемъ: Gloria in excelsis Dei! (Свлава въ вышнихъ)! И такъ, послѣдуй, другъ мой, доброму совѣту,—брось все, и пріѣзжай къ намъ: съ твоими способностями ты далеко пойдешь, а намъ очень нужны способные люди, чтобы сбыть съ рукъ эту гнилую, выжившую изъ ума эмиграцію. Это моровая язва, это

саранча, которая съѣла свой край и разнесла по немъ пламя пожара, это Каины, которые купаются въ крови своихъ братьевъ!...» «Далѣе высказано еще нѣсколько революціонныхъ бредней, въ которыхъ трудно добраться до смысла, и за тѣмъ письмо оканчивается словами: «Аминь—сожги письмо».

Еще письмо пустынника съ береговъ Вислы.

Въ «Dzienn. Powsz.» напечатано новое письмо «пустынника съ береговъ Вислы,» въ которомъ высказанно нѣсколько мнѣній о польскомъ возстаніи. Приводимъ его въ сокращеніи.— Всякій разъ (пишетъ пустынникъ), когда я слышу ропотъ нашей шляхты, что ее разорила революція, мнѣ приходитъ на мысль сентенція: volenti non fit injuria, ибо не подлежитъ сомнѣнію, что революціи не было бы, если бъ шляхта не приняла въ ней участія. И въ самомъ дѣлѣ, что могли бы сдѣлать интриги духовенства и глупости чиновниковъ, въ виду энергической воли и раціональнаго сужденія шляхты, поддерживаемой преданными правительству крестьянами?

Странное сходство представляетъ намъ упадокъ двухъ когда-то блестящихъ и могущественнѣйшихъ классовъ европейскаго общества! Дворянство на берегахъ Сены протянуло сильную руку революціи 1789 года; шляхта на берегахъ Вислы съ жадностью бросилась въ объятія заговора и теперешней нашей революціи. Первая понесла наказаніе на гильотинѣ, въ изгнаніи и въ разореніи своего состоянія; вторая испортила все свое будущее и настоящее положеніе.

Въ отношеніи къ духовенству, дѣло представляется совершенно иначе. Духовенство французское, подобно первоначальнымъ мученикамъ вѣры, облагородило свое положеніе кровью; между тѣмъ какъ большая часть нашего духовенства запятнала святость своего призванія; ибо нѣтъ сомнѣнія, что итальянское движеніе имѣло и теперь еще имѣетъ тѣсную связь съ нашимъ возстаніемъ, и что главная цѣль этого движенія завладѣть наслѣдіемъ св. апостоловъ Петра и Павла, по удаленіи изъ Рима св. отца. Но папа безъ Рима будетъ ли тѣмъ, что онъ теперь. Удаленіе его изъ Рима не повлечетъ ли за собою упадокъ католицизма?

Не обративъ вниманія на это обстоятельство, вся моло-

дежъ изъ бѣлаго духовенства и большая часть монаховъ сдѣлали все, что только отъ нихъ зависѣло, чтобы способствовать ускоренію этого дѣла. Должно быть, забыли, а можетъ быть, и никогда не знали, что Quidquid agis, sapienter agas et respice finem.

Проходя, въ прошломъ году, по іерусалимской аллеѣ, я встрѣтилъ легіонъ молодежи изъ духовенства, возвращавшійся изъ прогулки. Грустно было видѣть ихъ маленькія, въ родѣ жокейскихъ, шляпенки и гверильясовскіе мины. Какую будущность они готовятъ нашей церкви? Что молодежь дурачится—это легко понять; но что старшіе не хотятъ или не умѣютъ руководить ею—это неизвинительно!

Возвращаясь къ шляхтѣ, грустно подумать, что часть общества, которая всегда и вездѣ шла впередъ и была предметомъ гордости народовъ, у насъ сдѣлалась причиною бѣдствія страны и не съумѣла сохранить завѣщанный ей предками блескъ своего сословія.

Запятнавъ себя преступленіемъ и дѣлами ультрадемократическаго возстанія, она осквернила свой дворянскій гербъ, сама способствовала своему разоренію, произвела упадокъ промышленности и торговли и, что всего хуже, запятнала честь народа!

Забывъ о томъ, что легче разрушать, нежели возстановлять разрушенное, она увлеклась пагубною мыслію уничтоженія началъ народной нравственности, упуская изъ виду, что ничего нѣтъ легче, какъ деморализировать чернь. Плоды этой программы уже видны: образовались маленькія шайки бандитовъ, которые, подъ маскою патріотизма, занимаются грабежомъ и разбоемъ. Револьверъ, кинжалъ и петля такъ понравились этимъ людямъ, что, вѣроятно, долгое время они не возвратятся къ прежнимъ своимъ занятіямъ. Дай Богъ, чтобы этотъ нравственный упадокъ не сдѣлался характеристическою чертой народности ея.

Кричатъ у насъ и за границей, а всего болѣе краковскія газеты, что Императорское правительство обходится несправедливо и жестоко съ чиновниками царства, удаленными отъ должности. Правительство и чиновникъ—это одно и то же. Подъ словомъ «правительство» мы понимаемъ высшую власть, или главу политической іерархіи, члены которой—«чиновники.»

Можно ли требовать, чтобы въ одномъ и томъ же организмѣ были допускаемы члены, сопротивляющіеся волѣ главы организма? Правда, такъ было въ прежней Польшѣ, но зато мы знаемъ, каковъ былъ ея конецъ.... Никто не станетъ возражать, что лучше отнять больной членъ, нежели подвергать опасности весь организмъ.

Мнѣ не случалось слышать, чтобъ гдѣ либо происходило что-нибудь подобное манифестаціямъ и молитвамъ за благополучіе отечества, то-есть революціи, какъ это имѣло мѣсто въ каѳедральной церкви въ Варшавѣ. На молитвахъ этихъ присутствовала не только молодежь, но и пожилые, дѣлавшіе для этого денежныя пожертвованія.

Что съ самаго начала возстанія часть чиновниковъ вступила въ организацію, что въ пользу возстанія они вносили извѣстный процентъ отъ своего жалованья, что чиновники много способствовали поддержанію революціоннаго упорства,—объ этомъ тотъ не знаетъ, кто не желаетъ знать. Спрашивается, можетъ ли существовать такое правительство, которое бы не противодѣйствовало нападающей на него силѣ?

Напрасно польскія газеты распространяютъ ложные слухи и выдумываютъ присылаемые имъ изъ Варшавы пасквили. Что знаменитый человѣкъ, управляющій нынѣ нашимъ краемъ,—не тиранъ, объ этомъ лучше всего свидѣтельствуетъ его распоряженіе о выдачѣ высланнымъ изъ Варшавы чиновникамъ половиннаго жалованья. Другія обстоятельства еще сильнѣе говорятъ въ пользу нашего мнѣнія. Всѣмъ извѣстно, что немало мѣстъ занимаютъ такіе чиновники, которые принадлежали и принадлежатъ къ революціи, если не открыто, то по своему сочувствію. Видя ихъ на своихъ мѣстахъ, нельзя вынести другаго заключенія, какъ только то, что правительство, слѣдуя системѣ умѣренности, выжидаетъ, пока они опомнятся; оно разсчитываетъ на ихъ благоразуміе, которое должно бы пробудиться при настоящихъ обстоятельствахъ, и желаетъ въ будущемъ пользоваться ихъ способностями и опытностью. Нельзя, однакожъ, не сказать, что такое ожиданіе должно имѣть свои границы; успокоеніе края военнымъ путемъ не будетъ еще радикальнымъ излеченіемъ болѣзни, если въ самомъ правительственномъ элементѣ останутся еще зародыши яда. Тогда только можно будетъ положительно сказать: революція уничтожена,

когда публичныя должности займутъ не такія лица, которыя молчатъ и вѣрятъ въ софизмъ, что, исполняя публичныя обязанности, они служатъ не правительству, а народу, но люди безусловно преданные престолу, проникнутые консервативными идеями, которые докажутъ на дѣлѣ, что они—истинные, раціональные и честные чиновники. Тогда и молодежь послѣдуетъ примѣру старшихъ, и перестанетъ носить шляпенки à la жокей, что тоже составляетъ условленную манифестацію.

Нѣкоторыя періодическія изданія обращаютъ вниманіе на цифру издержекъ, сдѣланныхъ революціонной партіей, которая простирается до 200 милліоновъ злотыхъ. Если сосчитать всѣ суммы, украденныя изъ казначействъ, городскихъ и почтовыхъ кассъ, и прибавить къ нимъ добровольныя пожертвованія и затѣмъ контрибуціи,—то, кто знаетъ? Можетъ быть, счетъ этотъ достигнетъ еще большихъ размѣровъ. Фактъ этотъ удивитъ каждаго, знающаго цѣнность денегъ. Революція 1831 года обошлась во 100 милліоновъ злотыхъ, сосредоточенныхъ въ это время въ казначействѣ; однакожъ, эта революція должна была издерживать на содержаніе двухъ крѣпостей, многочисленный штабъ, сто тысячъ войска и потребности по части административной.

Впрочемъ, и эта загадка объясняется просто: *во первыхъ,* извѣстно, что добровольныя пожертвованія, складчины и контрибуціи, происходящія изъ частныхъ кармановъ, не подлежа строгому контролю, не доходили къ мѣсту своего назначенія въ такихъ же цифрахъ въ какихъ выходили изъ своихъ источниковъ. Я знаю двухъ сборщиковъ варшавскихъ; одинъ изъ нихъ отецъ семейства, другой холостякъ. Первый занималъ одну комнату на чердакѣ; второй не имѣлъ въ своемъ распоряженіи и двухъ злотыхъ. Пробывъ 4 мѣсяца сборщикомъ, первый спустился въ бельэтажъ, гдѣ занимаетъ 7 комнатъ, убранныхъ палисандровыми и бронзовыми издѣліями; второй живетъ прилично и спряталъ въ ящикъ 40,000 злот. въ заставныхъ листахъ. Оба кричатъ: vivat революція! *Во вторыхъ,* недавно въ газетахъ была напечатана жалоба подземнаго правительства, что его суммы улетучиваются, что изъ суммы 13,000 р., посланныхъ въ люблинскій отдѣлъ, прибыло на мѣсто назначенія только 5,000, и что до свѣдѣнія его дошло, что предводители отрядовъ злоупотребляютъ народными капи-

талами, истрачивая ихъ на азартную игру и кутежи. Вотъ и вторая рубрика народныхъ издержекъ.

Третья рубрика—расходы на тайную полицію, плата жандармамъ—вѣшателямъ, гонорарій членамъ правительства и плата бѣжавшимъ за границу, по совершеніи преступленія.

Въ четвертой рубрикѣ красуются издержки на агенства, которыя содержатся во всѣхъ иностранныхъ столицахъ, для распространенія лжи, введенія въ обманъ общественнаго мнѣнія. Рубрика эта довольно массивная; заграничные агенты играютъ извѣстную роль, и редакторы иностранныхъ газетъ—господа съ которыми нелегко сдѣлаешься.

Наконецъ, слѣдуетъ рубрика чрезвычайныхъ издержекъ. Это—капиталы на покупку оружія и аммуниціи: это—тоже почтенная рубрика. Только Богу извѣстно, сколько стоитъ оружіе; Онъ одинъ знаетъ, сколько его пропадаетъ, а намъ извѣстно только то, что издержки героевъ и дипломатовъ, блуждающихъ въ Парижѣ и Лондонѣ, очень значительны. Вотъ, приблизительно, способъ употребленія большихъ и тяжелыхъ народныхъ пожертвованій, которыя разорили край, и главная цѣль которыхъ—содержать, въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, нѣсколько шаекъ, скрывавшихся въ лѣсахъ. Плодомъ всего этого было убіеніе полутора тысячъ человѣкъ осмѣлившихся имѣть свое собственное мнѣніе.

Въ распространеніи, а также въ дальнѣйшемъ развитіи возстанія играло важную роль дѣятельное участіе прессы; она распускаетъ слухи, распространяетъ вымышленные или дѣйствительные факты, и такимъ образомъ создаетъ понятіе, которое дѣлается раціональнымъ или фальшивымъ, сообразно уму и совѣсти редактора. Такого рода журналистику можно раздѣлить на два класса: на органы истины и чести, и на эхо партіи и страстей. Отличительная черта первыхъ—развитіе консервативныхъ идей, собранія дѣйствительныхъ фактовъ, ученыя свѣдѣнія. Второй классъ журналистики ищетъ всего и хватаетъ, что можно, что нравится подписчикамъ; онъ желаетъ занимать, но не учить. Такой программѣ слѣдуетъ краковская газета «Czas-Chwila.» Я не удивляюсь всѣмъ бреднямъ и пошлымъ пасквилямъ подземной прессы; выходки ея рождаются въ кондитерскихъ, въ баваріяхъ, на биліардахъ, а редактируютъ ихъ студенты, писцы и т. п.; но я не могу понять, какъ дѣлается,

что газета краковская, отличающаяся хорошимъ тономъ, такъ мало цѣнитъ истину и логику. Возмемъ для примѣра нѣсколько мѣстъ изъ краковской газеты. Въ декабрѣ прошлаго года, сдѣлано покушеніе на жизнь одного кондуктора; онъ объявилъ фамилію убійцы, и «Chwila» назвала его за то измѣнникомъ и шпіономъ. Гдѣ же здѣсь здравый смыслъ? Въ другомъ нумерѣ, та же газета, жалуясь на исполненіе смертныхъ приговоровъ, восклицаетъ: «За что ихъ убиваютъ? За то, что они—поляки!» Это были убійцы. Недавно «Chwila» сообщила, что, во время нападенія на Опатовъ, начальникъ отряда велѣлъ отступить, потому что ему жаль было убивать москалей. Въ томъ же нумерѣ она говоритъ о сформированіи 3-хъ корпусовъ народнаго войска. Гдѣ же эти корпуса? Ложь сама по себѣ—дѣло гадкое; но въ этомъ случаѣ она становится еще хуже, потому что эти маневры вводятъ въ заблужденіе и губятъ тѣхъ, къ которымъ «Chwila» ловко обращаетъ свои рѣчи. Смѣшонъ также географическій лексиконъ «Chwili.» Говоря о Россіи и Царствѣ Польскомъ, онъ первую называетъ Москвою, вторую—«конгресувкою.» Москва—городъ могущественной Руской Имперіи, которая владѣетъ 9-ою частью всего материка; а «конгресувка»—это пахнетъ школьничествомъ....

Однимъ словомъ, пробѣгая отъ скуки иностранныя газеты, я мало нахожу въ нихъ удовольствія и говоря искренно, нигдѣ не нахожу столько истины, достоинства, умѣренности и математической раціональности, сколько въ «Dzien. Powsz.» Изъ этого я заключаю, что всѣ нападки краковской газеты доказываютъ только ея темноту, при которой она не выноситъ блеска истины.

Два правдивыхъ письма о польскомъ мятежѣ

Въ газетѣ «Presse» напечатно слѣдующее письмо маіора Луціана Фуке, пробывавшаго въ рядахъ польскихъ повстанцевъ, съ апрѣля по сентябрь 1863 года: «Я возвратился изъ Польши, гдѣ сражался противъ московитовъ съ апрѣля до сентября 1863 года. Раненный въ дѣлѣ подъ Турибинымъ, въ ту самую минуту, когда Лелевель былъ убитъ, я находился въ плѣну у русскихъ до октября мѣсяца, до окончательнаго моего выздоровленія, и затѣмъ предприняль обратное путешествіе во Фран-

цію, съ цѣлью докончить тамъ свое леченіе. Проѣзжая чрезъ Галицію, я былъ арестованъ австрійцами, которые посадили меня въ краковскую цитадель, гдѣ провелъ я цѣлый мѣсяцъ. а потому и могъ возвратиться на родину только въ концѣ ноября. Я пріѣхалъ во Францію вполнѣ огорченный нелѣпостью и невѣжествомъ французской журналистики. Во Франціи не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о польскомъ вопросѣ, по той простой причинѣ, что въ ней никто не знаетъ, что такое теперь Польша, и что такое Россія, а потому естественно, что никто изъ журналистовъ не доставилъ хотя бы самыхъ поверхностныхъ свѣдѣній относительно столь животрепещущаго вопроса. Обстоятельное изученіе польской націи, въ политическомъ и соціальномъ отношеніи, можетъ быть доступно только иностранцу, который, подобно мнѣ, пробылъ, извѣстное время въ повстанскихъ рядахъ и постарался вникнуть въ смыслъ и значеніе польскаго мятежа. Всѣ статьи и брошюры, писанныя въ пользу Польши, представляютъ безсмысленный наборъ фразъ, внушенныхъ ошибочными понятіями и неточными свѣдѣніями. Авторы этихъ сочиненій излагали свои мысли, не имѣя ни малѣйшаго понятія о польской жизни. Парижскій комитетъ старается, повидимому, удалить съ мѣста дѣйствія всѣхъ иностранцевъ, имѣющихъ возможность изучить жизнь польскаго народа во всѣхъ ея проявленіяхъ, наблюдать за ея движеніемъ, и затѣмъ знакомить европейскую публику съ результатами своихъ наблюденій. Всѣ французы, которые прибыли въ Польшу, должны были вести войну на свой счетъ, что заставило ихъ тотчасъ же возвратиться на родину. Я остался однимъ изъ послѣднихъ, и потому ботѣе чѣмъ кто-либо въ состояніи доказать самыми неопровержимыми фактами, до какой степени справедлива «Presse» въ трудной полемикѣ, поддерживаемой ею съ такимъ блестящимъ успѣхомъ. «Siècle и Opinion Nationale«, по моему мнѣнію, также какъ и по мнѣнію всякаго человѣка, бывшаго въ Польшѣ, отличаются крайнею нелѣпостью выводовъ и возмутительною невѣжественностью. Онѣ втянули было Францію въ войну, подвели мое отечество къ окраинѣ пропасти, подготовленной нелѣпостью ихъ завѣреній, распространяя и поддерживая въ народѣ самыя нелѣпыя преданія, самые возмутительные предразсудки».

— По поводу этого письма г. Фука, которое «Siécle» на-

зываетъ написаннымъ по внушенію редактора «Presse», въ этой послѣдней газетѣ напечатано другое, въ высшей степени замѣчательное письмо г. Калаваза, изъ котораго, за недостаткомъ мѣста, мы извлекаемъ слѣдующій отрывокъ.

Изъ всего предыдущаго должно заключить слѣдующее:

»Польская нація—чистѣйшая химера.

«*Возстановленіе Польши* — пустой звукъ, голословное выраженіе, дающее жалкое понятіе о тѣхъ людяхъ, которые употребляютъ его. Было бы логичнѣе сказать: замѣнить русское господство надъ польскими землями владычествомъ двухъ тысячъ польскихъ пановъ, которые стали бы угнетать крестьянъ и требовать отъ нихъ какъ можно болѣе денегъ.

«Очевидно, что это пробужденіе народа есть ничто иное, какъ заговоръ, искусно обдуманный кастою людей, жаждущихъ власти и богатства. Народъ требующій съ оружіемъ въ рукахъ невозможныхъ правъ, — есть ничто иное, какъ невѣжественная и фанатическая каста, сожалѣющая о счастливыхъ временахъ феодализма и всячески старающаяся возвратиться къ нимъ.

«Это движеніе, возбужденное дворянствомъ, возносимое духовенствомъ, торжественно одобреное папою, съ яростью поддериваемое какъ пылкими органами антиклерикальной партіи, такъ и ревностнѣйшими поборниками католицизма; это движеніе, въ которое вошли всѣ возможные элементы, и которое справедливо назвали «интригою дворянъ и іезуитовъ«—это движеніе есть простое возстановленіе феодальнаго права, дворянской анархіи, аристократической республики, которая, какъ извѣстно, не переставала существовать въ Польшѣ.

«Неужели же эти либералы будутъ озадачены, если имъ скажешь: всѣ ваши усилія стремятся къ возсоединенію монархической Польши, подъ сѣнью католической, феодальной церкви. Вы служите ксендзамъ потому только, что не польскій дворянинъ будетъ госодствовать въ Польшѣ, предоставленной самой себѣ,—а католическій священникъ.

«Въ Польшѣ ксендзъ вполнѣ управляетъ женщиною, которая, въ свою очередь, господствуетъ, надъ мужчиной.

»Поэтому можно смѣло сказать, что польская революція составляетъ, въ сущности, клерикальное волненіе.

«По необъяснимому противорѣчію, тотъ самый народъ, который хвалился тѣмъ, что произвелъ революцію 1789 года,

который первый провозгласилъ свободу и равенство.—словомъ, французы, вслѣдствіе обманчивыхъ продѣлокъ, расточаютъ теперь восторженные похвалы передъ надменною и себялюбивою кастою, принцыпы которой противорѣчатъ ихъ воззрѣніямъ. Они принимаютъ ее за пробуждающуюся націю! Какое страшное заблужденіе!

«Демократическіе журналы, неумышленно компрометируя поборниковъ прогресса, которымъ они, повидимому, такъ усердно служатъ, провозносятъ повсюду принципъ, ускользающій отъ строгаго анализа,—принципъ національностей. Они безсознательно примѣняютъ его ко всему, не принимая въ соображеніе ни соціальнаго положенія народовъ, ни строгой логики исторіи.

«Они думаютъ, что стоятъ за прогрессъ, когда стараются воскресить польскій народъ, жизнь котораго составляетъ явное отрицаніе всякой идеи прогресса.

«Русскихъ часто упрекали въ жестокости. Но неужели же защитники Польши полагали, что такъ удобно справиться съ революціею? Русскіе подвергались, наравнѣ съ прочими народами, всѣмъ тягостямъ войны. Я вовсе не имѣю въ виду оправдывать то, что заслуживаетъ порицанія; но вѣдь война всегда будетъ войною. Когда дерутся, тогда убиваютъ людей.

«Аресты женщинъ существуютъ, но *кнутъ* есть чистейшая выдумка.

«Поляки превосходятъ русскихъ жестокостью. Непріятельскіе солдаты, попавшіеся намъ въ плѣнъ, были перевѣшаны до единаго. Всякій разъ, что кто-нибудь намъ мѣшалъ, былъ ли это полякъ или русскій, отъ него мы тотчасъ же избавлялись.

«Я, съ своей стороны, видѣлъ какъ одинъ изъ членовъ краковскаго комитета приготовлялъ ножъ, предназначенный прекратить жизнь знаменитаго начальника австрійской полиціи Сезтовскаго. При мнѣ разстрѣляли одного польскаго предводителя, на дворѣ замка, за то, что онъ предъявилъ притязаніе на власть. Все старая пѣсня о личномъ соперничествѣ!

«Я сказалъ выше, что цѣль польскаго правительства та, чтобы продлить возстаніе на неопредѣленное время, чтобы вывести общественное мнѣніе изъ терпѣнья, и вызвать вмѣшательство Франціи. Прибавлю здѣсь, что это возстаніе прекратится тогда лишь, когда у національнаго правительства недо-

станетъ денегъ. Пока онѣ у него будутъ, оно не перестанетъ покупать оружіе и подкупать наемниковъ».

«Московскія Вѣдомости» о статьѣ г. Чечурина объ устройствѣ училищъ въ Подольской губерніи.

Москва 10-го апрѣля. Въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* помѣщена статья г. Чечурина объ устройствѣ народныхъ училищъ въ подольской губерніи. Содержаніе этой статьи слѣдующее: Учрежденіе народныхъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія въ кіевской губерніи «встрѣтило огромныя затрудненія со стороны какъ высшихъ, такъ и *сельскихъ лицъ* (?), не желавшихъ выпустить изъ рукъ своихъ народное образованіе и боявшихся всякой новой *и раціональной* инціативы со стороны мало симпатичнаго имъ учебнаго и ученаго вѣдомства», [1]) вслѣдствіе чего не оказалось возможнымъ учредить въ этой губерніи болѣе 20 школъ. Совсѣмъ другаго рода пріемъ сдѣланъ былъ этой раціональной инціативѣ въ подольской губерніи. Еще годъ тому назадъ, въ *С.-Петербургскихъ же Вѣдомостяхъ*, въ статьѣ очень сходнаго съ настоящею штемпеля, была выражена надежда, что «духовенство подольской и волынской губерній взглянетъ болѣе просвѣщеннымъ и современнымъ взглядомъ (чѣмъ кіевскія *высшія* и *сельскія лица*) на полезную инціативу правительства.» Нынѣ надежда эта вполнѣ «оправдалась и осуществилась самимъ блистательнымъ образомъ»: въ подольской губерніи *предположено открыть 27 народныхъ училищъ*.... Ну, немногимъ же это больше чѣмъ въ кіевской, въ которой по крайней мѣрѣ 20 школъ открыто, а тутъ онѣ только *предположены*. Скажутъ за устройство школъ въ Подоліи принялись недавно; довольно и того, что избрали для нихъ пункты, и сдѣлали съ кѣмъ слѣдуетъ предварительныя сношенія. Съ этимъ нельзя согласиться. Извѣстно, что Высочайшее повелѣніе объ открытіи народныхъ школъ въ западныхъ губерніяхъ послѣдовало 18 января 1862 года, и что въ началѣ слѣдующаго, то-есть ровно годъ тому

---

[1]) Для чего же этотъ недостатокъ симпатичности? Хорошо ли такое грустное явленіе въ одной семьѣ русской любезнаго нашего отечества? Ред.

назадъ, послѣ фіаско въ кіевской губерніи, г. Туловъ, главный дѣятель по этому дѣлу, былъ посланъ въ подольскую губернію. Что же сдѣлано имъ въ теченіи года. *Предположено* открыть 27 училищъ! Не слишкомъ ли рано г. Чечуринъ начинаетъ сулить ему безсмертіе? Есть похвалы, которыя ставятъ хвалимаго въ положеніе смѣшное....

Но г. Чечурину мало пропѣть хвалебный гимнъ будущимъ школамъ Подоліи; онъ усиливается доказать, что полное благоденстіе объяло бы и кіевскую губернію, если бы тамошнія «высшія и сельскія *лица*» не положили этому преградъ Тамъ, правда, мало школъ, но какъ онѣ хороши! «Иногда», говоритъ онъ,

«—въ дорогѣ вы видите огонекъ, сверкающій изъ единственнаго окна, въ небольшой хатѣ, среди пустыннаго поля. Радуются недоброжелатели разумнаго человѣческаго движенія, какъ еще много чернаго мрака кругомъ, такъ что огонекъ какъ будто гаснетъ отъ силы и громадности этого мрака! Но и въ этихъ уединенныхъ школахъ, забытыхъ и пренебреженныхъ всѣми тѣми, кто издалека смотритъ на народную массу, подверженныхъ только неуклюжей ироніи и площаднымъ остротамъ нашей кіевской прессы, (?!) основанной на мелкомъ разсчетѣ и на всегда благовидной спекуляціи, (??!!)живетъ чистое и безкорыстное просвѣщеніе, питающее здоровою пищей молодые умы и сердца будущихъ гражданъ нашей земли; тамъ наука не есть пугало, заставляющее ребенка зѣвать и плакать; тамъ нѣтъ ни розги, ни линейки, ни плетки, какъ орудій поощренія любознательности; тамъ нѣтъ долбленія и забиванія умственныхъ силъ; тамъ нѣтъ крика и не слышно безчестнаго звука рукопашныхъ исправительныхъ мѣръ. Но тамъ, вмѣсто того, мы находимъ молодаго учителя, который оставилъ городъ [1]) по влеченію къ новому дѣлу, вполнѣ полезному и глубоко симпатичному. Кругомъ его дѣти, не старше 10 и 12 лѣтъ, веселыя, незапуганныя, послушныя по собственной волѣ, любящія и не боящіяся его. Онъ ихъ учитъ; день его наполненъ; онъ имъ объясняетъ эпизоды священной исторіи по хорошимъ картинкамъ: глаза дѣтей устрем-

---

[1]) Наскучивъ, напр., быть лакеемъ у какого нибудь профессора университета, или сидѣльцемъ въ рыбной лавкѣ мѣлкаго заѣзжаго въ Кіевъ торговца.

леты на него съ жадностію, и онъ видитъ въ нихъ, какъ умственная сфера въ ребенкѣ разширяется. Работать усердно и добросовѣстно въ такомъ слоѣ общества, который самъ работалъ сотни лѣтъ для другихъ слоевъ, это не есть пошлое занятіе; чувства, такимъ трудомъ возбуждаемыя, не унижаютъ къ вполнѣ человѣческой дѣятельности. Всѣ, которые видѣли нѣсколько народныхъ училищъ, открытыхъ въ 1862 г. въ Кіевской губерніи, раздѣлятъ и подтвердятъ все здѣсь сказанное; всѣ хвалятъ ихъ почти безусловно.»

Блаженная кіевская губернія! Но почему же она такъ упрямо отказывалась принять предлагаемое ей благодѣяніе? Почему, напротивъ того, подольская губернія радостно отверзла свои объятія школамъ министерства народнаго просвѣщенія? Странно: изъ смысла всей статьи ясно до очевидности, что сопротивленіе образованію крестьянъ обнаружило кіевское духовенство; между тѣмъ однакоже, извѣстно, что еще за нѣсколько времени до этой «новой и раціональной инниціативы» учебнаго округа, кіевская епархія особенно заявила себя дѣйствительно, *новою* и, судя по успѣху, дѣйствительно *раціональною* инниціативой по части учрежденія школъ для крестьянскихъ дѣтей.

Посмотримъ, какъ приступило учебное кіевское начальство къ устройству школъ въ Подоліи. Объ этомъ мы находимъ весьма пространныя извѣстія въ статьѣ г. Чечурина. Когда не ладилось дѣло въ кіевской губерніи, тогда рѣшено было командировать г. Тулова съ необходимыми рекомендаціями въ подольскую губернію. Г. попечитель отнесся къ тамошнему архіепископу, «прося оказать содѣйствіе труду возложенному на г. Тулова.» Этому послѣднему относительно избранія пунктовъ для учрежденія школъ предписано было «дѣйствовать по взаимному соглашенію съ архипастыремъ и г начальникомъ губерніи.» Въ основаніи управленія предполагаемыхъ школъ было положено взаимное содѣйствіе духовнаго и учебнаго начальства: «по важности религіозно-нравственнаго образованія, мѣстному приходскому священнику, кромѣ законоучительства, ввѣрено было, въ званіи блюстителя школы, главное наблюденіе за ходомъ воспитанія въ ней.» Епархіальному начальству, наконецъ, чрезъ довѣренныхъ и имъ назначаемыхъ лицъ, предоставлено было слѣдить за религіозно-нравственнымъ направленіемъ школъ. Вотъ слѣдовательно какую связь, какое взаимно дѣйствіе между свѣт-

скою и духовною властію положено было установить въ подольской губерніи, вотъ какое важное вліяніе на школы было предоставлено мѣстному духовенству. Естественно, что оно съ радостію оказало содѣйствіе начатому такимъ образомъ дѣлу. Но было ли подобное значеніе предоставлено кіевскому духовенству мы сомнѣваемся, мы даже имѣемъ основанія полагать что ничего подобнаго тамъ не было. [1]) Удивительно ли что духовенство съ перваго же шага оказалось не слишкомъ благосклоннымъ къ дѣлу начинаемому столь безцеремонно? Надо принять въ разсчетъ, что министерская наука являлась въ среду украинскаго крестьянства не ранѣе 1862 года, тогда только когда политическія соображенія указали на настоятельную необходимость школъ въ томъ краѣ, между тѣмъ какъ вѣковѣчнымъ и единственнымъ учителемъ народа тамъ было духовенство,—то самое духовенство, которое, кромѣ своего священнаго призванія, около 300 лѣтъ стояло тамъ во главѣ національнаго движенія, которое постоянно играло тамъ высокую и почтенную историческую роль. Развѣ къ такому важному историческому дѣятелю можно относиться съ тою самонадѣянною развязностью, которую любятъ приносить съ собою въ провинціи петербургскіе чиновники, прибывающіе туда съ полномочіемъ отъ высшаго начальства по дѣламъ земской полиціи? Вертѣть земскою полиціей можетъ-быть и можно человѣку облеченному достаточнымъ полномочіемъ; но къ крѣпкой организаціи, имѣющей глубокіе корни въ народной почвѣ и касающейся своею вершиною самыхъ священныхъ чувствъ и вѣрованій, относиться слѣдуетъ иначе. Можетъ быть скажутъ, что въ интересѣ края и образованія, мѣстному духовенству слѣдовало бы уступить и не тормозить полезнаго дѣла. Но въ томъ-то и вопросъ, полезно ли дѣло которое начинается заявленіемъ неуваженія къ тому что имѣемъ право на уваженіе?

Намъ кажется, что устройство народныхъ школъ въ кіевскомъ округѣ съ перваго шага пошло ложнымъ путемъ. Тамъ предположено было начать съ образованія особаго заведенія для приготовленія сельскихъ учителей: мысль не практичная въ открытіи сотень сельскихъ школъ разомъ. Несравненно дѣльнѣе поступлено было въ виленскомъ округѣ, гдѣ, благодаря забо—

---

[1]) Вполнѣ справедливо. Ред.

тамъ бывшаго попечителя тамошняго округа, князя Ширинскаго-Шихматова, было безъ всякихъ предварительныхъ мѣръ прямо приступлено къ открытію школъ на избранныхъ пунктахъ или къ улучшенію тѣхъ, которыя уже были открыты духовенствомъ; для того же, чтобъ имѣть учителей, на первый разъ обратились къ естественному источнику, къ мѣстному духовенству,—и оно поспѣшило съ полнымъ усердіемъ отозваться на сдѣланное ему приглашеніе. Результатомъ такого способа дѣйствій было то, что въ виленскомъ округѣ, въ теченіи 1862 года, было открыто 111 школъ, а въ кіевскомъ 20, между тѣмъ какъ на устройство тѣхъ и другихъ, матеріальное пособіе отъ правительства дано было одинаковое, по 10.000 рублей. Продолжая идти по правильному пути, виленское учебное начальство имѣетъ уже до 400 народныхъ школъ, а кіевское, со включеніемъ *предположенныхъ*, только 47. Не мѣшаетъ къ этимъ итогамъ прибавить и то, что дѣло грамотности въ народѣ послужило въ сѣверо-западномъ краѣ новою связью между свѣтскою властію и духовною, а въ юго-западномъ тоже самое дѣло послужило къ ихъ печальному разъединенію.... Чему же радуется г. Чечуринъ? Что восхваляетъ? Кому плететъ лавровые вѣнки?

ПОПРАВКИ.

Въ 8 книгѣ „Вѣстника" вкрались слѣдующія опечатки, имѣющія вліяніе на извращеніе смысла текста:

Въ Отд. III, стр 18 напечатано: одинакою, нужно читать—одинокою.

Тамъ-же, стр. 21, вмѣсто: замѣтилъ въ нихъ, нужно читать—замѣтимъ въ мальчикахъ.

На той-же страницѣ—вмѣсто далѣе, нужно читать: долѣе.

На той-же страницѣ фразу: это мнѣ кажется самый лучшій методъ изъ всѣхъ какіе у насъ есть, нужно окружить знаками ( ).

Тамъ-же стр. 22, вмѣсто обоихъ, нужно читать: обѣихъ.

Тамъ-же стр. 23, вмѣсто сознаніемъ читавшаго, нужно читать: сознаніемъ читаннаго, вмѣсто пріучивался,—пріучался.

Тамъ-же, стр. 24, вмѣсто—говоря, что я проч., нужно было напечатать:. Говоря, что и проч.

Тамъ-же, стр. 28, вмѣсто, учителя... спеціалисты, нужно читать:; учителя... и проч.; вмѣсто: образованія въ гимназіи, нужно читать безъ фразы: въ гимназіи.

Тамъ-же, стр. 32, вмѣсто пожертвованія школами, нужно читать безъ слова: школами.

Тамъ-же, стр. 33, вмѣсто этимъ именемъ — нужно читать: именемъ всероссійскихъ патріотовъ.

Въ той-же 8 книжкѣ, Отдѣлъ IV, стр. 148. вмѣсто разумными распоряженіями, нужно читать: разными....

Тамъ-же, стр. 149. вмѣсто крукъ, нужно читать: каноникъ.

13½ листов

Содержаніе 9-й книжки „Вѣстника."

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

ОТДѢЛЪ III.

ОТДѢЛЪ IV.